

Книга эта посвящена замечательному музыканту, яркому, очень одаренному дирижёру, народному артисту России Ивану Всеволодовичу Шпиллеру, жизнь которого была отдана великой музыке и служению Красоте. Я всегда восхищалась его талантом, перед этим человеком бесконечно преклонялась и до сих пор его люблю.

*Автор книги - вдова маэстро Шпиллера
Л. ЗАГАЙНОВА*

Москва 2004 год

*« ... и даже когда ты молчишь,
я смакую твой голос,
истинный, как вода... »**

Оглавление

1946 год. Болгария, Дупница.....	1
1935 год. София.	5
1936 – 1949 годы. Болгария, София.	9
1950-1960 годы. Россия. Москва.	18
1966-1978 годы. Москва-Харьков, далее везде... ..	58
1978-1990 годы. Красноярск.....	69
1991 – 1993 годы. Красноярск – Белград.	99
1993 год. Красноярск-Женева... ..	112
1994 – 1996 годы. Красноярск – Пусан – Москва... ..	124
1996 – 2000 годы, Москва.	159
2001 – 2003 годы. Москва – Красноярск.	184
ПОСЛЕСЛОВИЕ	210
СИМФОНИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ, ПРОДИРИЖИРОВАННЫЕ МАЭСТРО И.ШПИЛЛЕРОМ:	216
СИМФОНИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ И СОВЕТСКИХ АВТОРОВ, ПРОДИРИЖИРОВАННЫЕ МАЭСТРО И.ШПИЛЛЕРОМ.	221
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	224

ОЧЕРТЕНИЯ ПТИЦЫ В ГЛИНЕ

1946 год. Болгария, Дупница.

Май послевоенного сорок шестого дурманил запахом цветущих лугов, поражал гомоном птиц, которые словно забыли о реве самолётов, бомбежках и жутком грохоте Второй мировой войны. Жизнь возрождалась во всей прелести пробудившейся, отдохнувшей природы.

В эти весенние благословенные дни по пути из Святых Мест в Болгарию приехал Патриарх Алексей*. Гостя всюду встречали сотни прихожан и духовенство, интерес к его визиту на Балканах был огромен. Празднование тысячелетия Рыльского монастыря было в центре визита московской церковной делегации. В селе Дупница – по дороге к Рыльским горам – кортеж во главе со Святейшим Патриархом сделал остановку. Храм в Дупнице находился на возвышенности, и вся торжественная процессия для совершения молебна поднималась в гору по ступеням.

- Царевич Симеон!.. царевич Симеон! - как-то разом выдохнула собравшаяся многотысячная толпа и качнулась вперед.

Её внимание было приковано к мальчику лет одиннадцати, который, поддерживая Патриарха за локоть, чинно шагал между двумя церковными Первосвященниками.

Экзарх Болгарский Стефан от такого волнения в народе растерялся и замедлил шаг. Патриарх же Алексей, глядя на своего иподьякона, лукаво улыбнулся, коллизия с царевичем Святейшего явно забавляла...

Несколько секунд все стояли словно в оцепенении. И вдруг со всех ног к ребенку бросились архиереи, сопровождавшие Патриарха, они старались оттеснить мальчика к кортежу машин. Наконец, затолкали его в одну из них – чуть ли ни под сиденье, приказав из машины не выходить.

Только собравшиеся крестьяне, многие впервые увидевшие царевича, – телевидения в ту пору ещё не было – не хотели отпускать машину. Они совали в окно автомобиля какие-то кульки с едой, спрашивали о здоровье мамы и сестры, потом попытались поднять машину на руки, чтобы нести своего правителя до самого Рыльского монастыря. Ведь после смерти царя Бориса в 1943 году, именно царевич Симеон претендовал на Болгарский престол и вместе с регентами, несмотря на малолетний возраст, пытался управлять страной.

Но в 1946 году международную обстановку во многом определял в Москве Сталин, который требовал, чтобы в Болгарии утвердилась республика с советской властью. В стране объявили плебисцит, итоги которого должны были «решить» судьбу царевича Симеона и всей царской семьи. Плебисцит по срокам совпал с визитом московских гостей. И события в Дупнице могли обернуться большим политическим скандалом с Кремлем.

...Перепуганный насмерть ребенок взирал на верноподданных крестьян с неподдельным ужасом, не понимая происходящего. Он был похож на пойманного зверька, и молился, чтобы кошмар поскорее закончился. Через какое-то время машину с «венценосным наследником»

удалось у народа отбить, и спешно покинув митингующих крестьян, автомобиль помчался в горы.

В Рыльском монастыре мальчик забился в келье, боясь показаться на людях, но вскоре он был приглашен Патриархом на официальное заседание. В большом зале сидел весь Синод и члены Болгарского правительства.

- Ваня, - обращается Патриарх ко мне при всех, – здесь какие-то международные телеграммы. Переведи, пожалуйста, с французского...

Эту историю через много лет маэстро Иван Шпиллер не мог вспоминать без смеха и слез. Но она интересна не только тем, что русского мальчика – пусть на несколько часов – сделали царем Болгарским. Дети были одного возраста и внешне похожи друг на друга, так что в подобной метаморфозе не таилось ничего удивительного. Гораздо важнее в данном происшествии было другое: яркий эпизод визита Святейшего не мог не остаться в памяти Патриарха, он не затерялся среди множества заграничных впечатлений и знакомств. И возможно именно он способствовал дальнейшему содружеству Алексея I со всей семьей Шпиллеров.

- В 1946 году произошло не только знакомство папы, да и нас с мамой, со Святейшим Патриархом, - рассказывал Иван Всеволодович, - установились добрые отношения, впоследствии укрепившиеся.

При встречах с молодым священником - батюшкой Всеволодом – отцом Вани Шпиллера - Патриарх услышал полную драматизма историю эмиграции киевского шестнадцатилетнего кадета, отправленного вместе с другими присягнувшими мальчиками в 1919 году среди ночи в самое пекло гражданской войны. Рассказ этот о юноше, прошедшем ранения, жестокость, кровь и грязь, отступление врангелевской армии в Константинополь, мытарства на чужбине без всяких средств, рассказ о многом, что составляло жизнь русского молодого человека Севы Шпиллера (в так называемой эмиграции) тронул Патриарха. И в ответ на свою исповедь батюшка Всеволод от Святейшего - впервые за очень много лет - получил известия о судьбе своей семьи, оставшейся в Киеве, а затем потерявшейся для него на бескрайних просторах России.

И началась переписка... (Из неё буду приводить только некоторые страницы или небольшие цитаты, потому что вся она была любовно собрана и в 2002 году - к столетию батюшки Всеволода - издана его сыном Иваном Всеволодовичем).

5 июня 1946 г.

г. Москва.

+

Патриарх Алексей – Наталье Шпиллер*

« Многоуважаемая Наталия Дмитриевна!

Я очень рад, что имею случай послать Вам искренний привет и благословение Божие. Я недавно был в Болгарии и там неоднократно виделся с Вашим братом и его семьей. Они посылают Вам прилагаемые

вещи. Очень милые люди, а племянник Ваш ВАНЯ – очаровательный мальчик. Он при моих службах держал мой посох и всюду сопровождал нас. Вероятно, Вам приятно будет иметь от них весточку.

Искренно преданный П.Алексий»

Весточка была первой за долгие, долгие 28 лет тревог, сомнений: - «жив ли?!..» Она была безмерной радостью для сестер Натальи и Веры*, но еще больше для мамы – Марии Николаевны Шпиллер*, которая все эти годы молилась о своем мальчике и молча его ждала. Обсуждать эту тему в семье было не принято, и не только из боязни, хотя времена были тревожные, любое упоминания о родных за границей могло стоить жизни всем, а тут ещё – белый офицер, воевавший во вражеском стане. Родные и близкие старались не беречь незаживающую рану Буси – (домашнее имя М.Н.Шпиллер), поэтому о пропавшем кадете никогда вслух не разговаривали.

г. София. 1 июня 1946 г.

о.Всеволод – М.Н.Шпиллер.

«Моя дорогая, моя любимая Мамочка, милая, милая Ната! Пользуюсь добротой и любезностью Святейшего, взявшего для Тебя и для Наты фотографии Твоего внука и Натаино племянника, прислуживающего Святейшему во время богослужений. Каждый вечер Иоанн молится о бабушке, и о тёте, и о другой тёте, чтобы все были счастливы, благополучны, хранимы Богом.

Святейший передаст Тебе через Нату коробочку от Людмилы, в которой Ты найдешь крестик, освященный на мощах преподобного Иоанна Рыльского... Его имя носит наш Иоанн, и нам было бы приятно знать, что от него что-то есть и в вашем доме.

Приезд Святейшего был большой и неповторимой радостью. Но вот Он уже отъезжает, и об этом грустит не только так привязавшийся к Нему и полюбивший Его Иоанн...

Мы были бы очень рады весточке от Тебя и от Наты. Вместе с Людмилой и Иоанном горячо Тебя обнимаю, Мамочка моя любимая, моя радость. И нашу милую Нату, успехам которой искренне радуемся, и Верочку. Господь с Тобой, Господь с вами.

Любящий Всеволод»

*Москва, 24 января 1947 года. +
Патриарх Алексий – Ивану Шпиллеру.*

«Милому мальчику Иоанну в благословение и на память от всепоминающего его усердие к службам Божиим и любящего его о Христе.

П.Алексий»

Вместе с письмецом был прислан портрет Святейшего Патриарха – Симанского*, который и по сей день хранится в доме Шпиллеров.

Переписка эта стала своеобразным началом возвращения семьи священника Всеволода Шпиллера из Болгарии на родину, но соединение эмигрантов с родственниками и близкими, живущими в России, произошло только через четыре тягучих года. И рассказ о встрече с Москвой обязательно продолжим после – всему своё время. А сейчас вернёмся, прокрутив плёнку событий, назад, в 1935 год, чтобы не прерывать повествование о нашем герое – Иване Шпиллере.

1935 год. София.

*«Ива склонилась и спит,
И кажется мне, соловей на ветке -
Это её душа»**

Жаркий, непереносимо душный июльский день. В одной из больниц Софии умирает от родов женщина, и по всем человеческим разумениям спасти её нельзя, можно только надеяться на чудо. О чём и сообщает врач клиники мужу, предлагая сохранить хотя бы ребенка.

- Я - священник, и для меня обе жизни одинаково дороги. Что Господь даст, то и случится, на всё Его воля!..

Всеволод Дмитриевич уезжает от доктора в глубокой печали, терзаемый вопросами и горькими раздумьями, но остаться подле жены нет никакой возможности. В этот день в Софии большое торжество. Встречают чудотворную икону Курской Божьей Матери «Знамение», вывезенную во время революции из России и теперь путешествующую из страны в страну по Европе. На богослужении в честь прибытия иконы обязано быть всё духовенство. Пастырь приезжает в храм, где начинается служба, но голос батюшки выдает его великое волнение – он звеняще дрожит. Владыка Серафим* – руководитель русских приходов в Болгарии, замечает подавленное состояние священника и принимает беспрецедентное решение:

- Мы сейчас поедem в клинику и прямо в палате отслужим молебен, привезя туда чудотворную икону!

Народу в храме было объявлено о горе батюшки, и прихожане, собравшиеся на молебен, стали горячо молиться о благополучном исходе родов. А владыка Серафим и протоиерей Всеволод поехали с иконой в больницу. В палате Людмилы Сергеевны набилось много

любопытствующего медперсонала, других больных и рожениц, но они не только не помещали молитве священников, наоборот, - каждый из них по-своему тоже молился о спасении матери и дитя:

- Богородице Дева, радуйся! Господь с Тобою: благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших!..

И чудо свершилось! 15 июля 1935 года появился на свет мальчик, которого нарекли Иоанн, в честь святого Иоанна Рыльского. По молитвам земных мирян и заступлению Богородицы осталась жива и в здравии жена батюшки о.Всеволода – матушка Людмила...

Реставрация событий давно ушедших дней – занятие не такое простое. Но по некоторым сохранившимся письмам, записочкам, фотографиям, каким-то вещам всё-таки пытаюсь восстановить в картинках отдельные эпизоды жизни удивительных людей, совсем неординарных и таких непохожих на нас, сегодняшних.

Людмила Сергеевна Шпиллер – в девичестве Исакова – была изысканно красива, обладала чудным контральто и безупречными манерами. Она, как и многие её родственники, почётно состояла при царском дворе, имела звание фрейлины двух императриц: царствующей – Александры Федоровны и вдовствующей - Марии Федоровны, общалась с Великим князем Константином Романовым*, дружила с матерью Феликса княгиней Юсуповой*, то есть, как говорили в те времена, представляла Высшее общество в Российской империи.

Исаковы были в очень близком родстве с Лопухиными, князьями Васильчиковыми и князьями Радзивиллами. Графиня Екатерина Николаевна Адлерберг – жена губернатора С.Петербурга – была родной тётёй Людмилы.

Все дети Сергея Николаевича Исакова получили блестящее образование, владели в совершенстве многими европейскими языками и прекрасно разбирались в музыке, живописи, иконописи, литературе – всех видах искусства.

Смерч революции в России не только разрушил их привычный быт, уничтожил родовые имения, оборвал связи и человеческие отношения с людьми одного круга, он разбросал и всю семью по разным странам, чужим углам. После переворота каждый из них должен был искать и находить свой путь и пристанище в новой жизни.

В 1933 году Людмила Сергеевна Исакова совершала паломническую поездку по Балканским странам. В Болгарии она знакомится с несколькими семьями из числа русских эмигрантов: светлейшего князя Андрея Ливена – « талантливейшего карикатуриста, поэта, превосходного музыканта, человека остроумного, огромного обаяния, в эмиграции ставшего священником», а так же князя Л.Ал. Бегильдеева. Её представляют владыке Серафиму - (в миру Николай Соболев). В число болгарских знакомых Людмилы Сергеевны вошёл и бывший офицер из семьи киевских дворян Всеволод Дмитриевич Шпиллер, по воле владыки Серафима находившийся в Рыльском монастыре на послушании, так как учился он в то время на богословском факультете Софийского университета.

« Не могу сказать с уверенностью, - писал в своих воспоминаниях маэстро Иван Шпиллер, - но думаю, что знакомство моих родителей произошло в Рыльском монастыре. Их решение, связать свои жизни воедино, было принято именно там. Более того – в довольно труднопроходимом, скорее, труднопролазном верхнем выходе из каменной пещеры, в которой тысячу лет тому назад подвизался св.Иоанн.

Место там называется Постницей. Дорога к ней ведёт через живописную пасеку и затем вьется по довольно крутой горе, подниматься по которой совсем нелегко. Многие пользовались палками: красивыми, удобными, очень разными. Папа пользовался такой палкой – вишневой. Она сохранилась до сих пор. А её историю отец мне поведал, помнится, уже после маминой кончины. Вот она.

Показывая Рыльский монастырь, приехавшей в него маме, папа предложил пройти на Постницу. Это пещера в скале с довольно большим отверстием – входом, вполне удобным. А в глубине пещеры можно подняться по очень неудобной крутизне к другому отверстию, через которое пролезть взрослому человеку совсем не просто. Паломники к этому стремились, так как было поверье, что тот, кто сможет пройти, получит прощение прегрешений.

Папа лаз одолел первым и хотел помочь шедшей следом за ним маме. А она загадала: если помощь ей будет предложена рукой, то она ей воспользуется, да и только, а если протянутой палкой, то, наверное, ещё и выйдет замуж. Папа протянул палку.

Я много раз в детстве, ничего не подозревая, вылезал из пещеры

св. Иоанна через этот выход, да и влезал в неё оттуда же, что было ещё труднее. А историю узнал, когда никакая палка мне бы уже не смогла помочь осилить путь».

6 мая 1934 года состоялась свадьба. В сохранившемся документе об этом говорится, *что уроженцы г. Киева В.Д.Шпиллер и Л.С.Исакова, православного вероисповедания, сочетались первым браком при поручителях: по жениху – князе Ал.Ливене и князе Л.Бегильдееве, по невесте – Вадиме Шпиллере и Михаиле Старицком. Таинство брака совершал протоиерей Андрей Ливен.*

Замужество для Людмилы Сергеевны было очень смелым и решительным поступком, потому что волей-неволей она – блестящая аристократка – попадала из светского салона, с его определенными манерами и ритмом жизни, в абсолютно другую среду, для аристократического круга мало знакомую и не совсем понятную. Но и в этом сказывалась незаурядность её удивительной личности.

В одном из писем к матери Марии Николаевне Шпиллер батюшка о. Всеволод, спустя годы, писал о своей жене: «...она смелый человек. Всегда была смелой. В мою жизнь вошла смело. Со своей жизнью рассталась очень смело. Нашу общую жизнь начала смело, хотя в её смелости никогда не было ничего вызывающего. Смело смотрит вперед и сейчас...»

Рождение малыша в 1935 году ещё в большей степени перевернуло жизнь несравненной светской дамы. Все её помыслы и желания были направлены теперь к уютному, красивому дому, мужу и сыну.

- Разбирая мамины бумаги,- рассказывал позже маэстро Шпиллер, - я нашел огромное число переводов – крупных и малых, сделанных в разное время мамой в помощь отцу. Мама владела многими языками превосходно. Этими своими знаниями она самоотверженно служила папе, и тем самым Церкви. Помогала мама этим и мне...

Да, многие десятилетия она, как могла, служила двум своим божествам до самых последних дней. И в этой жизни её было своё покоряющее силой вдохновение, свои горькие, но тайные слёзы и великая жертвенная любовь.

В проповедях о. Всеволода, ставшего в дальнейшем известным московским священником и богословом, тема жертвенной любви повторялась неоднократно, она проходила как бы красной нитью:

«Христос принес на землю новую заповедь любви. О такой любви никто никогда не учил, только Христос. Он принёс эту любовь и говорит нам всем: «Возлюбите друг друга так, как Я вас возлюбил». То есть жертвенной любовью надо любить друг друга, братья и сестры, ибо Он сам любил жертвенной любовью. А другой настоящей любви и не существует...»

Сейчас, наверное, трудно в полной мере определить - кто из них двоих подавал друг другу больший пример жертвенной любви – батюшка Людмиле Сергеевне или она ему. Но союз этих людей был действительно красив и трогателен, очень богат духовно, что в наше время – такая редкость. Для примера приведу несколько строк из двух писем Всеволода Дмитриевича.

Нью-Йорк, 21 марта 1963 года:

«Соскучился ужасно, - пишет батюшка Людмиле Сергеевне.- «Наши» за границей надоели и опротивели. Бесконечно скучно всё. Это очень странно, но это так. Все настоящие ценности, всё, чем можно по-настоящему жить, чему можно радоваться настоящей радостью – всё дома в прямом смысле. <...>Думаю о Тебе, о всех вас. Молюсь. Жду – не дождусь возвращения. И так счастлив, что всё здесь уже заканчивается».

Нью-Йорк, 22 марта 1963 года: (тому же адресату)

«Почти знал, что с Тобой что-то случилось – 11 марта у меня оборвался Твой, Тобой подаренный крестик (цепочка). Днем, в понедельник я так расстроился, что не пошёл на приём в один из университетов в Нью-Йорке, хотя крестик и не потерял – он был на мне. Вечером плохо слушал Стоковского*, и Карнеги*-холл мне не мил. Именно в этот день с Тобой случилась беда*. Я написал Тебе: береги себя, береги здоровье.

Больше нам ничего не нужно. Я не могу жить без Тебя ни единого дня. И Тебе тоже очень трудно без меня, каким бы плохим я ни был. <...>

Я не могу слушать «Страсти по Матфею»*. И слышу не Стоковского, а Москву.<...> Иногда смотреть на мир «со своей колокольни» вовсе не означает ни узости взгляда, ни провинциализма. Когда на ней Ты и около Тебя я. Смысл этого «мы» такой невероятно глубокий...»

Свет этой большой любви родителей озарял многие десятилетия и сына, поддерживая его в самых разных жизненных ситуациях. Озарял и воспитывал...

(*Стоковский – всемирно известный дирижёр, Карнеги-холл – прославленный концертный зал. *«Страсти по Матфею» - великое ораториальное произведение гениального И.Баха.

*«С тобой случилось беда» - Людмила Сергеевна попала в больницу после перелома ноги. Батюшка о.Всеволод в это время был в Америке – примечание автора).

Перебирая архив маэстро, натыкаюсь на тонкую болгарскую тетрадочку, заботливо сохраненную Людмилой Сергеевной, - сколько лет-то прошло! - в которой нахожу первые неумелые «каракульки-буквы» русские и французские, детские трогательные рисуночки маленького Янчика. Мама с первых сознательных дней мальчика учила его видеть форму вещей, заставляя его рисовать и лепить, прививала ему навыки и умение эту форму выразить графически, создать контуры. И это безупречное, выработанное многими годами, чувство формы и стиля потом - ох, как! - пригодилось ему в работе.

Знаю точно, что после рождения сына, Людмила Сергеевна (в тайне от всех) заказывала серьезный гороскоп (одному поляку в Варшаве) своего Янчика, из которого она узнала, что его ждет артистическое будущее. Какое?.. Тогда оно ей было неизвестно, поэтому она внимательно присматривалась к способностям ребёнка. Наконец, в 1943 году от одного из послушников - опять же Рыльского монастыря - о. Евлогия* – прозорливого монаха, пришла для Людмилы Сергеевны записочка и крохотный подарочек для Иоанна: губная гармошка, а в записочке было написано: «одна музыка». Отец Евлогий, почти неграмотный монах, очень привязанный к о. Всеволоду и уважающий матушку Людмилу, таким способом указывал профессиональный путь их сыну. Именно музыка, большая, серьезная музыка и стала делом его жизни.

1936 – 1949 годы. Болгария, София.

«Пеплом угли подернулись.

*На стене колыхается тень
Моего собеседника»**

Жизнь – сначала в крохотном провинциальном городке Пазарджик, куда батюшка получил назначение по службе в церкви Успения Божьей Матери, а затем в Софии - была для русских эмигрантов Шпиллеров совсем не радужной и безоблачной. Общения с родственниками и отцом Людмилы Сергеевны, которые находились в Польше в имении Радзивиллов, были эпизодическими, хотя сохранился ряд фотографий из поместья «Манкевичи», на которых дедушка Сергей Николаевич возится с внуком Яном, батюшка Всеволод гуляет с князем Карлом и другие. Есть на фото и красивый охотничий домик в имении, принадлежащий Людмиле Сергеевне. С началом Второй мировой войны прервалась связь и с этим кругом серьёзной европейской интеллигенции. (В 1939 году Сергей Николаевич Исаков переехал в Италию, где жили многие родственники семьи, там, судя по фотографиям, он оставался до 1942 года, а затем обосновался в Тироле).

С московскими родственниками отца Всеволода, как уже говорилось выше, вплоть до окончания войны не было вообще никакой связи. Русская колония в Болгарии была не столь многочисленна и не всегда достаточно интересна. Особенно тяжёлые времена - и материальные в том числе - настали для семьи после оккупации. Жилось одиноко, голодно, в постоянных тревогах друг за друга.

О некоторых эпизодах жизни тех и последующих лет мы узнаём из строчек удивительных по своей искренности писем отца Всеволода к его маме:

« Дорогая Мамочка! Поздравляем Тебя и весь дом и шлём вам всем самые сердечные пожелания к Новому году и Праздникам,- пишет Всеволод Дмитриевич 4 января 1949 года в Москву, - Будьте здоровы, благополучны, будьте веселы, радостны, счастливы. Во всём имейте успех... Иоанн, и вокруг него мы с Людмилой, будем рикошетом радоваться вашим радостям, за некоторой нехваткой своих, что, впрочем, не представляет ничего трагического. Сейчас всем трудно, здесь холодно у всех. Трубы в кухнях и иных местах лопаются, и в наводняющей комнаты воде плавают стулья, столы и пр. у весьма многих; два раза в неделю – по расписанию, а остальные разы - без расписания, сидит без электричества весь город, так что жаловаться на судьбу, нас лично обижающую, никак нельзя...»

А сколько бед и волнений за время войны и после было пережито, но никогда не высказано, сколько горестей выплакано...

Только какими бы «троглодитскими» - по выражению Людмилы Сергеевны – ни были условия существования этих людей, мальчику старались дать самое лучшее образование и воспитание, находя для этого, бывало, невероятные средства и способы.

«Иоанн на уроке музыки,- писал батюшка Всеволод Марии Николаевне Шпиллер,- у очень надоевшей ему учительницы, милой,

бесталанной, ничего не понимающей ни в музыке, ни в чём другом... Но он у нее бывал каждый день и пользовался её инструментом, мы никак не могли достать себе на дом пианино. Только два месяца назад мне, наконец, удалось это сделать. И теперь Иоанн душит нас Ганоном* (автор сборника упражнений для фортепиано – примечание автора) и всем прочим. Прочего, впрочем, очень мало... Мальчишка получил инструмент два месяца тому назад по моей вине! А сколько ещё – недосмотренного, опять же по моей вине, несделанного, пропущенного. Привезу его к вам маленьким дикарем...»

«Дикарство» своего сына батюшка явно и сильно преувеличивал, потому что начинал учиться мальчик во французском колледже и вполне успешно, знал к концу войны три языка, и от ребят своего возраста, живших в Советском Союзе, он отличался разительно.

Ученические дневники из французского колледжа, где каждый месяц выставлялись отметки по всем предметам по шестибальной системе, наглядно характеризовали ученика Шпиллера. В них не раз встречалась такая строка: «записан на доску почёта за поведение и успеваемость». Были там и оценки совершенно не существующие у нас в России: поведение – шесть баллов, учтивость (политес) – шесть баллов, прилежание – шесть баллов, порядок и аккуратность внешнего вида – шесть баллов, точность и пунктуальность – шесть баллов.

В другом своём письме о. Всеволод сообщает:

«Иоанн «зубрит» так, что небу жарко!.. Занятия у него кончились. От экзаменов освобожден. Но так как всё же мы не теряем надежду, что когда-нибудь он будет учиться в нашей школе (имеется в виду Россия – примечание автора), то, чтобы повторить материал, он сам захотел держать все экзамены... за три последние класса, за три последние года. И вот, с пяти часов утра дверь в его комнату закрыта, и только изредка оттуда слышатся этюды Черни*, или Дюсека*, или Бертини*, когда алгебра или химия, элегантно выражаясь, из носа лезет. Даже «братик» - велосипед заброшен...»

После небольшой поездки отца Всеволода в Москву в 1948 году и его знакомства со столичным семейством, начинается переписка и у сына батюшки - Ивана. Глядя на фотографию своей очаровательной кузины - дочери Натальи Дмитриевны Шпиллер, тринадцатилетний мальчик, включая воображение, переносится в московский дом, сидит в столовой под их уютным абажуром, шагает с девочкой по улицам. Вот что он сообщает своему доверенному и далёкому собеседнику:

24 октября 1948 г.

г. София.

Иван Шпиллер – кузине Марии Кнушевицкой.*

«Дорогая Мирра!
Поздравляю Тебя с днём рождения и желаю Тебе от сердца всего-всего самого наилучшего.

Твоё письмо значительно опоздало: я его получил 18 числа!

У меня, Мирра, тоже нет настоящего друга, и мне очень хочется, чтобы мы были настоящими друзьями и делились бы всем тем, что у нас есть. У меня много товарищей, и мне кажется, что причиной неимения настоящего друга, есть несходство в интересах.

Ты спрашиваешь, люблю ли я музыку и театр. Очень люблю. Из композиторов люблю больше всех Бетховена, Моцарта, Чайковского, Шопена. А из малого числа опер, которые я слышал, люблю больше всего «Онегина».

Я вспомнил, читая Твой адрес, то место из «Войны и мир», когда Ростовы увидели Пьера, не далеко от Сухаревской башни, идущего покупать пистолет. Помнишь?! Напиши мне, пожалуйста, что Ты читаешь и читала, что Тебе больше всего понравилось, что Ты любишь больше всего? Как Ты учишься, и какой Твой любимый предмет?

Знаешь, Мирра! Мне так хочется переехать в Советский Союз! Я его считаю своим Отечеством, хотя я там не родился! Мне так хочется говорить на своём языке, быть совсем у себя дома, быть близко около всех – Бабушки, Сестры, Тёти, Дяди...около своих настоящих, таких близких, родных!

Обними и поцелуй крепко от меня Бабушку, Тётю Нату и Дядю Света! Бабушку поблагодари за письмо.

Крепко Тебя целую
Любящий Тебя – Иоанн»

Читая это письмо, невольно отмечаешь для себя, что не всякий тринадцатилетний мальчик мог мыслить такими серьезными категориями как Отечество, народ, родной язык. Может быть, война сделала ребят взрослыми не по годам, а может быть чужбина?... Изгоями в семьях эмигрантов чувствовали себя не только взрослые, но и дети, никогда не видевшие той покинутой России, но связанные незримыми нитями языка и культуры с разграбленным домом.

Всеволод Дмитриевич нередко сокрушался, и в письмах к родственникам тоже, что у Яна не велик опыт общения со своими сверстниками, которых рядом находилось все меньше. К детскому кружку ребенок стремился, но не всегда и далеко не со всеми отношения получались. Это видно даже из письма к московской кухне.

В той же болгарской тетрадке, сохраненной Людмилой Сергеевной, нахожу несколько писем карандашом к родителям от сына, пребывающего в каком-то летнем лагере. Возможно, его (лагерь) организовали монахи-иезуиты, которые преподавали во французском колледже, но скорее, судя по времени и содержанию письма, это старалось командование Красной Армии для русской колонии устроить отдых ребят на манер так хорошо нам

известных пионерских лагерей, да и французский колледж к той поре (1947-48 год?) был уже закрыт.

«Дорогие Папа и Мама! Получил Ваше письмо от 21 - вчера. Очень обрадовался! Сплю я с одним мальчиком – Светославом Петрусенко на одной кровати. Спрашиваешь: голоден ли я? Не всегда. Но, чтобы сыт был, как дома, - никогда! Еда не такая, как дома. Одежду очень экономлю. Не хватило марок и конвертов, и бумаги. Погода хорошая. Руководителю «попечатать» нельзя. Симпатичных мальчиков в нашей группе 2-3. Простуды не ощущаю. Четвертого дня я прихворнул. Вечером было 37,3 градуса. Наутро всё спало, была слабость, но на следующий день совсем поправился.

Несмотря на то, что здесь хорошее утешение от всякого горя – церковка св. Илии, хороший воздух и хорошая местность, бывает очень грустно! Скучно! Товарищи со дня на день дразнят всё: «Святая хобуратская* Богородице», «Князче, Цари Симеоне» и так далее. Владыка мне запретил драться, но очень скверно! Меня – Богородицей, Я – пощечиной и т.д. Можно или нельзя? А?..

В Тырново я не был, только мечтаю побывать. Трубят на вечернюю линейку. Потом допишу.

...От отношения товарищей – воров, развратников в данный момент плачу... Как же беречься от «кривошапочных» развратников? А?.. Мыльницу с мылом нашли в чемодане.

(Далее приписка, спустя какое-то время – примечание автора) Когда сервируют еду – её не хватает. Мальчики прячут еду и берут ещё, и таким образом сыты. Я не делал этого. Ты разрешаешь?!

Очень меня утешают и радуют все и Твои письма. Пиши по чаще!!!!

Крепко любящий тебя – Иоанн»

Думаю, даже уверена, что подобный вид отдыха для Янчика был не типичен. Если судить об этом по старым фотографиям, отдыхали Шпиллеры обычно всей семьей: где-нибудь в Варне, Бургасе, Несебре, или ехал Иоанн вдвоем с батюшкой на морское побережье. Так как отец Всеволод долгие годы страдал астмой, море для него было необходимостью. На побережье, даже при самых простых и скромных бытовых условиях, было хорошо и мальчику: можно было часами бегать по прекрасному песку, строить из него замки и причудливые города, наблюдать за дельфинами в море, за тем, «как далеко-далеко уплывает от берега отец, превращаясь в крохотную точку...»

Что касается отношений с окрестными мальчишками, то, рассказывая об этом, лучше привести вот какой пример из воспоминаний маэстро Шпиллера:

- Был один случай, когда нам пришлось пережить очень сильное волнение. Раздался звонок, и мы увидели офицера Красной Армии с двумя

солдатами, стоявшими у запертой калитки. Пошли открывать. И пока они шли через двор и на второй этаж – нам было очень не по себе. Впоследствии мы узнали о нескольких случаях в Софии среди русских семей, когда подобные приходы заканчивались трагически. А тогда пришли... ко мне. Оказалось, что в полицейском участке остался протокол о моей драке с ребятами по поводу Сталинграда – пал он или нет. Я – естественно – был за русских и доказывал, что Сталинград – жив. Этот протокол болгарской полиции, спустя немало времени, не прошел мимо советского военного начальства. И меня решили: «премировать от командования», – как сказал вошедший офицер, целым килограммом сахара. Жили мы тогда на сахарине, так что я получил свою первую ценную советскую награду.

После окончания войны и размещения в Болгарии советских войск, жизнь в этой стране для эмигрантов не становилась легче, наоборот, – всё труднее. Перед многими русскими вставал серьезнейший вопрос: возвращаться в Россию или ехать дальше на Запад?!

Раздумья по этому поводу были мучительны, некоторые из эмигрантов решались уезжать в Америку, кто-то хотел остаться в Европе, кто-то – ехать домой! Но не у всех был этот «дом» и этот путь.

В Софии, да и других городах потихоньку начинались аресты, выяснения личностей среди русской диаспоры, закрывались иностранные школы, и дети должны были посещать уже только болгарские учебные заведения. Всеволода Дмитриевича думы одолевали так же, как других. Но он не терял присутствия духа и полагался на волю Господа.

- Проблема выбора, – писал Иван Всеволодович, – всплыла с особенной силой в результате опубликования указа 1946 года о том, что все бывшие подданные Российской Империи могут принять советское гражданство. Среди наших знакомых были люди, которые выбрали кто – одно, кто – другое, а кто – и третье решение. Правда, принятие советского гражданства вовсе не означало автоматического переезда в Россию. Принявшие его – гражданство – получали не паспорт, а «вид на жительство». Конечно, по благословению владыки Серафима, приняли гражданство и мы.

1948 год был в этом отношении особым. В этом году в Тирольских горах скончался дедушка Сергей Николаевич Исаков – мамин отец.

Владыка Серафим и папа в составе церковной делегации побывали в России, в Москве. Там проходило совещание глав и представителей Автокефальных православных церквей. В Москве состоялась первая встреча отца с семьёй, с матерью. Конечно же, у папы было потрясение!!! Не вдаваясь в описание этих впечатлений, – а их было так много, дерзаю обобщить: можно сказать с одинаковой достоверностью, что папа увидел в России немало, но можно сказать и то, что он не увидел почти ничего.

Впоследствии я спрашивал себя не раз о том, решились бы мои родители на переезд, если бы в 1948 году папа смотрел обычными, или как теперь говорят, – на мой взгляд – ужасно, «нормальными» глазами, а не духовными. Ответ всегда выходил один – отрицательный...

Но в те дни - после возвращения из Москвы – батюшка о. Всеволод встречей с Родиной был необычайно окрылён, взволнован, ему хотелось в новом качестве служить России, и от этой идеи - решение вопроса о переезде было совсем другим. Всеволод Дмитриевич всё ждал, не мог дожидаться дня, когда придет официальный положительный ответ от московских властей, а его пришлось ждать ещё почти два года.

25 декабря 1948 года.

г. София.

Иван Шпиллер – кузине Марии Кнушевицкой.

« Дорогая Миррочка!

Поздравляю Тебя с Новым годом и Рождеством Христовым! Желаю Тебе всего наилучшего и нам вместе – поскорее увидеться!

Очень Тебя благодарю за программы и учебники. Прочитал «Как закалялась сталь»*. Я давно хотел её прочесть, т.к. о советской, современной литературе имел очень относительное понятие. Из того, что Ты проходишь (в школе – примечание автора), читал Фонвизина. Здесь так часто можно встретиться с госпожой Простаковой* и, конечно, с Митрофаном*! Кстати, Печорин* здесь не редкое явление, наоборот, он несомненно, герой нашего времени, только в худшем, вероятно, незнакомом Тебе, западном варианте. Читал «Слово о полку Игореве», и вообще, кое-что из литературы древних времён, кое-что Радищева, Ломоносова, Державина, Карамзина, насчёт Бедной Лизы которого совсем с Тобой согласен. Дюма я не читал, т.к. не можем найти. Ты интересуешься моей библиотекой. У меня она маленькая, но я пользуюсь папиной, которая довольно большая.

Слышал по радио Баринову*. Очень понравилась она не только мне, но и всем нашим друзьям-музыкантам, которые ставят её наравне с Губерманом*. Слышал и Лисициана*, который пел, если верить местным афишам, оперу «Евгений Онегин». Он по сравнению с местными артистами – хорош.

Был на «Молодой гвардии»* - понравилась. «Повесть о настоящем человеке»* сюда ещё не прибыла. Насчет почти всех советских фильмов, которые я видел, могу сказать, что они мне нравятся сюжетом, игрой артистов, постановкой.

Беру уже уроки музыки, французского, английского. Вхожу в колею учения, и времени у меня всё меньше и меньше. Прости меня, что я так опоздал с письмом, но я немножко прихворнул.

В этом году я надеюсь выучиться хорошо ходить на лыжах, оставив коньки в покое, т.к. совмещать эти два спорта некогда.

Мне, как и Тебе, очень хочется быть с Тобой вместе, поговорить, поделиться. А ведь есть о чём? Надеюсь, что это скоро будет. «Надежда юношей питает...»

Я бы очень хотел учиться в советской школе. Ты знаешь? Мне кажется, что в Советском Союзе школа стоит значительно выше, чем здесь. К этим выводам прихожу, судя по учебникам и по программам. В школе мы проходим болгарскую литературу, болгарскую географию и историю, которые мне, особенно в таких подробностях, не нужны. А что касается других предметов, то они изучаются хуже, чем в советской школе, опять, судя по учебникам и программам. И признаться, я учусь в школе (болгарской – примечание автора) без особого интереса, без прилежания, любви. Это так плохо!

Крепко от меня поцелуй и поздравь Бабушку, Тётю Нату, Дядю Света. Крепко Тебя целую.

Любящий Тебя – Иоанн»

В Москве за семью Шпиллеров в это время ходатайствовали Патриарх Алексий и сестра о. Всеволода Наталья Дмитриевна, имевшая в ту пору в Кремле большой авторитет и уважение. «Наточка» была лауреат многих Сталинских премий – так отмечалась её работа в Большом театре Союза ССР, где она занимала одно из ведущих положений среди солистов оперы.

г. София. 1949 год.

О. Всеволод – Марии Николаевне Шпиллер.

«С нетерпением ожидаю от Тебя, Мамочка, и от Наты практических указаний и советов в связи со всем этим переездным делом... Если вдруг действительно окажется, что можно куда-то садиться и ехать, плыть или лететь, то собственно, что нам делать? В доме царит по этому поводу такая растерянность, что как бы не кончилось всё это тем, что в один прекрасный день появится у въездных застав Белокаменной велосипед, на котором на раме будет восседать 90-килограммовая попадья в английском спортивном костюме и с чемоданчиком-несессером в руке, за ней – на седле веснушчатый физкультурник с выражением на лице райского блаженства, и на багажнике – одни Мы, во всем Нашем священном великолепии... С патриаршими телеграммами – в одной руке, с Наточкиной открыткой со словами «решайте сами» - в другой...»

В Москве же велась и деловая переписка со многими ведомствами, без которой не могло быть речи о получении визы и паспортов. Сохранилась копия секретного документа председателя отдела по делам религии при Совете Министров СССР, который здесь и процитирую:

Г.Карпов* – К.Е.Ворошилову.*
Секретно, экз. № 2.
27 июля 1949 г.

«Совет Министров Союза ССР докладывает, что Московский Патриарх Алексей обратился в Совет с ходатайством о разрешении приезда в СССР на постоянно жительство из Болгарии протоиерея болгарской православной церкви Всеволода Шпиллера с семьей.

Шпиллер Всеволод Дмитриевич, 1902 года рождения, уроженец г. Киева, эмигрировал из СССР в Болгарию в 1922 году вместе с остатками врангелевской армии, в которой он служил.

В Болгарии окончил духовную семинарию и богословский факультет Софийского университета и в 1934 году стал священником в г. Пазарджике Пловдивской епархии, одновременно – преподавателем русской литературы и вероучения в последних классах гимназии.

После 9 сентября 1944 года был переведён на работу в г. Софию священником кафедрального храма «Св. Недели». Одновременно Министерством иностранных дел и культов Болгарии был приглашен в комиссию при нём, и оставался советником по церковным делам до 1946 года.

Шпиллер принят в 1947 году в советское гражданство в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года.

<...>

В г. Москве из родственников Шпиллера В.Д. проживает его мать и родная сестра, солистка Государственного ордена Ленина академического Большого театра Наталья Шпиллер, также многократно обращавшаяся с просьбой к Патриарху содействовать возвращению Шпиллера В.Д. и его семьи в СССР.

Семья Шпиллера В.Д. состоит из его жены Людмилы Сергеевны и сына Ивана.

Патриарх имеет намерение, если будет разрешён въезд Шпиллеру в СССР, устроить его преподавателем в Московской духовной Академии и семинарии в г. Загорске и там же разрешить ему жить с семьей.

Совет не имеет возражений по ходатайству Патриарха Алексея и считает, что после принятия Шпиллером гражданства СССР, неудобно оставлять его в составе болгарской церкви.

Представляя при этом проект распоряжения Совета Министров СССР, Совет просит Ваших указаний.

Приложение по тексту.

Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви При Совете Министров СССР Г.Карпов»

« Наконец, разрешение было получено, - писал Иван Шпиллер, - Стали собираться.

Мы с папой поехали в Асеновград попрощаться с родственниками (тоже эмигрантами - примечание автора) - дядей Костей* и тетей Галей – они жили в старческом приюте. Побывали мы и в Пловдиве. Тогдашний Пловдивский митрополит Кирилл*- в последствии Патриарх Болгарский – принял нас в своей митрополии. После ужина, прощаясь, он снял со стены икону Божьей Матери без Младенца и благословил наш путь в Россию...

Рано утром 4 февраля 1950 года мы уехали в аэропорт. Был сильный туман, и вылета пришлось долго ждать. С большим опозданием, но в тот же день мы покинули Болгарию»

1950-1960 годы. Россия. Москва.

*«Изумятся птицы,
Если эта лютня зазвучит.
Лепестки запляшут...»**

- Поздно ночью с 4 на 5 февраля 1950 года мы прилетели в Москву, - вспоминал маэстро, - Нас встречала папина сестра Наталья Дмитриевна с мужем Святославом Николаевичем Кнушевицким* и дочерью Миррой, а также представитель Патриархии. Привезли нас в гостиницу «Москва», где был оставлен большой номер на седьмом этаже. Положив там дорожный багаж, мы поехали, помнится, глубокой ночью к папиной сестре.

То, что было приготовлено на тётушкином столе, заранее накрытом, на меня произвело совершенно «ошарашивающее» впечатление, после жёсткой карточной системы в Болгарии, когда не то что мясо или рыба, даже хлеб выдавался не каждый день. Впечатление от стола у родственников, пожалуй, можно было сравнить либо с запахом гастронома №3, что находился под гостиницей «Москва», куда я зашел на следующий день, либо с шоком при первой посадке нашего самолета на территории СССР в Киеве – все вокруг говорят по-русски!!!

Прожив месяц в гостинице «Москва», мы отправились в Загорск*, где папа получил свое первое назначение в России. Резолюция Патриарха на папином прошении гласила:

«1950 год, февраля 10. Протоиерей Всеволод Шпиллер с любовью приемлется в клир православной русской церкви и назначается настоятелем Ильинской церкви города Загорска.» Кроме того, папа был назначен

преподавателем Московской духовной Академии и семинарии, а чуть позже, по утверждению его в звании доцента, и исполняющим обязанности инспектора этих заведений.

Лавра тогда находилась в удручающем состоянии. Собственно, это была ужасная помесь монастыря с чем-то вроде ночлежки, родом трущоб, в которых жило невероятное число людей, в совершенно не приспособленных для человеческого жилья условиях...

Но в Загорске пребывание семьи Шпиллеров было недолгим – год, полтора. И события этого периода больше относятся к отцу Всеволоду, (хотя жить в Лавре пришлось всем троем и нелегко). 21 сентября 1951 года батюшка получает новое назначение: настоятелем в Николо-Кузнецкий храм города Москвы, где и прослужит более 32-х лет. Там же, при храме, с большим вкусом Людмилы Сергеевны на колокольне будет оборудована их первая квартира, а во дворе церкви - так называемая, «музыкалка» для сына.

Как в чеховских «Трёх сестрах», с Москвой было связано у каждого столько надежд и желаний, планов и помыслов. Наконец, самые невероятные мечты начинали сбываться, поэтому все трое были по-своему счастливы!..

- Товарищ майор, тут хлопчик пришел получать паспорт. Зовут его как-то странно – Иоанн. И дело, товарищ майор, у него связано с Богами.

- Ты что, Хромченко, от хорошей жизни совсем ум потерял? Напиши ему – Иван и гони его вместе с богами в шею, на все четыре стороны! Боги у нас не в почёте. Понял?!

- Понял, товарищ майор.

- А ты, хлопец, что ухмыляешься?... Слышал, будешь ты теперь Ванькой, да про богов своих, действительно, поменьше рассказывай, а лучше совсем забудь. Понял?!

- ...

- Скажи спасибо, что будешь прописан в Москве. Понял?!

- ...

- Ну, вот!.. Получай свой паспорт и шагай, куда хочешь!

- Я никогда не мог понять разницы между крепостным правом и нашим паспортным режимом с его, кажется, уникальным в мире понятием – «прописка». Тогда я впервые о многом задумался, - рассказывал позже маэстро Шпиллер, - задумался и испугался, может быть, не столько за себя, сколько за своих родителей. Это чувство страха и какой-то ущербности, неполноценности сохранилось у меня на долгие годы. Во мне исчезла прежняя наивность, детская искренность, я даже стал врать, хотя мама всегда говорила мне: « в любых ситуациях оставайся самим собой!» Легко сказать! Очень постепенно я адаптировался в новых условиях.

Но никогда, при всём непонимании меня в советском обществе тех лет, не собирался я ни от чего отречься, как советовал мне чиновник в милиции. Своих взглядов – не выпячивал, но и не скрывал.

**2 октября 1952 года,
Отец Всеволод – сыну Ивану.
теплоход «Победа».**

«... Как - то идут Твои дела? Последнее время Ты, кажется, взял себя в руки, и я верю, что крепко. Помоги Тебе Бог! Возьми себя, мой мальчик, так же крепко и ещё крепче и в другом отношении. Я имею в виду Твою вежливость дома, с Мамунчей. Я знаю, Ты любишь и Мама, и меня. Но эта любовь Твоя должна выражаться также и во внешней форме отношений. И никогда не стесняйся быть с Матерью любящим, внутренне и внешне деликатным, внимательным, заботливым сыном. Пройдут эти года, пролетят, промчатся. Наша жизнь так коротка, детка моя. Пусть же каждый в них день будет светлым, тихим, радостным, чтобы никогда ни о чём не пришлось жалеть, ни в каком, доставляемом друг другу огорчении, не пришлось бы раскаиваться, не будучи в силах поправить оставшееся в прошлом – невозвратном прошлом...»

Да, проникновение в российскую жизнь для каждого из членов семьи проходило по-разному, тем более что, и точки соприкосновения с этой действительностью у всех были свои. Может быть, в меньшей степени к ней приспособилась Людмила Сергеевна. Но никогда от этой очень сдержанной дамы никто не слышал жалоб или стенаний. Она внутренне принимала всё, что хорошо было её мужу и сыну.

Итак - Москва!.. «Москва! Москва! Как много в этом звуке...» Конечно, она «ошарашивала» приезжих, и не только своим гастрономическим изобилием. В доме тётушки Натальи – театральной примадонны – и её мужа – знаменитого виолончелиста и профессора Московской консерватории Святослава Николаевича, которого большинство знакомых звало просто – Свет, собирались поистине выдающиеся музыканты: Лев Оборин*, Давид Ойстрах*, бывали Дмитрий Шостакович*, Арам Хачатурян*, Надежда Нежданова* с Николаем Головановым* – да разве можно перечислить всех. Там – в гостеприимном и хлебосольном доме - встречались и актеры, и врачи, и ученые. Каждый человек из круга общения этих людей по-своему реагировал на знакомство с новыми членами семьи Шпиллеров:

**« Многоуважаемый Федор Федорович!
Очень прошу Вас взять на себя подготовку Ивана Шпиллера по сольфеджио.
Иван Шпиллер Вам всё сам расскажет, а я Вас прошу непременно найти время для этих занятий.
Заранее благодарю - Нина Дорлиак.* 10 августа»**

Эта записочка адресована Федору Федоровичу Мюллеру*. И хотя на ней нет полной даты, предполагаю, что относится она к 1950 году. Ведь по приезде «новых» Шпиллеров в Москву, для всех взрослых стало понятно, что большая пианистическая карьера для Ивана, будет, скорее, невозможна, потому что серьёзные занятия музыкой в Болгарии начались поздно. По музыке от своих сверстников мальчик явно отставал.

(*Нина Львовна Дорлиак - известная певица и жена Святослава Теофиловича Рихтера – одного из ярчайших и знаменитых пианистов XX века – примечание автора)

Сколько было подобных записочек и звонков к самым разным специалистам, чтобы Иоанн мог наверстать упущенное в образовании! Он бегал с одного частного урока на другой, благодарно стараясь ничего не пропустить. Как губка, впитывал и впитывал знания и по теории музыки, и по струнным штрихам, и по голосоведению... Он учился всему и у всех, не пропуская занятий в общеобразовательной школе.

В Болгарии вместе с отцом слушали много музыки по радио, но живые концерты были как редкое развлечение. В Москве всего оказалось много, в ней открывались совсем другие возможности: каждый театральный спектакль – пиршество для глаз, каждый концерт – для души. Но чем больше молодой человек погружался в мир искусства, тем сильнее было его желание заниматься именно музыкой.

- Попал я в Москву очень слабо инструментально подготовленным юнцом, - рассказывал Иван Шпиллер, - Сравнивать мой уровень с уровнем учащихся в Москве было просто нельзя. Тем не менее, я хотел избрать музыку своей профессией. И мне были предоставлены условия, чтобы попытаться сделать невозможное. Я глубоко признателен своим родителям, они не пошли наперекор моим стремлениям, а предложили мне материальную поддержку, чтобы брать частные уроки у двух прекрасных профессоров Московской консерватории.

Моя работоспособность дала свои быстрые результаты. Обучаясь в средней школе, я поступил ещё и в музыкальное училище при консерватории. Всею душой я тянулся к исполнительству, к роялю. Я сделал немалые успехи, но упущенное время лишало меня пианистической перспективы. Конечно, это породило у меня целую цепь разных комплексов, с которыми долгие годы не удавалось справиться.

В моём музыкальном образовании огромную роль сыграла и музыкально-театральная жизнь Москвы 50-60 годов. Замечательные были концерты, спектакли. Я жадно впитывал это великолепие музыкальных впечатлений большой мировой художественной столицы в пору расцвета её огромных талантов в музыке. Перечислять их лишь первый ряд пришлось бы долго. Да, и стоит ли, если полвека спустя эти имена дороги всем...

Своеобразное масло в огонь подливала в той ситуации и уже известная нам кузина Миррочка, которая в названную пору училась в Музыкальном училище при консерватории на фортепианном отделении.

- Однажды мы были в Большом зале на концерте Льва Оборина, которого Иоанн боготворил, просто сходил от оборинского пианизма с ума. После какой-то части концерта, мальчик вдруг мне говорит: «Скоро и я буду выступать в этом зале и тоже играть концерт Чайковского».

- Ты?! Да - никогда! – скорее из чувства противоречия выпалила я, - рассказывала через много лет Миррочка (Мария Святославовна Кнушевицкая*).

- Вот увидишь, буду!!! – сказал Иоанн и, запинаясь о чьи-то ноги, вышел из зала.

Он стоял в фойе, завернувшись в портьеру, и горько-горько плакал от моих слов, там его и нашел директор зала Марк Борисович Векслер*, который стал утешать бедного братика. Мне тогда казалось, что я – безусловно, права. А сегодня, вынуждена признать – он действительно стал очень скоро выступать в этом прославленном зале, и как! А я оставила музыку и поступила учиться в театральное училище.

Отношения брата и сестры на протяжении всей жизни, надо прямо сказать, были несколько странными: они - то взхлеб любили друг друга, то за всякую малость словесно уничтожали. Вероятно, здесь сказывался и дух соперничества, и ревности, да и характеры имели оба, что называется – кремьень. Правда, «братик» был натурой более целеустремленной, организованной и невероятно работоспособной.

ДИПЛОМ

с отличием

А № 013975

Настоящий диплом выдан гр. ШПИЛЛЕРУ ИВАНУ ВСЕВОЛОДОВИЧУ в том, что он в 1952 году поступил в музыкальное училище при Московской ордена Ленина консерватории им.

П.И.Чайковского и в 1955 году окончил полный курс названного Музыкального училища по специальности ТЕОРЕТИК.

Решением государственной квалификационной комиссии от 10 июня 1955 года

Присвоена квалификация ПРЕПОДАВАТЕЛЯ МУЗЫКАЛЬНО ТЕОРЕТИЧЕСКИХ

ДИСЦИПЛИН В ДЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЕ.

г. Москва

2 июля 1955 года

директор

(подпись)

секретарь

(подпись)

Первая ступенька на пути к профессии преодолена. По окончании училища Иван поступает на теоретический факультет в Московскую консерваторию, где вполне успешно и учится два курса. Но, задолго до того, в доме той же Натальи Дмитриевны, будущий маэстро знакомится со знаменитым дирижером Александром Васильевичем Гауком*, который в пятидесятых годах возглавлял Государственный симфонический оркестр Союза ССР и имел в консерватории свой класс.

Выпускниками Александра Васильевича были уже известные дирижеры: Е.Мравинский*, А.Мелик – Пашаев*, Э.Грикуров*, И.Мусин*, М.Паверман*, О.Димитриади* и другие. Конечно, Александр Васильевич приглашал к себе в ученики далеко не всех и каждого, к Ивану именитый педагог присматривался очень пристально и долго, но в один прекрасный день их альянс всё-таки состоялся.

- Иду я как-то с кипой нот в консерваторскую библиотеку, - рассказывал маэстро Шпиллер. - Навстречу мне – Александр Васильевич.

- Что это тут у тебя?.. - спрашивает он, - А, фортепьянные ноты. Всё на чёрно-белых играешь. На людях надо играть! Знаешь, приходи-ка ты ко мне в понедельник домой, там и поговорим, принеси что-нибудь, ну, хотя бы «Неоконченную» симфонию Шуберта...

Я и пришел. Так, с какого-то понедельника, может быть, вторника, начались мои занятия у Гаука, а затем я был переведён на дирижерский факультет Московской консерватории к нему в класс.

Был сделан решительный шаг, который изменил направление всей моей жизни, как железнодорожная стрелка незаметным движением кардинально меняет направление поезда. Эти слова Александра Васильевича и сейчас во мне звучат так же отчётливо, словно были сказаны вчера. Впоследствии я не раз замечал, что буквально три-четыре слова, благодаря тому, КАК и КЕМ они сказаны, могут совершенно неожиданно определить важную жизненную позицию, отношение к человеку... Гаук изменил мою профессиональную ориентацию, а стало быть, и жизнь. Нет, повернуться лёгким движением на пятке спиной к роялю я не мог. Да, этого и не требовалось.

В моей переориентации трогательно-заботливую роль пыталась сыграть мама своими многочисленными воспоминаниями о концертах выдающихся дирижёров первой половины XX века. Она на них бывала и в Варшаве, и в Италии, и во Франции. Её кумиром был Менгельберг*. Рассказы эти всегда подводили к мысли о дирижировании, как о высшем проявлении исполнительства.

Мне вспоминается альтист и дирижёр – вел оркестровый класс в консерватории – М.Н.Тэриан*. С присущим ему юмором он говорил:

- Скрипач из меня не вышел, понятно, перевели на альт. Альтист тоже не вышел. (Это была чистая клевета, альтист он был превосходный). Тогда что? Тогда делать больше нечего, стал дирижёром! – так он потешался над самим собой.

Мама целенаправленно поднимала в моих глазах авторитет профессии, хотя, казалось бы, я в этом не нуждался. Но глубоко признателен моей маме за её невероятно тактичное участие в борьбе с мучившими меня комплексами. С погружением в стихию дирижирования, я стал всё меньше и меньше страдать от расставания с роялем.

(*Менгельберг – выдающийся немецкий дирижёр – примечание автора).

*23 июня 1958 года,
Отец Всеволод – жене Людмиле.
г. Туансе.*

«Здравствуй, дорогая Людмилушка! – писал батюшка жене из отпускной поездки по Кавказу.- Вчера вечером получил телеграмму. Поздравляю Апука (домашнее имя Ивана – примечание автора), тебя и себя с переводом на дирижёрское! Ещё один шаг на пути верного устройства жизни. Дай Бог ему всего хорошего! Мне кажется, что Иоанн нашел своего «господина». Искусство, музыка – это всё слишком общё. Дирижёрство – это очень конкретно. Это «господин»... В этом конкретном служении одной цели будет больше собранности и лучше раскроется призвание. И хорошо, что всё это происходит у него постепенно: сначала определилось общее - призвание, потом, оно стало искать конкретных форм деятельного раскрытия. Не думаешь ли, что таким образом во всём его воспитании (профессиональном) и образовании будет больше органического? И рост будет – и кажется, есть – органический, что так видно во всем, и что только и обеспечивает подлинную культуру, культурность...»

Вот мы и подошли к очень важному этапу в жизни нашего героя. Но я ещё ни разу не дала его портрета. Как же выглядел будущий дирижёр?

В партитуре набросков «Юношеской» симфонии Рахманинова нахожу сценарий радиопередачи о композиторском дебюте, сделанный Яном Шпиллером для Всесоюзного радио. В сценарий вложен пожелтевший листок, который к радиопередаче, скорее всего, отношения не имел, по крайней мере, к её содержанию. А вот к портрету маэстро Шпиллера той поры – несомненно:

*Румян и бел лицом, как дева,
Почти с евангельских страниц.
Глаза без горечи, без гнева:
Два озера в лесу ресниц.
Рука – артиста, убежденья –*

*A la philosophe в 20 лет.
Манеры, голос, все движенья
И множество иных примет –
Аристократа.
Мой портрет
Почти окончен. В добавление –
Букет вольтеровских остроум,
И возраст – 23-й год!*

Автор строк, к сожалению, неизвестен. Буквы в посвящении подписаны рукой Людмилы Сергеевны Шпиллер (но это для сохранности), всё остальное отпечатано на машинке. Будем считать, что стихи от поклонницы, коих было великое множество, на «случай» в книжке сохранились!

- У меня начиналась своя очень серьезная жизнь,- рассказывал в воспоминаниях Иван Шпиллер, - ко мне в «музыкалку» - так прозвали сарайчик во дворе храма, где помещался прекрасный «блютнеровский» рояль, - приходили товарищи, сначала из училища, потом – из консерватории. Бывало, что «музыкалка» рьяно трудилась всю ночь, и в таких случаях мама активно включалась в этот процесс – подкармливала нас, поила великолепным кофе, а иногда и работала в роли переводчика итальянского и немецкого. С французским языком я справлялся сам.

У моих родителей сложились с несколькими моими друзьями хорошие отношения. И вне зависимости от того, как устраивались наши жизни в дальнейшем, они сохраняли к папе и маме уважение, а некоторые и искреннюю любовь. Среди них были люди впоследствии очень известные, например, пианист Владимир Ашкенази,* давно уехавший за границу, дирижеры - Эмин Хачатурян,* Лиле Киладзе* - рано умерший, композитор Вячеслав Овчинников*...

2 августа 1956 г.

г. Саратов.

Лиле Киладзе – Ивану Шпиллеру.

«Януша, милый мой!

Нахожусь сейчас на родине Святослава Николаевича в городе Петровске Саратовской области. Чудный городишко. Есть все основания выйти из этого города музыкантом, ибо природа здесь хорошая, а что нужно больше музыканту?

Как ты знаешь, мы ездили в Сталинград и Астрахань, а сейчас обслуживаем область. Один из наших музыкантов сказал: «Мы вносим в Астрахань культуру, а вывозим – воблу».

В течение одного сезона я объездил почти все основные города Волги: Астрахань, Сталинград*, Саратов, Ульяновск, Казань и многие другие мелкие города. Впечатлений очень много. В итоге - продирижировал 73 концерта, а некоторые программы дирижирую уже наизусть, чем доставляю неприятные мгновения нашему главному.

Особенно подробно писать о жизни нет смысла, ибо надеюсь увидеть тебя в конце августа (числа 28-го). Ты, вероятно, уже говорил по телефону или встречался с Марг.Петр. Надеюсь, согласишься её спектакли, особенно рекомендую «Чародейку», «Угрюм-реку» и «Петушок». У неё ещё два спектакля - «Похищение из Сераля» и «Таня». Все они очень разные, интересно твоё мнение. Я подоспею только к концу гастролей.

Теплейший (собственно – горячий) привет Маме и Папе. Очень рад буду их видеть.

Обнимаю тебя – Лиле»

13 декабря 1956 года.

Владимир Ашкенази – Ивану Шпиллеру.

г. Киев.

«По клавиру!

Дорогой Ян!

Пишу. Надеюсь, ты выздоровел, не правда ли? Нельзя так часто болеть, это вредно для здоровья.

Собственно, ты меня просил написать о Брамсе*(второй концерт для фортепиано с оркестром – примечание автора), о премьере.

Во-первых, дирижер никогда не слышал этого концерта, а оркестр никогда его не играл. Прелесть! (Так что советую тебе выучить его, чтобы мы в Рио-де-Жанейро играли его с одной репетиции, причем, генеральной). Читай дальше. Пока что идет цифра «ноль». Перейду теперь к нотам.

*Как ни странно, первая валторна играет начало совсем без кикса, оба си-бемоль, в первом и третьем тактах. <...> №1 игрался на репетиции лучше, чем на концерте. Но фальшиво, фальшиво!! Я не знаю, может быть, пианисты уж слишком привыкли к темперированному строю, но я думаю, это всякому было очевидно. Цифра 2: разогнались постепенно, вот такой счёт: 1 2 3 4 1234 (ОЩУТИЛ?) Затем все правильно, и даже приятно, я упивался музыкой. Но вот немного дальше, там, где идет глубокая брамсовская лирика, где я и оркестр должны идеально мыслить вместе, начиная с *espressivo*, в конце седьмой страницы. Здесь дирижер неправильно считал, то есть, даже нельзя сказать – неправильно, а как-то ужасно негибко, метрично. Это его*

главная слабость. Перед цифрой 4 на концерте мне пришлось весьма задержать, чтобы виолончели вступили вместе. Последние триоли я играл, как половинки, а он всё-таки, смотрю, машет палкой буквально третью четверть предыдущего такта. Вот эти курьёзы – невозможны. Две репетиции не помогли ему. Шутка ли – такой громадный концерт! Ну ладно, дальше было всё прилично до репризы. Но уж реприза!! Братец ты мой, Брамс предпочёл бы быть задушенным подушками, нежели услышать свою гениальную репризу в такой остроумной, даже остроумнейшей интерпретации. Начнём по порядку.

Цифра 9 – вместе: первый и второй такты, третий такт – тоже. Четвертый такт дирижер решил продолжить, так как, очевидно, он считал, что Брамс рановато пришёл в B-dur. Я с этим не совсем согласен, но что ж поделаешь, сыграю. Вдруг, слышу, где-то в глубине оркестра что-то прозвучало похожее на си-бемоль малой октавы. Ну, думаю, вот удача: показал он ему всё-таки вступать! И я сыграю свои шестнадцатые не то что половинками, а целыми в квадрате. Ни о какой замечательной репризе и речи нет. Дерево (на dolce у меня) вступило где-то в дебрях четвертей у дирижера. И здесь он спохватился и решил, что раз он затянул, то надо подтянуть. И валторны вступают раньше, чем я успел сыграть ре-фа - (третий такт, 25 страница). Тут уж я его поймал и дальше реприза пошла правильно. Скерцо было вообще в порядке, если не считать два последних такта largamente. Первые и вторые скрипки играли в синкопу, но это искоренить было невозможно, несмотря на обе репетиции.

В третьей части дирижер немилосердно, не дожидаясь меня, гнал, начиная с третьего такта 59 страницы, как будто бы presto пошло. Объяснить ему, что я думаю рубато, невозможно, да и бесполезно.

Piu adagio: мы с кларнетом играли абсолютно вместе. Это было очень хорошо, то, что нужно. Но зато дальше ... соло виолончели не было, играли гобои, двое в унисон, но было не дурно, чисто и вообще ничего. Ну, я так люблю эту музыку, что забываю, как её играют. Финал я играл хуже, чем хотел бы, не очень свободно, грациозно было неискренним. Стр. 78, два такта до цифры 6, оркестр почти не вступил, то есть играли в основном струнные. Дирижёр замечтался и решил, что я могу и сам себе подыграть. Я не решился изображать оркестр, и два форте превратились в жалкое попискивание скрипок. Было не тутти, а туттино. Остальное всё – ничего.

С Рахманиновым было трудно. Там ансамбль очень трудный в третьей части.

Внешне – всё замечательно. Публика довольна. Два биса играл. Успех очень большой, вообще, больше, чем я заслужил. На бис играл Шопена: мазурку и ноктюрн. Да ладно, в Москве буду играть в десять раз лучше.

Пусть у тебя не остается впечатления, что мне не нравится дирижёр. Я думаю, что для первого раза – это хорошо, он молодец.

Позволю себе надеяться, что ты лучше управляешь оркестром, по-настоящему, хотя я тебя не видел с палкой, но всё-таки.

Когда же настанет тот день, когда мы будем сидеть в Амбулаторном переулке с партитурой Брамса накануне предстоящей репетиции и обсуждать этот концерт, делая музыку, как следует? Будем волноваться, да? – Обязательно.

Ну, вот так. Завтра еду во Львов. Ещё мрачные репетиции. Желаю всего наилучшего.

Привет нашим французам. Кланяйся маме и папе.

Борису Яковлевичу* (Землянскому – примечание автора) передай самый тёплый привет и скажи, что я играл «ничего». Это ему понравится, он любит «ничего» говорить.

Я страшно долго кончаю письмо, прямо, как Бетховен Пятую симфонию.

Все. Кончил.

В.Ашкенази»

- Вспоминаю я многих людей не только в своей «музыкалке», но и на нашей колокольне – на втором ее этаже, то есть в кабинете-столовой: дирижера Николая Семеновича Голованова с сестрой Ольгой Семеновной*, Александра Васильевича Гаука и его жену Людмилу Павловну, певицу Надежду Андреевну Обухову*, Льва Николаевича Оборина, - писал маэстро Шпиллер. - Голованов был человеком верующим. С ним папа познакомился на каком-то правительственном приеме в 1948 году и, смеясь, рассказывал потом, как Николая Семеновича попросили произнести тост. «Мы – воспитанные партией Ленина-Сталина, верные сыны Русской Православной Церкви...» Гром аплодисментов и звон бокалов.

С Гауком, человеком, скорее неверующим, у папы были свои отношения, и я знаю определенно, что мой учитель относился к папе с огромным уважением и теплом. А вечер с Обуховой особенно запомнился тем, что они с мамой как-то потянулись друг к другу. К великому сожалению, это продолжения не имело – Надежде Андреевне оставалось жить недолго. Помню на колокольне и семью родственников. С ними не раз бывал наш сосед по храму на Ордынке, его настоятель о. Михаил Зернов*, впоследствии архиепископ Киприан. В прошлом человек театральный, он был очень остроумен. А когда блеск одного остроумца соперничал с ничуть не уступающим юмором дяди Света, то до слёз смеялись и бабушка, и папа, да собственно все...

Святослав Николаевич сыграл огромную роль в судьбе маэстро Шпиллера. Невероятное обаяние и доброта Света, великолепная и завораживающая игра привлекали к С.Н. Кнушевицкому многих людей. «Поэту виолончели» племянник старался во многом подражать, к советам его внимательно прислушивался. Бывало, получал от дяди приличную «взбучку»

за какие-нибудь профессиональные шалости, но всё равно, Света маэстро Иван Шпиллер любил и многому у него научился.

- Для меня нет раздельно Кнушевицкого музыканта и человека, - вспоминал после ранней кончины Святослава Николаевича Давид Ойстрах*.- В нём это слилось воедино. В его облике были наиболее ценны естественность, простота и искренность. Как пела его душа, так пел и инструмент.

Немало часов проводили вместе дядя Свет и племянник. Разговаривали о музыке Прокофьева и Стравинского, об интонации, о построении фразы, о том, как надо себя держать с оркестром, о психологии оркестровых музыкантов, которую Свет прекрасно знал, проработав в оркестре Большого театра долгие годы.

- Трудно тебе будет, Янчик, - однажды сказал Свет.- Дело в том, что у нас неинтеллигентная страна. Со своим воспитанием ты натолкнешься на такое сопротивление и непонимание...

Но серьёзные разговоры между ними всегда перемежались какими-то шутками, розыгрышами, анекдотами, в которых не было сальности, а всегда - талантливый юмор.

Много раз слышала я рассказ маэстро о том, как дядя Свет - пятнадцатилетний мальчишка - в 1922 году приехал учиться играть на виолончели к Семену Матвеевичу Козолупову*, и каждый раз - новую интерпретацию.

- Представляешь – идёт по Москве лауреат Государственной премии, профессор Московской консерватории в парусиновых тапочках, в холщовых штанах и ведёт на верёвке козу, а на спине тащит виолончель...

- Козу?! Зачем же ему была нужна коза?..

- Как зачем?! Он её доил -...прямо на Тверской!

История с козой действительно была, но такой же балагур как дядя, Иван Всеволодович меня просто разыгрывал. У Миррочки я выяснила историю про козу, но совсем другую, оказалось: козы было - две!!!

В 1922 году из Саратова приехали в Москву Козолуповы и привезли с собой козу – время-то было голодное. На вокзале они сели в пролётку и поехали домой. А у дяди Света, который ехал в поезде вместе с Козолуповыми по приглашению Семёна Матвеевича, денег на извозчика не было, вот он и вынужден был тащить через всю Москву на верёвке чужую козу и свою виолончель.

А вторая история про козу такая:

Ехал в пятидесятых годах дядя Свет на дачу. Вечерело. Приближалась гроза – дул сильный ветер. Вдруг - на дороге увидели девочку с козой.

- Дяденька,- взмолился ребенок, - возьмите меня в машину.

- Да, как же ты с козой-то в неё влезешь?!

- Как-нибудь, дяденька, я её втащу...

- А она бодаться не будет?

- Нет, что Вы, дяденька, я её за рога держать стану. А-то гроза начинается, мне очень страшно!

Утром следующего дня Наталья Дмитриевна с мужем поехали на рынок.

- Светик, что это у нас в машине все сиденья в белых полосах, и как-то странно воняет?

- Понимаешь, мамочка, это я привёз козу...

- Как, ещё одну?!

Эти истории, скорее, из области анекдотов. А если вернуться к разговору серьёзному, то и у профессора Козолупова было чему поучиться будущему дирижеру, кстати, не только в консерваторском классе. В доме у «Деда» - так называли Семена Матвеевича все ученики и аспиранты – собиралось много талантливой молодежи. За чашкой чая, иногда и рюмочкой обсуждали концертные программы, их исполнение, новые сочинения. На этих посиделках хватало чисто профессиональных разговоров и хохота, и обстоятельных размышлений об искусстве. С годами подобные уроки не забывались, они оставались в памяти на всю жизнь. И кто бы сейчас не присваивал себе «пальму первенства», именно Семеном Матвеевичем была создана в России замечательная виолончельная школа, именно его ученики – в том числе дядя Свет – обладали неповторимым по красоте виолончельным звуком, их инструменты неподражаемо пели, звук долго тянулся.

Недаром, виолончель Кнушевицкого, которая была выдана артисту из Государственной коллекции, после кончины мастера не хотела звучать. И в течение очень многих лет на этом «Бергонци» никто из тех, кому инструмент предлагался вновь, не мог играть. Думаю, что и сегодня в чьих-то других руках, он так благородно, как у дяди Света, не звучит, хотя мои впечатления о красоте инструмента и звука только по записям. Живого исполнения я знать не могла. Но приведу здесь цитату из письма Всеволода Дмитриевича Шпиллера к Людмиле Сергеевне, датированного 1963 годом: *«Иоанн сейчас слушает Света. Я полёживаю и реву, слушая этот звук... Какой музыкант и потом это же Свет! Молюсь за него как умею. Как плохо умею!»*

Судак,

Иван Шпиллер – о. Всеволоду.

11 августа 1958 года.

«Tempo di valse...»

Третий день с наслаждением не высыпаюсь: три дня экскурсировали в Крымский заповедник - близ Алушты, вчера рано ушли на море. <...> Чувствую себя великолепно. Много простокваши, хорошей воды, сырые чушки* - хоть завались, помидоры, фрукты. Ну, раза 3-4 ужинал у Бруни*. (Семья художника – примечание автора) Они все – хорошие; только бедный Иван свалился в желтухе. Жаль и его, и Нину. Она его

очень любит, у них чудные дети – с ними у меня хорошо. Там царство подводной охоты, масок, гарпунов, ружей, просто охоты. А Таня* совсем не такая, как я думал, хотя бы потому, что она гораздо больше француженка, чем русская. В этом она много ярче окружающих и ближе к Нине. Так как меня приняли за своего, то французская психика, даже точнее - психика парижанки, стала очевидной. Это всё очень интересно и не очень знакомо. В Тане просто много обаяния. Она приедет в Москву в конце месяца и с удовольствием придёт к нам.

Хочу пострелять сам – таратор*, печёные чушки. <...>

С завтрашнего дня вхожу в точный режим, кажется, здорово позанимаюсь, начинаюсь, набегаюсь и наплаваюсь, окрепну да и вышлю вам свое тело. Словом - красота!

А поскольку и Тебя, и Маму, и мурзика частенько ощущаю очень близко, то думаю, что вы бы за меня порадовались, коли бы одним глазом подсмотрели, что я здесь выкамуриваю. Веду себя, кажется, складно.

Маму и Тебя целую и желаю всего, что полагается, а главное – чувства юмора.

В нём огромный секрет существования.

Ты, наверное, думаешь, что я обалдел... Написал много, но всё – глупо.

Приятно, то есть - не то слово! быть хоть и студиозусом, но дирижером, в так долгожданном тепле, с чудными нотами, книгами и новыми людьми...

Капельдудкин».

(*Таня – Татьяна Владимировна Толли – блистательный переводчик, из русских парижских репатриантов, дружила со всей семьёй Шпиллеров много лет, была прихожанкой о.Всеволода. *Нина Бруни – тоже из репатриантов, была прихожанкой о.Всеволода - примечание автора)

14 ноября 1958 года.

Иван Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне.

Москва.

« День добрый, ручку целуем!

Требуй, не требуй, а всё равно вставать не хочу – задрал ноги и лежу в постели, хоть и 3 часа дня. Вставать намерения не имею. То ли болен, то ли нет – а бастую вполне. Кислое состояние... - пишет маэстро маме в Кисловодск, где она лечилась. – В понедельник изображали с Игорем Жуковым концерт №2 Брамса. Затем я прихворнул. Играл с Натой

несколько раз и со Светом, с ним интересней и серьезней. С Натой тоже полезно. Читал Федора Михайловича* – чертей и Цвейга*...

Тут играла прескверная английская пианистка Джойс, а мне заказали рецензию – положение дурацкое. Порешили объединить её с Моникой Аз из Франции, да я прихворнул. Она играет сегодня, и я, может быть, ещё пойду, но, скорее всего, воспользуюсь радио, если её будут транслировать. Приехал хороший чех дирижер и некий немец – тоже, говорят, хорошо.

Играю в оркестре ЦДРИ на рояле 1 симфонию Шостаковича, дирижирует наш студент (Есипов).

Ходил в дирижёрские классы ко всем профессорам и решил, что всё чепуха. У Василича* – гораздо толковее. Впрочем, ребятки сами довольно скучны, безвкусны и не профессиональны.

Целую Тебя фундаментально! И хочу, чтобы поправилась. Тогда и я отхандрюсь и весело буду делать дело и тебе писать.

Твой Тоска – ни – ни»*

(*Тосканини – всемирно известный дирижёр – примечание автора)

*« О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему, -
Вот высший подвиг цветка!»**

1958 – 1965 годы. Москва-Саратов.

- Александр Васильевич Гаук свою концертную жизнь начал в 20-х годах. Он почти сразу, смолodu стал заметно выделяться среди дирижёров, - рассказывал маэстро Шпиллер в одном из интервью.- И педагог он был отменный. Его культурный и жизненный опыт служил своеобразным мостиком между нами - молодыми музыкантами пятидесятых годов и поколением тридцатых-сороковых. Гаук очень много знал, и не только в музыкальной литературе, был на редкость интересным собеседником. В Петербурге он встречался и был знаком с поэтом Александром Блоком, композиторами Сергеем Прокофьевым, Дмитрием Шостаковичем, молодым Игорем Стравинским...

« Он слыл тонким ценителем и знатоком старинного фарфора и антикварной мебели, - писала в своих воспоминаниях об Александре Васильевиче тетушка Ивана - Наталья Дмитриевна. - Как-то мы с мужем попросили его посмотреть книжный шкаф, который нам очень понравился. Гаук сел перед ним и долго молча любовался. Потом точно определил эпоху и обосновал буквально каждую линию, каждый изгиб, из чего совершенно

определенно явствовало, что шкаф создан на рубеже эпох императоров Павла и Александра.

После произведенного им детального анализа Александр Васильевич стал фантазировать:

- Захотелось графу Шереметьеву или Олсуфьеву в кабинете сделать шкаф, поставить его в длину простенка. Вот он и вызвал одного из прославленных у себя в вотчине мастеров и говорит: «А ну-ка, Ермолай, смастери-ка мне шкаф, чтобы во всем Подмоскovie, да и самой Белокаменной, такого другого не было». Подумал Ермолай, почесал в затылке, обмерил простенок и пошел в баню. Напарившись часа, этак, четыре, выпил самовар чая, а потом ещё - «заложил» изрядно, и пошел на сеновал спать. Проспавшись, пошёл выбирать дерево. Да выбирал его, не торопясь. Отобравши, во дворе, на утопанной землице что-то чертил и рисовал. Уставши, снова парился в баньке, да чтоб мысль прояснилась, опять выпил. А уж после с молитвой и строить стал. Да тихо. Всё больше ножичком да стамесочкой, да, боже упаси, без гвоздя единого, только складывал да пригонял. Пока суд да дело, через годик шкаф и готов!

Вдруг Александр Васильевич вскочил:

- Ну, можно ли без волнения любоваться этим произведением искусства, созданным самородком-художником, тёмным, неграмотным крепостным. Это же гениально!»

Рассказ тёти Наты - замечателен тем, что она дает миропонимание, мироощущение дирижера и человека – Александра Васильевича Гаука, которые педагог, безусловно, пытался передать своим ученикам.

- Всегда подтянутый, элегантный, обладающий изысканным вкусом, Александр Васильевич умел создать вокруг себя атмосферу утонченности, - рассказывал маэстро Шпиллер, - хоть он был и много старше меня, я его очень любил, с ним по-настоящему дружил. Смею надеяться, что и он меня любил. Хотя, из-за меня он на год уходил из консерватории. Беспокойным я был учеником, и Гаук передал меня на год Николаю Павловичу Аносову*. Но это так – в скобках! Может быть, он больше устал от жизни и болезни, чем от меня, я был его последний ученик, к сожалению.

- Ты не должен дирижировать «Пиковой дамой»*, пока своими глазами не увидишь старуху-графиню, не почувствуешь этот мистический ужас, который пережил Герман, - говорил мне учитель в Питере, когда мы прогуливались после его репетиции. Александр Васильевич иногда брал меня в Петербург на свои симфонические программы. - И ещё хочу сказать тебе о Чайковском, - продолжал он, - Не торопись сыграть Шестую симфонию, особенно, репертуарного листа ради! Для её исполнения надо что-то за душой иметь, лучше накопить солидный багаж. В ней столько дворцовых тайн и загадок. Их разгадать надо уметь. И запомни, у Чайковского – ВСЁ, ВСЕГДА, ВСЕМУ - РАВНО. А у Бетховена – НИЧТО, НИ КОГДА, НИЧЕМУ - НЕ ТОЖДЕСТВЕННО!..

Этот тезис учителя маэстро, мне кажется, расшифровывать не надо. Для профессионалов он, видимо, понятен и так. А для широкой, популярной

публики забираться в исполнительские дебри – слишком сложная задача. Думаю, что Александр Васильевич давал этим постулатом ученику своеобразный ключ к пониманию и прочтению произведений Чайковского и Бетховена, без которого интересной и грамотной интерпретации быть не могло.

Москва, письмо без даты.

*Иван Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне
(в Кисловодск).*

*«Ma chere petite Maman,
Кажется надо бы извиниться, что не писал, но я ждал Твоего письма и откладывал. Мы с папой рады, что Тебе хорошо и, кажется, не скучно. Нам тоже хорошо – после разрешения в Моссовете папа совсем повеселел* и очень заметно успокоился. Стройка идёт полным ходом.*

В консерватории новости плохие: были кражи в гардеробе, в спортивном гардеробе и самоубийство в общежитии. Причины не ясны, много шума, разговоров, надо ждать и чего-нибудь вроде репрессий.

Буду играть на вечере в начале декабря Шумана – интермеццо из «Венского карнавала» и каприс Паганини. Готовлюсь писать работу (курсовую по истории музыки) по дивертисментам, серенадам и другой оркестровой музыке Моцарта. Интересно, да туго с нотами. Собираемся играть на собрании научного студенческого общества (НСО) Третью симфонию Малера с Вовой Ашкенази – ещё не репетировали. Приехала Анни Фишер* – на днях два концерта в Большом зале. На концерте Рождественских* был. Мать пела очень мило великолепную музыку Равеля – из детской оперы, сын* дирижировал «Саломею», «Болеро» Равеля. Эмик <Хачатурян> два раза выступал. И папа был на одном концерте (Бетховен – вторая симфония). Александр Васильевич приезжает 4 числа после удачной поездки в Чехословакию.

На французскую выставку иду на этой неделе. «Гамлет» будет по телевизору.

В Москве то холод, то слякоть – зима. Зимой в Москве, по-моему, лучшие, какой-то русский колорит. Идёшь около консерватории, и перед тобой мелькают: Танеев* в собольей шубе, чуть не сам Петр Ильич... Фантазия, да летом почему-то не приходит. А, может, потому, что зима-то только начинается, и перемена приятна, даже волнует.

Хожу «оборванцем» – на шубе двух пуговиц нет, пояс вовсе чужой, на штанах отчётливо намечается дыра, немного закус – на воздухе не был, голова не свежая, но настроение бодрое. Закупил пачку нот на 200 рублей – продал ксилофон. Вообще, у меня деньги если бывают, то в течение получаса – сколько надо дойти до нотного магазина. На шнурки к башмакам не остаётся. Не очень-то и времени остаётся – за пропуски меня дядя Свет крепко ругал, а без них - времени мало. Лекции на курсе в

большинстве никчёмны, но ходить обязывают. Даже в консерватории делается всё, чтобы не дать заниматься музыкой.

Крепко целую, жду (восьмого) похудевшей.

Иоанн».

(*С.Танеев – русский композитор, современник Чайковского. *Анни Фишер – известная пианистка. *«После разрешения в Моссовете» - о получении новой квартиры – примечание автора)

29 января 1958 г.

Ленинградская обл.

Дом творчества композиторов.

«Репино».

Владимир Ашкенази – Ивану Шпиллеру.

«Янчо, привет!

Играю «Крейслериану»* с таким удовольствием, с каким никогда ни одну вещь не учил. Наслаждаюсь с убийственной силой! Ну, скажи, что мы за создания? Приходим в восторг от каких-то случайных абстрактных сочетаний звуков. Абстрактных – не в смысле высоты и ритма, а в смысле сущности этих звуков. В нас что-то резонирует, (нечто более конкретное), и мы воем от наслаждения. Сумасшествие!

Дорогой Ян! Я понимаю, что сейчас тебе не до высоких рассуждений о музыке; у тебя совсем другое резонирует, вернее, то же самое, но не с тем содержанием...

Ты слишком хороший человек, (без всяких задних мыслей и комплиментов), ты её любишь, поэтому и прощаешь...Бедная она девочка, бедная, вот и всё...

Был я, братец ты мой, на Дворжаке. Слушал первую Брамса и Дюка. Брамс был неплохой, третья часть очень хорошая была, и замечательна – середина второй части.

Аллегро – всё-таки кургузое - (ни у кого не получается). Финал был «обнаковенный» - ничего особенного, правда, должен сказать, что музыканты этого оркестра играют воодушевлённо, но ведь цыганы – так что, сам понимаешь.

Дюка был медленный, причём, по вине опять же цыган, т.к. они плохо шли за палочкой, и вообще – скучноватый.

Вчера, перед отъездом сюда, в Репино, я утром слушал генеральную у Гени Рождественского – «Дон Жуан» - (в первый раз) со вторым оркестром. Дирижирует отменно, но - (всегда - Но) – плохие рубато, неинтересные реплики, а в общем - впечатление неплохое. Как всегда, всё четко, ясно и железно!

Приехал 25-го Борис Яковлевич* и носится по Ленинграду, выучил город наизусть и улыбается. Хороший он. Мы с ним были в Пушкинском музее на Мойке, он там так расстроился, что даже всплакнул! (Но ты ему об этом не говори).

Настроение у меня романтическое – соответственно. Влюблён мальчишка опять по уши, причём, весьма вероятно, что безнадежно. И зачем это я влюбляюсь? Осёл, а? Ведь девчонки почти не стоят того, чтобы их любить, а? А? Ну, ладно, ты не смейся, это я так просто – глуплю.

Здесь в Репино – красиво, снег, Финский залив, горизонт, всё, что требуется для того, чтобы в упоении созерцать.

Сплю, как ЦАР, на двух кроватях, снится мне < ...>, под подушкой Марсель Пруст, на пюпитре «Крейслериана». Вот так! За сим, остаюсь покорнейший ваш слуга.

Кланяйся папе и маме.

Р. С. Да, был на Гауке. Оркестр играл великолепно!!!

В.Ашкенази»

(*Борис Яковлевич Землянский – пианист, ассистент в консерваторском классе профессора Льва Оборина, в котором занимался Владимир Ашкенази.
*Крейслериана – цикл фортепианных пьес Р.Шумана – примечание автора.)

«Иоанн!

Ни Мама, ни я не вмешиваемся в Твою жизнь, и кажется, более чем деликатны в этом отношении. С кем Ты ведёшь знакомство, где и как бываешь, что за отношения у Тебя в нам совершенно незнакомой и даже неизвестной среде – всё это Твоя жизнь. Ты не находишь нужным что-нибудь говорить, даже только говорить о ней нам, но это - Твоё дело. Ни Мама, ни я нисколько не стесняем Тебя в Твоей жизни, хотя Ты всем этим пользуешься плохо. Опять-таки, и это - Твоё дело, когда-нибудь Ты сам об этом пожалеешь.

Есть, однако, нечто, о чём я считаю своим отцовским долгом сказать Тебе, впрочем, очень немного. И повод для этого пустячный. Но именно им я воспользуюсь – пустяков в жизни, собственно, нет...

Твоё обещание вчерашнее оставить мне приготовленный к действию проигрыватель. Где он? Почему Ты этого не сделал?

Другое, – Ты должен был здесь быть после обеда – приехать на колокольню. Ты предупредил через Сашу*, что позвонишь. Почему не приехал, не приехавши – не позвонил. Почему Тебя нет здесь?

Всё это «пустяки», но за ними есть не пустяк, один не пустяк, о котором я и должен Тебе, наконец, сказать – увы, второй раз: у Тебя нет слова. Ни в больших вещах, ни в малых, ни в важных – ни в каких, никогда, ни для кого - у Тебя нет слова. На Тебя ни в чём, ни при каких обстоятельствах никто положиться не может.

*Это не пустяк! И мне говорить Тебе об этом – а сказать хотел
уже давно (один раз сказавши) – очень тяжело.*

28 сентября 1958 года -

Твой отец.

Напоминаю Тебе евангельские слова: « верный в малом - верен и в большом; неверный в малом – не верен и в большом, не верен во всём...»

(На конверте письма маэстро Шпиллер напишет: «от папы – мне, очень горькое!»)

Думаю, что батюшка Всеволод в какой-то мере преувеличил грех сына, но опасную тенденцию, которая появилась в поведении «мальчика», он вовремя и жёстко пресёк.

Более обязательного человека, чем маэстро Шпиллер я в своей жизни не встречала: он никогда, никуда не опаздывал, не о чём не забывал. И необязательности в других совершенно не выносил. Если кто-то опаздывал к нему на randevu, хоть на две минуты, этот человек для Шпиллера переставал быть интересен. Он никогда не позволял задержать начало концерта, потому что считал, что неаккуратное отношение к началу концерта оскорбляет публику.

Симфонические концерты консерватории

Среда, 24 декабря 1958 года.

Малый зал.

Программа:

1 отделение

Моцарт – симфония № 34 - до-мажор

Гайдн – концерт для виолончели с оркестром - ре-мажор

Солист – Г.Зубарева - (класс проф. С.М.Козолупова)

Дирижер – И.Шпиллер - (класс проф. А.В.Гаука)

Оркестр оперной студии консерватории.

Пометок на этой программке концерта о том, как он прошел, - нет. Писем и записочек – тоже. Но по рассказам музыкантов той поры знаю, что плохо подготовленных студентов ни на какую консерваторскую сцену никто бы не выпустил. Иногда на кафедрах устраивался даже отборочный конкурс, чтобы играть программу в залах консерватории.

Да, и профессор Гаук, который к ученикам был, как ласков, так и строг, и комплементарных характеристик не давал, вряд ли позволил бы Ивану дирижировать, если бы программа вызывала какие-то сомнения.

Среди программок сохранилась записочка, которая датирована 14 мая 1958 года:

«Ивану Всеволодовичу Шпиллер. Малый зал консерватории. Иоаннушка, дорогой! С первым концертом! Папа и Мама». В афише этого концерта написано:

Абонемент
Симфонические концерты консерватории

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ – ария Марфы из оперы «Царская невеста»,

ария царевны-Лебедь из оперы «Сказка о царе Салтане».

М. МУСОРГСКИЙ - вступление и гопак из оперы «Сорочинская ярмарка».

Скерцо.

А. ЛЯДОВ – восемь русских песен для оркестра, ор.58.

Солистка – сопрано А. Ондрусова – (класс проф.

Н.Л.Дорлиак) Дирижер – И. Шпиллер – (класс А.В.Гаука)

3 декабря 1958 г.

г. Ванкувер.

Владимир Ашкенази – Ивану Шпиллеру.

«Привет, Янчик!

Извини меня, что я долго не писал. Когда приеду, то объясню почему, и ты согласишься. Вообще, не сердись. Галя мне писала, что ты часто болеешь, так и не болей тоже. Наверное, знаешь от мамы, да и просто догадываешься, что мне здесь надоело. Самолёты и небоскребы в особенности. Пожалуй, играть тоже надоело, уже переиграл. Ощущение новизны не притупилось, но стоит огромных усилий его воссоздавать каждый концерт. Я думаю, что ты письмо получишь за дней 5-6 до моего приезда. У меня очень много есть тебе рассказать и прочее. Сейчас я в третий раз играю в Канаде (Торонто, Монреаль, а теперь Ванкувер). Эта страна гораздо более привлекательна, нежели США. А в Монреале я давал интервью по телевидению на скверном французском. Как я тогда жалел, что не учился в парижском колледже.

Что ещё? Эвелин шлёт тебе со мной письмо. Так же хорошо. Я, разумеется, влюблен, но без шансов. Предвкушаю Калифорнию, а потом – Москву. Гуляю по стритам, чувствую себя одиноким. Ну, всё. Я не могу писать мало и хорошо, я могу только – много и плохо. Но, может, минус на минус – плюс. А впрочем, это глупо.

Позвони маме, пожалуйста, будь у меня, когда приеду – упадётся от обилия записей.

Привет папе и маме - твоим.

Пошли телеграмму с названием крема Л.Д., потому что я потерял блокнот, где это было записано. Я буду 16-17 в Нью-Йорке, послать туда. Жду с нетерпением возвращения.

Sinurely your - В. Ашкенази»

В отличие от Ванкувера, в Москве жизнь шла менее суетливо: Иоанн готовил новые программы, много занимался с оркестром оперной студии консерватории. Свою дирижёрскую профессию он постигал в мельчайших деталях в классах и на концертах, на репетициях оркестров в Большом зале консерватории.

Он штудировал горы книг, как русских мастеров, так и переводов английских, французских, особенно подробно - (с помощью мамы) знакомился с немецкой дирижерской школой. (Именно немецкая и будет близка ему в дальнейшем творчестве). С каждым днём росла его нотная библиотека и репертуар, которым уже хорошо владел молодой дирижёр.

Следующая сохранившаяся в архиве программка относится к общедоступному консерваторскому абонементу, проходившему в Большом зале:

среда, 8 марта, сезон 1960-1961 гг.

С симфоническим оркестром Московском государственной филармонии в этом концерте выступали дирижеры Геннадий Черкасов – (класс профессора Л.М Гинзбурга) и Иван Шпиллер – (класс профессора А.В.Гаука) – каждый по отделению.

Программа:

Россини – увертюра к опере «Сорока-воровка»

Чайковский – концерт для скрипки с оркестром – ре- мажор, соч. 35.

Солист – Зоря Шихмурзаева - (аспирант проф. Я.И. Рабиновича)

Дирижер – Иван Шпиллер – (класс проф. А.В. Гаука)

По программам, сыгранным в Малом и Большом залах консерватории, прослеживается интересная деталь: с первых же своих шагов на дирижёрском поприще маэстро Шпиллер старается привлечь в концерты солистов. В дальнейшей своей исполнительской практике он очень любил взаимодействия оркестра с певцами, скрипачами, виолончелистами и, конечно же, пианистами.

Иван Всеволодович был большим мастером аккомпанемента, проводил его всегда безупречно и деликатно, многие говаривали потом, что «играть со Шпиллером – одно удовольствие, чувствуешь себя, как за каменной стеной. Не ожидаешь никаких неточностей, случайностей и дышишь с оркестром полной грудью». Хороший солист, к тому же, всегда - украшение вечера. А

маэстро старался приглашать в свой оркестр только первоклассных исполнителей.

Но мы, кажется, забегаем далеко вперёд. Высказывания солирующих музыкантов, конечно, будут иметь место в этой книге, без них трудно создать наиболее достоверную картину, очертить образ маэстро. Но все автографы прибережём для дальнейших рассказов...

После первого же курса обучения на дирижерском факультете Ивану выпала возможность интересной и серьёзной работы на летней стажировке в Кисловодске. Надо заметить, что курортные сезоны раньше были весьма и весьма активными. В ту пору, в концертах «на водах», выступало много замечательных, известных и талантливых музыкантов, там гастролировали и трио, и квартеты, и оркестры. Концерты эти были необычайно популярны у публики.

Вот что сообщает об этой стажировке сам маэстро Шпиллер:

24 июля 1959 года.

**Иван Шпиллер – профессору А.В. Гауку
Кисловодск.**

«Глубокоуважаемый и бесконечно дорогой, Александр Васильевич! Третья неделя пошла со дня моего приезда в Кисловодск. За это время, Вы себе не представляете, как я по Вас соскучился. Давно, уж что-то очень давно я не видел Вас. Ещё когда Вы были в Праге, я садился Вам писать, потом решил дождаться, да так и не удалось с Вами побыть – очень уж Вы были замучены. А у меня многое наболело за всё это время, и Вы были единственным человеком, которого я ждал. И ждал, и боялся. Боялся потому, что хоть Вы меня и называли, да, может быть, в какой-то степени и считали своим молодым другом, но всё-таки я всегда чувствовал с Вашей стороны, при всей доброте, но отношение к мальчишке.

Я всегда, и вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств, буду и был благоговейным учеником своего профессора. Но мальчишкой я перестал быть. Мне показалось, что Вы этого не заметили, и стало мне очень, очень больно. Вы меня встречали прежним, я ёжился, крутился и брал старый тон, но чувствовал себя до такой степени не в своей тарелке, что потерять с Вами контакт было очень легко.

Вы – друг нашей семьи. Я знаю и глубоко ценю отношения, человеческие отношения, которые связывают Вас и Людмилу Павловну с моими родителями. И не претендую на то, чтобы быть ровней сейчас с людьми такого полёта, такой зрелости. Но ведь Павлуша* для Вас уже человек и личность, со своим внутренним и, как Вы говорили, сложным миром, а только потом – мальчишка. Отец и сын – это я знаю – это

глубокое единство, в нём тайна! Но профессор и ученик – для меня это чем-то близко к отцу и сыну, конечно, если дело не касается случайного, преходящего ученика.

Именно к тому моменту, когда я почувствовал за собой какой-то минимум навыков, и как это ни нелепо – опыта, чтобы во всю силу ринуться дальше с тем, главным образом ещё не выявленным мной, но крепко засевшим зарядом всего того, что я перенял внутренне от Вас – в этот момент что-то оборвалось.

Простите, дорогой Александр Васильевич. Это немножко похоже на излияния отвергнутой институтки. Но я Вам пишу правду, а форма размазана, потому как я болен и в постели.

Я здесь сижу в ассистентах у Тюлина*, который очень хочет меня учить. Но если бы Вы видели чему! И до какой степени его советы и показы выдают полное отсутствие профессионализма по-настоящему и артистизма! Это та же система заморочивания мозгов, что и в одном из классов консерватории. А польза от пребывания (здесь) для меня всё равно есть – заморочить себя я не даю, я всё равно Ваш ученик, – (оркестр это раскусил) – и только Ваш ученик, марку в обиду не дам.

Работал с оркестром в групповых репетициях, прогонах и т.д. – «Болеро», «Ученик чародея» и др. 21-го дирижировал в Пятигорске почти без репетиции первую сюиту «Пер-Гюнт», концерт Грига, увертюру Фигаро, Вальс-Фантазию и три номера из балета «Лебединое озеро». Ту же программу (без репетиций) повторю 28-го в Железноводске. А 30-го в Пятигорске – с трехчасовой репетицией – танцы из «Руслана», «Сусанина», из «Спящей» и «Щелкунчика». Во втором отделении – увертюру, антракт и арии из «Кармен», прелюды Листа.

В августе: что именно и когда – не известно. Но должен иметь свою программу с двух – трех полных репетиций и всякие повторы чужих концертов – без репетиций. Может быть, дадут концерт в Нальчике, попросил в Тбилиси (через Лиле) у Мачавариани*.

Перед отъездом из Москвы, видел Геню Проваторова*, он подал в отставку из-за того, что не удалось повысить зарплату оркестрантам. Поэтому мои концерты в Днепропетровске слетели.

Помимо узко профессиональной пользы, т.е. когда в руке палочка, у меня здесь много полезного. Кручусь в двух оркестрах – местном и Московском филармоническом, вижу всю подноготную изнутри, даже из быта. Вижу работу других дирижеров, гораздо ближе ощущаю человеческую и музыкантскую психику оркестранта. Кроме того – много интересных встреч с очень разными людьми – главным образом музыкантами, самых разных положений из самых различных концов страны. Здесь много интересных и хороших людей. Меня - скорее любят, во всяком случае – относятся очень хорошо, доброжелательно и даже тепло. В оркестре – в частности.

Таковы мои дела. А простудился я потому, что после концерта не переоделся, и меня, конечно, крепко продуло. Ведь это тоже полезно узнать?

Я очень надеюсь, что Вы отдыхаете и хорошо себя чувствуете. Хотя мама в письме мне жаловалась на то, что застала Вас утомлённым.

Передайте, пожалуйста, Александр Васильевич, всему дому низкий поклон. Людмиле Павловне почтительно целую ручку. Паша*, верно, ещё вырос?...

Будьте здоровы, отдыхайте и не поминайте лихом временно отлученного, преданного и действительно любящего ученика.

Ваш - Ян Шпиллер»

28 июля 1959 г.

г. Москва.

Людмила Сергеевна – сыну Ивану.

«Сугубый Серсели!!! «Аз казах ми теб»*, - как говорила Мене*, даже после репетиций необходимо надевать сухую рубашку, а ты вечером, чтоб ехать после концерта, не переоделся! Надо всегда иметь для этого свитер, или хотя бы шерстяной жилет! А часто и пальто. Толково, Серсели?! Даже и я не ожидала! Главное, чтобы не было воспаления легких. Если мало-мальски ты не в полном порядке, то надо непременно, чтобы тебя выслушали и поставили банки. Не запускай простуду! Из-за глупости «проворонил» чудную поездку в Тиберду. Очень сердита на тебя! <... >

Крепко обнимаю, хотя и обижена,.. что он такой не «вумный», зато будем надеяться, что он не тщеславится и не критикует, а мудро, молча всё на ус наматывает.

Твоя Мама»

(Мелека-Мене* – нянька армянка, которая жила у Шпиллеров в Пазарджике. В начале XX века она бежала от резни из Армении в Болгарию.

Разговаривать по-русски нянька почти не умела, её фразы представляли жуткую смесь армянского с болгарским языком, процитированная означала: «я же тебе говорила» - примечание автора)

29 июля 1959 г.

г. Москва.

Владимир Ашкенази – Ивану Шпиллеру.

«Maestro dirigente!

Интересно, если бы на нашей великовозрастной планете было место, где температура всё время не ниже +20-30 по Цельсию, где нет ночи, где нет ни ветерка, ни сквозняков, и если бы тебя устроить жить в таком месте, то смог бы ты там жить и не простудиться?..

Вопрос сложный, требующий особых размышлений.

А не писал я потому, что ждал твоего письма, ведь ты обещал по приезде написать. Видел твою маму, взял у неё пять тысяч, и менял «Победу» на «Волгу». Любопытная машина «Волга». Я пять минут проехал на ней, и она дальше двигаться отказалась. Она ещё на ограничителе, но она чувствуется.

Сижу я на даче и занимаюсь. Очень хочется драпануть куда-нибудь. Ты знаёшь, если ты освободишься слишком поздно, то я уже не смогу составить тебе компанию, потому что мне надо быть уже 19-го в Москве по делам. Во всяком случае, напиши мне, когда у тебя всё кончится. Если числа 4-5-го, то я бы прямо приехал куда-нибудь туда, а к 19 – обратно.

В Москве никогошеньки нет, только Фарида* (вероятно Фахми – примечание автора). Мы справили с ней день её рождения, 22-го. Смотрели «Войну и мир» американский фильм. Очень интересно и неплохо, особенно актёры. Ты непременно должен посмотреть. Что касается американской выставки, я ещё не был, да и чего-то не хочется. По-моему – это не очень интересно. Там дают бесплатно Пепси-колу. Это ужасная гадость. Мыло с содой. И вообще, американцы нахалы, были и есть. Читал в газете – Никсон* решил одаривать русский народ деньгами – вот подлец!.. Егоровы* уже раза три ходили на выставку.

Ну, вот. Третий Рахманинова я выучил за месяц, конечно не совсем, но в пальцы взял, играть как-то могу. Возьмусь теперь за пятый Бетховена и сольную программу.

Прочёл твою заметку в «Музыкальной жизни». Наверное, тебя сильно обкорнали. Что ж поделать?..

Тысяча приветов. Дирижируй хорошо и лучше. Особенно не ловеласничай, не болей, главное – как не стыдно болеть! Тапочки пришли? Если что-нибудь ещё нужно, черкни мне. А вообще, сразу сообщи о планах, О.К?

Ну, всего хорошего. Скучаю.

P.S. Разумеется, Карамазов*. Я дочитал.

В.Ашкенази»

(*Карамазов – речь идёт о романе Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы», видимо, какие-то темы романа товарищи не раз обсуждали. *Егоров Адриан Александрович – приятель по консерваторским временам, пианист. * Фарида Фахми – теоретик, музыкальный критик, однокашница по консерватории – примечание автора.)

12 августа 1959 года.

г. Москва.

Отец Всеволод – сыну Ивану.

«Твоё последнее письмо, с решением филармонии и Твоим, получили и с интересом читали. Мама думает, что тебе нужно по окончании работы по больше пополоскаться в море. Мама находит, что оно Тебе очень (!) нужно, и упускать возможности взять от него всё, не следует.

Мы без Тебя, конечно, скучаем. На даче без Тебя пусто. Но, что делать?! Из всех Твоих писем так ясно, что всё кисловодское для Тебя сейчас очень полезно, очень нужно. Ни Лиле, ни другие Твои товарищи по консерватории не имели того, что в этом году Тебе оказалось возможным иметь, и что получил Ты <...>

Гаук отдохнул, выглядит гораздо лучше, чем весной. Из консерватории на год уходит, но, говорят, что не имеет права на отпуск, и поэтому его уход на год, может оказаться уходом совсем. Он очень интересовался, что происходит с Тобой и у Тебя. Благожелателен. Советует Тебе в этом году быть у Аносова* и «только у Аносова», а сам всегда будет рад давать Тебе советы, помогать и т.д.

Примерно неделю назад Гауки были на даче у Обориных, и при них Льву Николаевичу сделалось плохо. Сейчас он в больнице, у него оказался инфаркт, как это и предположил сразу же Гаук <...>

Наш больной, но уже справившийся с инфарктом, Свет на днях возвращается из Комарово, и кажется, чувствует себя очень хорошо. Курил – «относительно», по телефону уверял, что только один раз позволил себе это.

Приезжал на дачу Лиле. Нам с мамой Лиле показался гораздо интереснее, чем был: умён, сдержан, наблюдателен. Совершенно ясно, что в Тбилиси есть какая-то очень культурная среда – каких-то музыкантов (молодых), писателей, художников, какой-то интеллигенции, по-видимому, живущей довольно интенсивной жизнью. И Лиле – несомненно, вхож в неё. Она и накладывает на него свой очень хороший отпечаток самой настоящей и в лучшем смысле слова интеллигентности.

Мне кажется, что если Ты сможешь побывать в Тбилиси – это будет хорошо. И я думаю, что Ты там увидишь, к чему следует присмотреться, что интересно, и может дать Тебе немало полезного!

Я очень хотел бы послушать Тебя и посмотреть на Тебя за пультом. Мама тоже. Но будем ждать. И, может быть, Бог даст, дождусь этого? Держи нас в течении Твоих тамошних дел.

Телеграфируй после каждого выступления...

Целуем Тебя крепко, пиши, береги здоровье, очень береги!

Любящий Тебя – папа»

Концерт симфонического оркестра
Ростовской областной филармонии
Сезон 1960 – 1961 гг.

Солист - лауреат Международных конкурсов

Владимир Ашкенази (Москва)

Дирижер – Иван Шпиллер (Москва)

Программа:

Герстер - Дрезденская сюита

Моцарт - Симфония № 36

Рахманинов - Третий концерт для фортепиано с оркестром

Р.Штраус - «Дон Жуан»

Из этой афиши видно, что встретились, наконец, в одном концерте друзья, обсуждавшие немало партитур, мечтавшие играть вместе. И хотя Ростов – не

Рио-де-Жанейро, как писал Яну в своем послании Владимир Ашкенази, но их совместное музицирование прошло очень и очень успешно. Третий концерт Сергея Васильевича Рахманинова был по-своему дорог как одному, так и другому. Не знаю, был ли ещё пример соединения музыкантов в одной программе в их исполнительской практике. Документального подтверждения этому не нашла. Видимо не было, потому что Ашкенази довольно скоро уехал из страны, и очень много лет в России не бывал. Концертная жизнь каждого из них в дальнейшем развивалась своими путями.

Письмо без даты.

Иван Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне.

«Мамарли, день добрый! То есть день очень не важный, слякотный, сырой, грязный...» - писал Иоанн маме Людмиле Сергеевне, - (письмо без точной даты и адреса) Но, это всё - чепуха! Хотя и не люблю такую погоду...

На этих днях занимался с оркестром областной филармонии. Игнали 1 часть второй симфонии Брамса. Оркестр меня принял хорошо. Все проигнали, немножко позанимались, и я ушел - (40 минут), отказавшись от дальнейшей репетиции, т.к. отвратное помещение и не для большого оркестра. А факт самой встречи с этим оркестром прошёл удачно, даже с оркестрантами, которые, обычно, принимают в штыки. Говорят, держался приятно и располагающе, сам говорил мало и как будто дельно. Замечания принимались - безоговорочно и с удовольствием – только всё в микроскопических дозах пользы. Но порядок, видимо,

наведём. В концерте у меня должен играть Мишка Хомицер*, (концерт Гайдна – ре-мажор) 24 числа.

Целую Тебя, катайтесь, смотрите и проветривайтесь. Я буду ходить на лыжах и заниматься. Болеть не стоит никому, и выгоднее иметь хорошее настроение.

Крепко целую -

Твой Тосканини»

Судя по анонсированной программке, концерт, о котором идёт речь в письме, был с Московским областным симфоническим оркестром в сезоне 1960-1961 годов.

(*Михаил Хомицер – талантливый виолончелист, сделавший большую музыкальную карьеру – ученик С.Н. Кнушевицкого. Скончался за границей, где жил последние годы – примечание автора)

«Милая Ольга Ивановна!

Я несколько раз звонил Вам, но, к сожалению, не мог застать или был занят Ваш номер.

Я очень рекомендую нашего студента Яна Шпиллера для гастрольных поездок, в том числе и для Ленинграда - (второго оркестра).

Он очень талантлив и уже вполне может гастролить с успехом не только для себя, но и для дела.

У него интересные программы.

Прошу Вас переговорить с ним о возможных концертах.

Уважающий Вас – Николай Аносов.

21 октября 1960 года»

На оборотной стороне конверта с этим письмецом записаны числа: Вильнюс – 24-23 ноябрь, Рига – 25 -26 -27 декабрь. Судя по отметкам на конверте, просьба профессора Аносова Ольгой Ивановной Зиминой была услышана, и Шпиллер получил числа репетиций и концертов в Прибалтийских городах. Гастролями музыкантов заведовали в те годы в таких организациях, как гастрольное бюро, «Росконцерт» или «Госконцерт», куда, видимо, и была направлена записочка.

« Приезд в Вильнюс Станислава Нейгауза* – запоминающееся событие в культурной жизни города. Неоднократный лауреат международных конкурсов, пианист С.Нейгауз обладает высокой культурой исполнения. Талантлив и молодой дирижер Иван Шпиллер (Москва). Вчера в филармонии состоялся симфонический концерт, в котором были исполнены: тридцать шестая симфония Моцарта и четвертый концерт для фортепиано с оркестром С.Рахманинова. Сегодня состоится второе выступление», - писала Вильнюсская газета.

За годы обучения в консерватории маэстро Шпиллер побывал с концертами во многих городах Советского Союза, поработал с оркестрами разной профессиональной подготовки и квалификации, познакомился ближе с музыкантами, приобрел тот неоценимый опыт, который способствовал развитию молодого дирижёра. Установились за это время у Ивана Всеволодовича и личные отношения с «менеджерами». Хотя в 50-х – 70-х годах они были просто чиновниками государственных организаций, и зачастую маленькими клерками от искусства, совсем незаинтересованными в продвижении талантливых ребят.

Наконец, настал день прощания с консерваторскими аудиториями, со студенческим братством.

ул. Герцена 13. Консерватория.

Большой зал.

Ивану Всеволодовичу Шпиллер.

20 июня 1962 г., к 7 часам вечера.

«Дорогой Иван!

Жизнь начинается завтра. Люби избранный Тобой путь, и тогда все терния и удары судьбы будешь принимать легко, ибо радость, которую может принести искусство, огромна и всепоглощающа.

От всей души желающие Тебе счастья и успехов родственники – Вера, Ната, Свет, Миша, Нина, Виктор, Витя, Андрюша».

В артистическую комнату после концерта «набилось» много народа, были, конечно, и Гауки. Александр Васильевич, не скрывая радости за ученика, сказал:

- Ты никогда не имеешь права быть довольным собой! Можешь быть – только иногда удовлетворён...

Вот с таким строгим напутствием учителя маэстро Шпиллер и отправился в дальнейший путь своей творческой деятельности.

Первым местом постоянной работы был Саратовский областной симфонический оркестр, где он стал вторым дирижером при художественном руководстве оркестром Факторовичем.*

- Я подписал так называемое распределение в филармонический оркестр этого, считавшегося весьма музыкальным, консерваторского города. В Саратове была опера, в консерватории работало несколько серьёзных (по-настоящему) специалистов. Главный дирижер симфонического оркестра Факторович был человеком, безусловно, профессиональным, у меня с ним сложились весьма корректные отношения. Мне надлежало дирижировать в среднем не менее семи концертов в месяц, а ему – пять. Тогда царствовала определенная министерством «норма» выступлений и дирижеров, и оркестра.

Мои концерты и репетиции концентрировались компактно, с тем, чтобы я мог уезжать домой. Мне шли навстречу. Конечно же, я стремился в достающихся на мою долю серьёзных программах дирижировать то, что очень хотелось. Здесь мне тоже шли навстречу. Я обретал практику, набивал руку и был благодарен за это.

Москва, 1962 год.

Людмила Сергеевна – маэстро Шпиллеру.

«Slady*, Твои детки в порядке, Митя* весит 10 с половиной килограммов, зубы прорезываются наверху. Серьёзен, игрушки снобирует, играет коробкой металлической и крышкой от кастрюли. Ночью зубки у него болят хуже, чем днём. Лена всем, что касается Тебя, очень интересуется. Митя, как будто, слушал.

Папу застала в неплохом виде, вожу его по театрам и зрелищам, это ему необходимо. Что у Тебя делается? Интересно, как прошёл Стравинский? Пожалуйста, пока что ходи куда-нибудь играть на рояле, не забывай фортепиано.

Покупай виноград! И томаты! Скоро не будет. Тепло ли в гостинице?

Крепко обнимаю. Пиши.

Мама.

P.S: Дал в Москве два концерта, говорят, совершенно потрясающий американский хор. Твои пластинки успела купить. Сегодня идём на американский балет».

(*Slady! – непереводимое обращение к очень близкому и дорогому человеку. *Митя – сын от первого брака маэстро – примечание автора).

В первые же годы работы в Саратове, на многие концертные программы маэстро Шпиллера появляются одобряющие отзывы в печати. Приведу лишь некоторые строки из этих рецензий на отдельные концерты под управлением Ивана Всеволодовича:

«... Особенно много настойчивости, воли проявил дирижёр И.Шпиллер, сумевший найти подход к глубокому раскрытию образов симфонии В.Овчинникова и получивший в награду восторженный прием слушателей»

«Заря молодежи», 5 декабря 1962 г.

«... Темпераментно и красочно была исполнена «Шехеразада» Римского-Корсакова.

В концерте для скрипки с оркестром Сибелиуса под управлением И.Шпиллера, маэстро чутко провел аккомпанемент этого труднейшего произведения. С блеском прозвучала увертюра к опере «Тангейзер» Вагнера»
«Коммунист», 22 января 1964 года.

«...Живейший интерес и горячую благодарность слушателей вызвала «Фантастическая симфония» Берлиоза под управлением И.Шпиллера.
«Коммунист», 3 марта 1964 года.

Выписка из Саратовского дневника маэстро:

«Поощрения столь же необходимы дирижёру, сколь необходима канифоль смычку, даже гениального виртуоза - Не Козьма Прутков».

13 марта 1963 года.

г. Саратов.

Иван Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне

«Chere petite ma-man!*

Сегодня ночью Леночка мне позвонила и рассказала о Тебе. Очень жалко, и обидно, и досадно. И больно, наверное? Я думал, что гололёд здесь пришёл к концу, и Тебе уже можно бы приехать...

Если Тебе не трудно писать – напиши мне. А я скоро собираюсь в Москву. 25-го у меня последний концерт в Саратове, и, наверное, я буду 26-27. А 27-го у меня должна быть «Арлезианка» в Москве. Папа уже, наверное, тоже приедет.

Пока что дал три концерта – шестого – Чайковский 1У симфония, концерт и «Франческа да Римини»; седьмого - три аккомпанемента здешним пианистам: Шопен №2,

Лист №2, Рахманинов №4. Затем – десятого – Шестая симфония Чайковского, Fetes* (Празднества – примечание автора) из Ноктюрнов Дебюсси и Второй концерт для скрипки Прокофьева – очень каверзный, то есть просто трудный – с Вал. Жуком. Остались «много довольни», я его заставил сыграть на bis «Rondo capriccioso», и всё было хорошо.

Начал репетировать вчера «Till Eulenspiegel» и дам его 17-го и 24-го с Обориным. Лучшие для меня два раза «Тилль» с надеждой на приличное исполнение во второй раз, чем два раза крупным помолом разное. Программы хорошие. Качество скверное, настроение среднее. Но я надеюсь 24-го дать приличный концерт и уехать, не слишком опустив нос. Такие мои дела.

Мои концерты дальше идут так: 15-го – популярная программа, 17-го – утро и вечер, 19-го - советская, 20 – советская, 24 – Обороин, 25 – консерваторский. Может быть, не будет 20 числа. Таким образом, в

марте всего (с Одессой и Москвой) – 12-13 концертов. Надеюсь, что когда-нибудь количество перейдёт в качество.

А как Василич? Если писать не трудно, дай мне знать, что есть от Папы.

Надеюсь Тебе не слишком худо в больнице? Навещают Тебя? Хотят Тебе переменить больницу, я слышал. А дома нельзя? Если Тебе нужно, дай мне телеграмму, и я приеду сразу. Если нет – привезу «за утешение» хорошие афиши.

Крепко, крепко Тебя целую, и поправляйся скорее!»

28 марта 1963 года,

г. Москва.

Отец Всеволод – жене Людмие (в больницу)

«<...> Концерт прошел хорошо. («Арлезианка» - примечание автора). Масса молодежи. Зал полный. Апук держит себя хорошо. Скромно. Утром звонил, очень беспокоится о Тебе. Конечно, придёт...»

Литературно-музыкальный спектакль по новелле А.Доде «Арлезианка» был поставлен заслуженным артистом России В.Аксёновым на музыку Ж.Бизе. Вокальные партии исполняла солистка Московской государственной филармонии Елена Андреева. Новеллу читал лауреат Всероссийского конкурса чтецов Валерий Токарев. Симфоническим оркестром Московской государственной филармонии дирижировал Иван Шпиллер. Спектакль этот в Москве давался несколько раз в концертном зале им. П.И.Чайковского.

30 марта 1963 года,

О.Всеволод – жене Людмиле (в больницу)

«Людмилушка! Служил сегодня литургию. Потом, в 1 час дня – панихида по Свету. Были наши*, да Ольга Семеновна*, да Максаковы*. Сегодня день «Похвалы Божьей Матери» - служилась панихида легко. А в сороковой день не всегда служитя легко. Поминали тоже – потом, после панихиды – Александра Васильевича (Гаука – примечание автора), скончавшегося сегодня в 7 часов утра без сознания, тихо.

Обо всем этом Тебе расскажет Иоанн. Он, бедный, зелёный, - крепится, но все эти смерти, отпевания, панихиды, ему, кажется, даются трудно...»

Уход из жизни сразу двух выдающихся музыкантов, друзей и наставников, просто очень близких людей маэстро Шпиллер переживал тяжело. Можно даже сказать, что внутренне он никогда не примирился с их кончиной. Иван Всеволодович с большим теплом, любовью и огромным

уважением не только вспоминал и рассказывал о Святославе Николаевиче Кнушевицком, он не мало сыграл в разные годы концертов его памяти.

Часто в своих программах маэстро исполнял оркестровые редакции произведений, которые сделал учитель: Первую симфонию С.В.Рахманинова, «Времена года» П.И.Чайковского, даже записал эти сочинения на диски. И уж, конечно, помнил уроки, советы, наказания. Оба музыканта были тесно связаны в творчестве и жизни, и почти одновременно ушли из неё, оставив нашего героя без опеки.

- Моя последняя встреча с Александром Васильевичем состоялась в начале марта 1963 года. Моему учителю оставалось жить около месяца. Знал ли он об этом? Думаю, что знал, во всяком случае – чувствовал, но не давал этого понять другим. Скрывал, на что требовалась немалая воля. Она у него была.

Войдя в коридорчик больничной палаты, я постучал и, получив разрешение, вошёл. Александр Васильевич сидел в кресле, укрывшись пледом, и читал. Я не забуду его рук, схватившихся за ручки кресла. Ему было трудно, но он решительно и быстро встал, чтобы поздороваться с молодым, здоровым человеком. Я был потрясён... Никогда не забуду того, как мой учитель, фактически находящийся при смерти, встал при появлении меня -мальчишки.

Воспитание... Да, это было проявлением настоящего воспитания. К слову сказать, я испытал нечто схожее в дирижёрской среде в России ещё раз и с учеником Гаука, правда, первым (или одним из первых) – с Евгением Мравинским. Это был тоже человек по-настоящему воспитанный.

Я много раз себя спрашивал: « что же такое – хорошее воспитание?» Это ведь не только знание неких правил поведения: вести себя так – хорошо, не так – дурно, нельзя, не следует. Совсем нет. Хорошее воспитание отличает человека от большинства других тем, что он всегда остаётся самим собой, вне зависимости от того, в какую среду попадает, при каких изменениях жизни вокруг ему приходится жить.

Саратов,

7 апреля 1963 года.

Иван Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне.

«Мама! Нет худа - без добра. Ко мне это применилось таким образом – приехал раньше надобности (худо). Устроился в хорошем номере и отдыхал сегодня. Завтра выходной день, и я собираюсь крепко позаниматься (добро). Иначе бы, пожалуй, не успел ни того, ни другого. Будет 14-го апреля Шестая Бетховена – Pastorale, какой-то местный баритон будет петь, ещё не знаю что, да Герстер – «Дрезденская сюита» (на возвращение галереи). 13-го – что-то популярное для студентов (!), а 10-го в политехническом институте Седьмая

Бетховена, Эгмонт и Первый концерт Бетховена. Таков план этой недели. Тоже не худо.

Теперь бы найти добро в твоём положении, и всё будет в порядке! Крепко целую.

Toscanini»

Саратов,

11 апреля 1963 года.

Иван Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне.

«Мама, вчера на выездном концерте (Бетховен №7, концерт №1, увертюра «Эгмонт») понял, что к концерту с Обориным очень прилично подготовил Седьмую симфонию. Вчера играли с репетицией в один час, и получилось очень недурно (по условиям). А репетировать Шестую очень трудно – она сложнее по звуку, по музыке. Созерцательный Бетховен в оркестре непривычен и получается с большим трудом. Не очень себе представляю, как это будет в воскресенье. Если Тебе не трудно - черкни.

Я живу в комнате с воспоминаниями, но весна лезет нахально, и настроение и самочувствие поднимаются.

Крепко, крепко целую.

Toscanini»

Саратов,

14 апреля 1963 года.

Иван Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне

«Христос Воскресе, Мама!

Жалко, что мы не вместе, и ещё жальче, что Ты не дома, но ничего – отпразднуем.

Сегодня пришел с концерта с Шестой симфонией Бетховена, сюитой Герстера на возвращение Дрезденской галереи и певцом (Игорь, Алеко, Томский, Грязной – баритон). Так вышло, что трудные симфонии Бетховена по первому разу уже позади (№3 и №6). Думается, что Девятая не труднее. А Pastoral – чрезвычайно трудна, и дирижеру, и оркестру, а этому особенно. № 7 – несравненно легче!! На днях она у меня почти начала получаться, ещё повторю на этой неделе (19-го).

Вчера был концерт для молодежи. После него ходил к церкви и даже попал внутрь – было радостно.

Началась весна. Взрывают лёд на Волге, чтобы облегчить нагрузку надвигающегося ледохода на «быки» строящегося моста в Энгельс. Начинает чувствоваться дыхание реки.

Завтра отдыхаю от «лабухов» и начинаю учить (увы) 12-ю симфонию Шостаковича, его же скрипичный концерт на 21-е. Что будет дальше – не знаю точно, но, вероятно, к концу месяца буду свободен.

Очень обрадовался вчерашней телеграмме – в ней Папа писал о Тебе. Прослышал про Вову. (Вероятно, Ашкенази – примечание автора) Не очень-то верилось, но, очевидно, так оно и есть.

Дорожат автомобили и ещё какие-то новости.

Дописываю утром.

Вечером хочу позвонить тётке Нате. С её приездом сюда ничего неясно. Все-таки мои филармонические ин просо – дурачки.

Крепко, крепко целую. Поправляйся скорее!

Toscanini»

15 апреля 1963 года.

Москва.

Людмила Сергеевна – маэстро Шпиллеру.

«Христос Воскресе! Slady, спасибо за открытку с очень интересным расписанием. У меня сняли все гири (они мне жить не мешали сами по себе), а главное – противную шину (постройку, которая очень мешала). Наложили гипс опять выше (значительно!) колена, в истории написано, что нужно сделать контрольный снимок.

В субботу я получила пасху, кулич и крашеные яйца. Вчера утром всё поделили на палату, плюс няни, сестры дежурные и бабулю, плачущую в коридоре, – роскошно праздновали. Интересно, как прошёл вчера Твой концерт. А какие даты и программы дальше? «Ни пуху, ни пера!...»

Вчера у Хузи* (домашнее имя о.Всеволода – примечание автора) был вид усталый. Надеюсь, что он сумеет передохнуть. Крепко Тебя обнимаю. Пиши.

Мама».

*16 апреля 1963 года, +
о.Всеволод – Ивану Шпиллеру.
Москва.*

« Христос Воскресе! »

Дорогой Иоаннчик, посылаю Тебе мамино письмо. Вчера сделали контрольный снимок, и он покажет, будет ли Мама плохо ходить или более-менее прилично. Дело в том, что повторять процедуру с растяжкой, ещё одним хирургическим переломом для неё, Мама уже не согласна, боится остаться в больнице весь май и половину июня из-за жары. И правильно, я возьму Маму домой и уж пусть будет с ногой, как будет... Никакой выдержки и никакого терпения не хватит на повторную процедуру. И главное – не хватает сердца, но, может быть, снимок покажет, что всё хорошо?!

Вчера Саша* и Мирра причащали Митю и Андрея*. Леночка ждала их во дворе. Сговаривалась с ней об этом Мирра (которой, впрочем, не очень легко и не сразу удалось уговорить Лену сделать это). Я был у Мити в субботу, оставил красное яичко. Леночку не видел, она мне не звонила, я ей позвонил, но не застал. Контакт с ней так и не получается. Я очень добросовестно ищу в себе тому причины, чтобы их удалить. Боюсь, что во мне их не много, И даже с отсутствием их, всё равно всё останется таким, как оно есть. <...>

К сожалению, циркулировавшие слухи о поступке В.Ашкенази, поразившие его маму и сестру, которые вне себя от горя, - подтверждаются. (Отъезд за границу – примечание автора). А многих он поставил в очень трудное положение – Обороина и Землянского, и молодых музыкантов, которые вряд ли будут выезжать за границу, как они выезжали до сих пор. Только что позвонила Вера* (Вера Дмитриевна Шпиллер – примечание автора), сказать, что с Володей всё дело в его жене. И, кажется, он сам проявляет какую-то готовность разговаривать о возвращении. Виза продлена на шесть месяцев...

Жду известий от Тебя. Пиши Маме. Крепко целую.

Папа».

(*Саша – домработница в доме Шпиллеров, *Андрюша – маленький сын Мирры – примечание автора).

Понедельник, 2 декабря (1963 год?)

Москва.

Людмила Сергеевна – Ивану Шпиллеру.

«Slady, Ты интересовался Рихтером: январь у него пока что совсем свободен – обещал только Ленинграду. Насчёт Америки, Ты, вероятно, знаешь, что отъезд 30 января, примерно месяцев на шесть, если вообще поездка состоится. Ехать ему очень не хочется, даже сократил время.

Будет здесь два его концерта – в первой половине месяца, вторую половину будет отдыхать. <...>

Интересно, как прошёл вчерашний Твой концерт. <...> Моя нога становится все более гибкой, меньше «дърво»*. Я, было, совсем собралась к Тебе в Саратов, что, конечно, было бы не благоразумно. Жаль, что не была на «Жар-Птице» и вообще на концерте, и что не слышала репетиций «Дон-Жуана».

У нас потеплело, и погода посерела.

Все поголовно переживают убийство Кенеди.

Лечишь ли своё плечо и руку? Как оно себя чувствует? Удастся ли Тебе поехать в Горький?

*Крепко обнимаю – Пиши, телеграфируй, когда думаешь приехать?
Мама»*

(*«дърво» - по-болгарски окоченевшая, мёртвая – примечание автора)

Саратовская филармония

Среда, 7 октября 1964 г.

Симфонический концерт:

С.Прокофьев - фрагменты из балета «Ромео и Джульетта»

1. Монтекки и Капулетти

2. Танец Антильских девушек

3. Гибель Тибальда

Ф.Мендельсон-Бартольди – концерт для скрипки с оркестром, ми минор, соч. 64

Л.ван Бетховен - концерт для скрипки с оркестром, ре мажор, соч. 61

Солист – лауреат Международных конкурсов

Игорь Ойстрах

Дирижер – Иван Шпиллер

Четверг, 8 октября 1964 г.

Симфонический концерт:

И.Брамс - первая симфония, ре минор, соч.68

- концерт для скрипки с оркестром, ре мажор, соч.77

Солист – лауреат Международных конкурсов

Игорь Ойстрах

Дирижер – Иван Шпиллер

На программке подпись:

« Милому Яну в память о нашей первой и очень успешной встрече с пожеланием больших дальнейших творческих успехов, в которых не сомневаюсь.

Гарик Ойстрах»*

В Саратовских программах Ивана Шпиллера, несмотря на молодость дирижёра, выступало много известных и замечательных солистов: Лев Оборин, Дмитрий Серов, Лев Власенко, Рудольф Керер, Белла Давидович, Наум Штаркман и другие. Одни из них – (большинство) - были друзьями-однокашниками по консерватории, (они уже победили на различных международных конкурсах, приобрели популярность), другие - общались со старшим поколением дома Шпиллеров, поэтому хорошо знали талантливого юношу и старались его поддержать. Но, конечно же, всех в первую очередь привлекала предельная подготовленность маэстро к программам, серьёзное, интересное прочтение исполняемых произведений, умение руководить оркестром и необычайный артистизм Ивана Всеволодовича. Отношения в музыкальном мире ценились и ценятся по их настоящему художественному результату.

Из крупных ораториальных произведений, требующих от дирижёра максимальной собранности и большого мастерства, с Государственным Академическим Русским хором Союза ССР под управлением профессора А.Свешникова был исполнен гениальный, но труднейший «Реквием» Моцарта. А в программах концертов декады-фестиваля «Музыкальное искусство Ленинграда» вместе с Ленинградской академической капеллой им. Глинки дана Девятая симфония Бетховена.

- Выстраивая сезон 1963-64 годов, главный дирижер Факторович сделал мне предложение: «давайте, вместе осуществим очень трудоёмкую работу, откроем сезон Восьмой симфонией Д.Шостаковича, - рассказывал Иван Шпиллер.- Один концерт продирижирую я, другой – вы, а репетировать будем оба». Я, конечно, согласился. И основательно потрудился летом над партитурой, с которой до того был знаком поверхностно.

Надо сказать, что Факторович страдал диабетом, и, кажется, в ту пору болезнь у него обрела высокую степень, если так можно выразиться. Получилось, что он вынужден был всё намеченное время для подготовки симфонии и время самих концертов открытия сезона провести в больнице. Я репетировал один и провел оба концерта, хотя и сам сильно простудился и на короткое время тоже был прикован к постели высокой температурой. Концерты прошли более чем успешно. Появились хвалебные рецензии в газетах.

Но в управление культуры или какие-то другие инстанции тогда же пришли анонимные письма, целью которых было меня опорочить, благо биография позволяла. Действительно, не помню подробностей их содержания. Меня с ними познакомил худрук филармонии, я брезгливо

поморщился тогда, но был поражён выводом экспертизы: автором анонимок признавался Факторович.

Мне совершенно не хотелось вступать в филармоническую интригу, в которой Факторовича хотели убрать, а меня водрузить на его место. Эта перспектива мне никак не улыбалась, и я начал искать место. Поиски были недолгими – это стал Харьков. Меня пригласили на должность главного дирижера филармонии. И я принял этот пост.

В новом назначении было немало преимуществ. Во-первых, - оркестр в Харькове был профессиональнее, и это самое главное. Во-вторых, - город был «открытый», в отличие от «закрытого» Саратова. Это давало возможность приглашать иностранных музыкантов. Немаловажным для меня было и существенно более удобное и интересное меньше времени сообщение Харькова с Москвой, где жили мои родители.

София.

1 ноября 1965 года.

Архимандрит Мефодий* – Ивану Шпиллеру

«Дорогой друг, Иоанн Всеволодович!

Сердечно приветствую тебя с днем твоего Ангела и желаю тебе, по молитвам преподобного Иоанна Рыльского, много лет здравствовать, плодотворно трудиться на поле музыкального искусства, столь необходимого для утешения душ человеческих!

Хотя ты и возмужал и вошёл в серьезный труд, но я, пользуясь правом дружественной любви, которая никогда не иссякает, обращаюсь к тебе по старой привычке на «ты», как это было 25 лет тому назад! Я, несмотря на то, что пережил немало горестей, остался таким же несерьёзным, наивным и даже глупеньким, каким ты меня знаешь от дней оных, когда я всякими шутками старался тебя, почти всегда серьёзного, рассмешить!

Наивность моя проявляется, между прочим, и в том, что я пишу музыку, разумеется - церковную, несмотря на то, что не имею (к сожалению!) никакого музыкального образования. Посылаю тебе на память обо мне «Отче наш». Прости за безобразный почерк, он всегда был у меня скверным, а теперь ещё больше, ибо рука уже дрожит, как у настоящего старца! Если найдешь нужным, пожалуйста, аранжируй её лучше! Я делаю, что могу, для собственного утешения!

Крепко тебя обнимаю и целую с горячей о Христе любовью, храни тебя Христос от всякого зла!

*Настоятель Московского Патриаршего Подворья
Храма Св.Николая Чудотворца*

Мефодий»

Связь с болгарским духовенством семьи Шпиллеров после переезда в Россию не прерывалась. В московском доме отца Всеволода нередко бывал и Патриарх Болгарский Кирилл, правда, на эти встречи приходилось батюшке испрашивать разрешение Московской Патриархии.

Были свои отношения и переписка с болгарскими духовными лицами и у сына батюшки – Ивана Всеволодовича Шпиллера, хотя не столько многочисленная.

1966-1978 годы.

Москва-Харьков, далее везде...

*«Странник! – Это слово
Станет именем моим.
Долгий дождь осенний...»**

Переезд в Харьков состоялся. Нового главного дирижёра Ивана Шпиллера в оркестре приняли неплохо. Молод, красив, элегантен. Он привлекал к себе внимание сразу. За пультом маэстро был серьёзен, требователен, дело своё хорошо знал, мог быстро установить контакт с музыкантами.

В архиве маэстро сохранилась целая стихотворная поэма, написанная и подаренная Ивану Всеволодовичу некой Еленой Анатольевной Знаменской:

«Не в чужом далёком царстве,
В нашем славном государстве,
Жил да был Иван-царевич -
Загляденье красных девиц.
Кудри тёмны не до плеч.
И ведёт французску речь.
Вот зовёт Царевич Волка,
Что ты бегаешь без толка!
Послужи мне верной службой,
Отплачу тебе я дружбой.
Повези искать по свету
Есть ли счастье, или нету.
День ли едут, или месяц,
Глянь – дворец! Сумская -10.

У порога ждёт смиренно
Распрекрасная Елена.
Спрыгнув с Волка, молодец
Устремился во дворец.
И пошёл тут пир горой!
Ля для всех давал гобой.
И с утра до самой ночи
Всё гремели, что есть мочи...»

Не стану цитировать всю поэму, но сказка «про Ивана-царевича» выдержана в добродушных тонах, и свидетельствует о немалом интересе к новому руководителю оркестра.

21 июня 1966 года.

Родители – маэстро Шпиллеру.

Телеграмма:

ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВОСЕЛЬЕМ ТЧК НА ВАШЕМ МИЛОМ ПРАЗДНИКЕ
ВМЕСТО СТАРЕНЬКИХ РОДИТЕЛЕЙ БУДУТ НОВЕНЬКИЕ
ПРОФЕССОРА ТБИЛИССКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ПОЛИТКОВСКИЕ*
ЯШВИЛИ* ТЧК ОБНИМАЕМ = ЖДЕМ ТЕЛЕФОН=МАМА ПАПА

Довольно быстро у маэстро в Харькове обустроился дом и организовался круг друзей, в который вошло немало ученых из Физико-технического института низких температур, так как его директор - академик Борис Иеримеевич Веркин* - был страстный меломан. Для коллег физиков Веркин открыл в институте свой филармонический симфонический абонемент, и к маэстро Шпиллеру этот незаурядный руководитель и очень симпатичный человек относился с большой теплотой и доброжелательностью.

Маэстро, не жалея сил и энергии, искал новые формы взаимодействия с публикой, кропотливо работал над каждой программой. Очень скоро плоды серьезной работы с оркестром стали видны.

Перелистывая гостевой дневник художественного руководителя Харьковского оркестра, встречаешь записи по-настоящему знаменитых и талантливых музыкантов, которые приезжали на концерты по приглашению Ивана Всеволодовича:

« Я очень рад поздравить коллектив Харьковского симфонического оркестра под управлением замечательного дирижера Ивана Шпиллера с блестящим началом 1968 года. Меня поистине поразил огромный творческий рост коллектива за последние два года. Очень радует творческая дисциплина, прекрасный строй, ансамбль. Без сомнений эту форму, в которой сейчас находится оркестр, нужно поставить в заслугу Ивану Всеволодовичу Шпиллеру.

Отлично были исполнены труднейшие произведения Бартока и Сибелиуса. От души желаю вам, дорогие друзья, дальнейших творческих успехов, и с удовольствием жду новых встреч.

11 января 1968 года   скрипач - Игорь Ойстрах»

« Три года я не был в Харькове, и очень рад отметить значительные успехи оркестра Харьковской филармонии. Возросла художественная дисциплина, ансамбль и значительно улучшился строй. Репетиции симфонической программы (Бах, Моцарт, Бетховен) мне стоили гораздо меньших усилий, нежели программа из одних аккомпанементов три года назад. Благодарен оркестру и его руководителю И.В.Шпиллеру.

Наилучшие пожелания!

31 марта 1968 года   дирижер - Карл Элиасберг»*

« Два концерта закрытия сезона 67-68 годов были для меня большой радостью. Ни жара, ни усталость всех нас – не помешали играть оркестру с большим подъёмом, собранно, увлечённо. Сказалась работа Яна Шпиллера на репетициях!

Желаю ему, оркестру – моим старым друзьям – дальнейшего процветания!

25-26 мая 1968 года   пианист – Дмитрий Башкиров»*

« Большое спасибо дирижёру Ивану Шпиллеру и оркестру Харьковской филармонии за чуткий аккомпанемент в концерте Бетховена. Я получила большое удовольствие, музицируя с Вами!

Желаю больших удач!

Ваша – Ильзе Граубинь»*

«Дорогие друзья!

С огромным удовольствием и от всего сердца благодарю вас за совместное музицирование, за те счастливые для меня мгновения, когда мы были вместе не только в ансамблевом смысле, но и с точки зрения настоящего искусства. Вместе мы старались «делать» Большую музыку. Ивану Всеволодовичу – моя искренняя благодарность за чуткое и великолепное содружество, особенно в Бетховене.

Всегда буду рад новым творческим контактам!

Искренне ваш – Лев Власенко.

Musica infinita.»

Свои автографы в дневнике оставляли многие инструменталисты, приезжающие на симфонические концерты, а приглашались на программы не только русские талантливые исполнители, как скрипачи – Игорь Безродный, Нина Бейлина, пианисты Лев Оборин, Глеб Аксельрод, Евгений Малинин и выше перечисленные, но и зарубежные гастролеры: Галина Черны-

Стефаньска – Польша, Рен Жианоли и Самсон Франсуа – Франция. Думаю, что всех называть нет надобности. Творческие концертные сезоны маэстро Шпиллер составлял всегда с размахом, тонким вкусом, в них не было однообразия: как программ, так и исполнителей.

Приведу здесь несколько газетных выступлений, мини рецензий на работу оркестра, хотя они далеко не всегда отражали реальное звучание на концерте (немало по-настоящему интересного, как всегда, проходило мимо критиков):

« В филармоническом концерте была исполнена Первая симфония Артура Онеггера. Другие, более известные симфонии этого французского композитора – Вторая, Третья и Пятая – неоднократно игрались оркестрами нашей страны, но Первая симфония исполнялась в Советском Союзе впервые. И, что приятно, - у нас в Харькове...

Можно сказать много добрых слов и о других работах оркестра: оригинальном исполнении Шумановских: увертюры - «Манфред» и Первой симфонии. Ясно, светло звучащей симфонии Петра Ильича Чайковского «Зимние грёзы»...

Впечатление от нескольких концертов цельное, улавливаешь стилевую манеру оркестра, почерк, вкус дирижера. С удовольствием следишь за работой Ивана Шпиллера».

В.Стенпаненко – врач, газета «Красное знамя».

« Во Второй симфонии Бетховена дирижёр И.Шпиллер продемонстрировал совершенные артистизм, вкус, чувство стиля. Подчеркивая поэтическое очарование музыки, он (выявив заложенные в ней приметы раннего классицизма) достиг неповторимых образных откровений»

«Социалистична Харьковщина», 17 октября 1967 года.

«...Темпераментом отличалось исполнение И.Шпиллером сюиты Р.Щедрина «Не только любовь». Дирижёр блестяще донёс до слушателей иронию и сарказм сюиты, придав прямо кинематографическую образность музыке».

«Ленинское знамя», 22 июня 1968 года.

Helsinki, Palace hotel,
16 мая 1968 года.

Святослав Рихтер – маэстро Шпиллеру.

«Милый Ян!

К сожалению, я не смогу приехать в Харьков в этом сезоне, как обещал: проболел, а теперь должен уехать. Надеюсь в сезоне 68-69 годов.

Всего хорошего – С.Рихтер»

- Более высокий класс Харьковского оркестра, - рассказывал много позже маэстро Шпиллер, - объяснялся легко. В прошлом – долго ли, недолго ли - в нем работали серьёзные дирижёры: Себастьян*, Зандерлинг*, Кондрашин*, Гусман*. Правда, само здание филармонии, зал, его сцена – были довольно убоги. Город всё же - большой, тогда уже за миллион жителей, если не полтора, а значит - была разнообразная публика.

Поначалу всё шло хорошо. Работать стало интереснее и приятнее, чем в Саратове. Намного интереснее. И отношения, и общая атмосфера были хорошими, хотя кое-что... изумляло. Так, например, худруком филармонии являлся председатель союза композиторов П.Гайдамака. Союз, кстати, был не только многочисленный, в нём состояли и по-настоящему профессиональные люди. Я особенно уважительно и в последствии дружески относился к Виталию Губаренко* и его учителю, профессору Д. Клебанову*.

Председатель союза при всей своей украинской характерности, что само по себе располагало, был человеком и малокультурным, и музыкально безграмотным. То же могу сказать и о директрисе филармонии, которую должность в гораздо меньшей степени обязывала быть музыкально грамотной. Её ценности располагались в строгом соответствии со званиями, принятыми в системе государственных награждений той поры. Если – народный артист СССР – значит полнейшее уважение, если – народный артист республики – уважение на ступень ниже, и никакого – к артисту без звания.

Муж директрисы филармонии во время войны служил в партизанском отряде вместе с тогдашним первым секретарем обкома, они были большие «дружбаны». Я этого не знал, но данное обстоятельство сыграло свою роль в моей биографии.

При так называемом плановом ведении хозяйства нередко к концу календарного года выяснялось, что на счету филармонии остаются деньги, и если их не истратить, то они просто будут списаны, иными словами пропадут. В ноябре 1967 года ко мне и обратилась с предложением потратить немаленькую сумму по моему усмотрению директриса Харьковской филармонии.

Не очень долго размышляя, как поступить, я отправился в Москву и пришёл в «Госконцерт» поинтересоваться, какими иностранными артистами можно было украсить и без того не бедную музыкальную жизнь города Харькова. Я увидел, что в СССР гастролирует выдающийся, а попросту сказать – первый пианист Франции Самсон Франсуа, да ещё в интересующие меня сроки он в Советском Союзе две недели без концертов. Конечно же, я сразу высказал своё пожелание.

- Ничего у Вас не выйдет, он оставил две недели на изучение Эрмитажа, - получил я категоричный ответ.

Это сообщение вызвало уважение к Франсуа, и мелькнула надежда уговорить его сократить знакомство с Эрмитажем на 3-4 дня, чтобы все же заехать в Харьков.

- И не пытайтесь – это очень трудный человек, вечно всем недовольный. У Вас ничего не выйдет!

Но всё же я узнал, что живёт он за углом в гостинице «Будапешт», переводчица очень нехотя пошла провожать меня к господину Франсуа. В её услугах я не нуждался, чего она ещё не знала, но прекрасно понимал, что её главные служебные функции заключаются в другом.

На мой стук - отворилась дверь, и приветливая, очень красивая, совсем дама (в отличие от моей спутницы) попросила секунду подождать. Тотчас появился в длинном элегантном халате, конечно, не банном, как практиковалось в ту пору в России, явно пивший свой утренний кофе Франсуа, и с непритворной любезностью пригласил нас. Беседа сразу пошла так, словно два близких приятеля встретились по делу, которое им обоим давно хотелось сделать.

- В Харьков? С удовольствием!

- А что Вам было бы приятнее и удобнее в эти сроки сыграть с оркестром?

- Вот мой лист репертуарный, выбирайте, что Вам больше подходит. Мы сразу же сговорились о трёх концертах с Франсуа в Харькове – два со мной и сольный между оркестровыми. Переводчица была поражена, сражена, раздавлена.

Концерты с Самсоном Франсуа у меня сохранились в той части кладовой памяти, где покоятся мои самые дорогие музыкальные воспоминания. Но и ему, артисту с очень большим именем, было приятно играть со мной. В артистической комнате после концерта он вдруг говорит мне (а переводчица это переводит директрисе филармонии):

- Господин Шпиллер! Я Вам рассказывал, что моя карьера началась в Америке. Братья Стейнвей* – мои друзья, и я мог бы попросить их сделать Вам подарок. Всё же Ваш «Блютнер» (марка концертного рояля – примечание автора) – старенький и недостоин ни Вас, ни Вашего оркестра...

Не успел я раскрыть рот, как слышу:

- А на шо воно мнэ сдалось?! Цэ – ж, меня за них посадют! – ответствовала директриса.

С этого вечера наша «пламенная любовь» с руководством филармонии перешла в ещё более пылкую неприязнь, а в свою очередь - и нечто вроде военных действий. Я пытался всё же защищаться, но чувствовал неминуемую развязку. А наступила она так.

Мой авторитетный харьковский друг - академик и создатель очень крупного института - Борис Иеремеевич Веркин, который относился ко мне по-отечески, отправился к первому секретарю обкома с целью меня защитить. Я тогда этих горкомов и обкомов боялся, как огня, их первых лиц – тем более. Беседа Веркина с секретарём закончилась просто:

- Я понимаю, - сказал задумчиво секретарь, - что Шпиллер прав, но если его поддержать, придётся освободить всё руководство.

И тут выяснилось, что начальник, может быть, на это и пошел бы, да служил с мужем директрисы в партизанском отряде. Какая-то музыка не стоила давно сложившихся отношений, да и кому из начальства во все времена она была особенно нужна?!

Я подал в отставку и уехал из Харькова, обретя новый опыт, как житейский, так и профессиональный. Вскоре у меня обиды прошли, и я сохранил о Харькове благодарные воспоминания.

- Ну, а что же Франсуа? Ваши отношения дальше не продолжались?

- Вскоре после отъезда Самсона Франсуа из СССР мне пришло письмо от его прелестной спутницы, в котором она сообщала о ранней кончине этого удивительного музыканта.

Маэстро Шпиллер вернулся в Москву. Конкретного предложения и места в столице не было, и он стал гастролировать по разным городам, работая по отдельным программам. В географии поездок значились Воронеж, Томск, Саратов, Киев, Минск, Таллин, Тбилиси, Челябинск...

Вот программа выступления в Киеве в 1969 году:

Киевская государственная филармония

Колонный зал им. М.В.Лисенка.

Абонемент №4:

Дворжак - концерт для виолончели с оркестром

Чайковский – симфония № 4

Исполнители:

Дирижер – Иван Шпиллер

Солист – народный артист России Мстислав Ростропович*

После первого знакомства этих музыкантов в том же Киеве в 1967 году, когда исполняли второй концерт Шостаковича для виолончели с оркестром, Мстислав Леопольдович подарил Шпиллеру фото с таким автографом: «Дорогому талантливому Яну с благодарностью и пожеланием самого большого счастья»

А вот программка Ленинградской филармонии:

Заслуженный коллектив Республики

Симфонический оркестр филармонии

Большой зал, сезон 1969-70 гг.

С.Франк – симфония ре минор

Ф.Лист – первый концерт для фортепиано с оркестром

Солист – засл. арт. РСФСР Валерий Васильев*
Верди – увертюра к опере «Сицилийская вечерня»
Дирижер – Иван Шпиллер (Москва)

Достойными внимания были программы, сыгранные маэстро в разные годы в Таллине. Они весьма восторженно отмечались прессой. В зале «Эстония» в абонементе «Знаменательные музыкальные даты» И.Шпиллером были представлены произведения Франца Шуберта, монографическая серия концертов, посвященных Сергею Рахманинову.

«Событием стал концерт, посвященный 175-летию Шуберта. В программе были Пятая и Неоконченная симфонии и Месса G-dur. Дирижировал гость из Москвы Иван Шпиллер – безусловно - музыкант высокого класса, в творческом облике которого очаровывают тонкий вкус, благородство и отточенность фразировки, идеальная уравновешенность оркестровых групп, - писала Эстонская газета «Кодумаа».-

В концерте были достигнуты необыкновенная легкость, прозрачность, красивое звучание оркестра. Шпиллер нашёл великолепные градации звучности – его динамическая шкала в пианиссимо поистине поразила... В зале царила атмосфера большого искусства, рождающегося от счастливого единения дирижёра и оркестра...»

- Десятилетие после Харькова с профессиональной точки зрения состояло из гастрольных поездок - то более, то менее активных,- рассказывал Иван Всеволодович,- работы в Госкино, постоянном сотрудничестве с Московским государственным симфоническим оркестром и года полтора работы в БСО Радио и Телевидения с Федосеевым, который тогда возглавил этот оркестр. Здесь было много интересного, запоминающегося, были свои удачи и, наверное, неудачи, но было и проходящее, неинтересное, но нужное, хотя бы с точки зрения заработка. Больше всего платили там, где жилось менее интересно – в Госкино. Спасибо ему, но как хорошо, что я там не задержался.

Иван Шпиллер в это десятилетие постоянно выступает в абонементных концертах Большого зала консерватории, зала имени П.И. Чайковского, Колонного зала Дома Союзов (тогда еще в нём проходили серьёзные концерты, и он не был только залом для заседаний и похорон, как позже). Шпиллер записывает несколько больших программ и музыкальных спектаклей на Всесоюзном радио. Недостатка в концертах вроде и не было, но Ивану Всеволодовичу этого было мало. Конечно, маэстро, хотелось иметь свой оркестр и работать интенсивнее.

Коллеги и друзья советовали дирижёру пойти на прием к министру культуры Екатерине Алексеевне Фурцевой*. (Как знать, может быть, она бы ему действительно помогла?!) Но просить за себя Шпиллер никогда не умел, тем более – начальство. В те годы все начальники, большие и малые, ему

казались врагами. А самое главное – у него была определенная жизненная позиция, которую он ещё в саратовские времена излагал в письме к маме. И, несмотря на нарушение хронологии в своём повествовании, здесь это письмо всё-таки частично процитирую.

20 июля 1963 года,

Вольск.

Маэстро Шпиллер – маме Людмиле Сергеевне.

«Вчера на концерте – летняя эстрада в парке – во время первой пьесы (в программе целиком Дунаевский) получил телеграмму. Очень обрадовался. Спасибо.

Здесь чудное купание, рыбная ловля и климат. Волга по-моему даже не en gros – средняя Волга далеко не единое климатическое целое. В Балакове, например, очень сухо, а если дует ветер, то крепко. Здесь влажность значительно выше, напоминает море. Ветер гораздо ласковее. Вольск, строго говоря – городок, но дыра.

<...> Теперь о Горьком. Город намного больше Саратова, очень заметно цивилизован. Явная близость к Москве. Но, будучи там с 9 по 12, даже утро 13-го, я имел много времени на решение вопроса – «хотелось бы там работать или нет?» Было и за, было и против. Думаю, что результат получился совершенно правильный. В минуты колебаний я стараюсь расслышать голос, и если мне он слышится, то я верю. Не всегда он слышится и, к сожалению, не всегда я его слушаюсь.

По поводу колебания между Горьким и Саратовом мне было ясно, что уехать сейчас, значит бросить недоделанным какое-то серьёзное дело. Как бы выйти дирижировать, недоучив что-то. Мне бы хотелось уехать из Саратова после того, как пойму, что я буду стоять (хотя бы иногда) настоящего успеха. Мне очень хочется понюхать его на первом месте моей работы. Так как мне кажется, что ничего общего с успехом настоящим прошлый сезон не имел, то я думаю, всё складывается, как нужно.<...>

В связи с очень многими мыслями по этому поводу я кручусь вокруг того, что тянет вычеркнуть всяческую протекцию в карьере, прожить своими силами и своим нутром. Нутру-то и хочется дать гармонию и уверенность. Хотя бы уверенность в том, что всё, что ты делаешь, это твоя жизнь, это твоя музыка, а не бесконечное приготовление к тому моменту, когда кто-то кому-то что-то скажет или сделает, а я в ответ буду допущен к жизни. Своё мастерство я ещё могу в Саратове разыскивать. Предпочитаю мучиться своим несовершенством и поиском, чем несовершенством и нерасположенностью других. Кстати, и трудности жизни могут иметь какой-то большой внутренний смысл и давать чуть ли не радость. Кажется, секрет (во всяком случае - один из

них) в том, КАК и с КЕМ их разделить. Сейчас я уверен, что лучше делить практические трудности (даже, может быть, всю жизнь), чем в другой ситуации пользоваться удобствами, благами и относительной протекцией. <...>

Целую крепко. Иоанн»

В те годы Иван Всеволодович наверняка ещё не знал, хотя и догадывался, что существует негласная установка ЦК партии о том, что на должность главных дирижеров в оркестры беспартийных назначать запрещено. Такое правило распространялось и на директоров крупных заводов, главных редакторов газет и журналов, да, собственно, на всю нашу советскую жизнь. Видимо, маэстро не очень точно знал и о том, что было секретное постановление, в котором говорилось, что дети репатриантов, вернувшиеся из эмиграции как с Востока (Харбин и другие города), так и с Запада, не имели права учиться в высших учебных заведениях. Им разрешалось только среднее специальное образование. И если бы в 1953 году не умер «товарищ» Сталин, то Ивану Шпиллеру вряд ли удалось бы даже учиться в Московской консерватории.

Но и отец Всеволод, и молодой дирижер прекрасно понимали в те годы, что сыну священника, да ещё бывшего эмигранта ни к какому министру ходить и просить ничего не надо. А лучше смиренно заниматься своим делом там, где возможно. Батюшка не раз говорил, что семья только чудом избежала репрессий, которым подверглись многие из вернувшихся в Россию, что только чудом у них была квартира, хоть на колокольне, но в Москве, а потом удалось получить и другую. Они умели благодарить Господа за все ниспосылаемые блага.

И всё же, одна попытка разговора с властью у маэстро Шпиллера в то время была:

«Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич! В сентябре прошлого года приказом по Госкомитету по радиовещанию и телевидению я был назначен на должность дирижера-ассистента БСО сроком на один год, - писал маэстро председателю Гостелерадио СССР

С.Г.Лапину* в 1977 году, - Срок этот истекает 15 сентября, и я оказываюсь перед лицом больших трудностей. До последнего момента я активно и убеждённо поддерживал В.И.Федосеева во всех его начинаниях. Возможно, Вы помните, уважаемый Сергей Георгиевич, моё письмо к Вам, подписанное и директором БСО С.И.Егоровым. Вы оказали мне честь, предоставив возможность изложить Вам лично мою оценку сложившейся ситуации и аргументы в пользу проведения конкурса в БСО.

Однако, со многим из того, как принципиально правильная идея конкурса осуществлялась на практике, я согласиться не мог. К сожалению, мои старания предотвратить хотя бы некоторые ненужные и серьёзные, на мой взгляд, ошибки в проведении конкурса, оказались безуспешными, и

лишь привели к нарушению контакта с В.И.Федосеевым*. Таким образом, о дальнейшей моей работе в БСО вряд ли может идти речь.

С другой стороны, за активную, открытую творческую и организационную помощь в проведении конкурса В.И.Федосееву, я сейчас лишен всех, в прошлом многочисленных, контактов с другими московскими оркестрами. Как дирижёр я нахожусь в полной изоляции вне радио и телевидения, и под негласным запретом.

Есть некоторые возможности получить работу вне Москвы, но воспользоваться ими я не имею морального права, так как мои родители по состоянию здоровья и возрасту (84 и 75 лет) нуждаются в моей помощи.

Как бы ни было трудно расставаться с профессией-призванием, видно, другого пути у меня сейчас нет.

Позвольте, уважаемый Сергей Георгиевич, обратиться к Вам с просьбой. Насколько я знаю, в настоящее время комитету требуются работники с высшим музыкальным образованием. Если бы Вы сочли возможным предоставить мне работу, я бы приложил все усилия и, надеюсь, смог бы стать полезным делу.

С уважением – Иван Шпиллер»

«Уважаемый товарищ Шпиллер!

Простите, что с некоторой задержкой отвечаю на Ваше письмо.

Мне не хотелось бы вдаваться в Ваши отношения с В.И.Федосеевым. Но, разумеется, продление соглашения, которое было подписано на один год, полностью зависит от главного дирижера БСО.

Что касается возможности использования Вас на какой-либо другой работе, связанной с музыкальным радиовещанием, то по этому поводу я просил бы Вас переговорить непосредственно с главным редактором редакции музыкального радиовещания или в управлении кадров.

С.Лапин

19 сентября 1977 года»

Думаю, что эти два письма ни в каких особых комментариях не нуждаются, тем более что непосредственным участником событий я не являюсь. Но знаю, что у С.Г.Лапина в те времена была огромная, можно даже сказать – неограниченная власть. И одного его слова было бы достаточно, чтобы молодой талантливый дирижёр мог работать в Москве по специальности, и работать прекрасно, а уж на радио – тем более. Но, увы!.. Поэтому гастрольные турне по Советскому Союзу продолжались.

12 апреля 1972 года газета «Горьковский рабочий» писала о фестивале польской музыки, проходившем в СССР, в том числе и на базе Горьковского симфонического оркестра:

«Состоявшийся в Кремлевском зале концерт польской музыки вызвал большой интерес. Значительная его часть была посвящена творчеству

В.Лютославского* – одного из ведущих композиторов Польши. Прозвучавшая в начале «Маленькая сюита для оркестра» покорила совершенством формы. Иным сочинением В.Лютославского явился «концерт для оркестра» - монументальное яркое полотно.

К.Пендерецкий* принадлежит к молодому поколению композиторов Польши. Исполненное в концерте произведение «Хиросима» - своего рода этюд, воссоздающий состояние ужаса, вызванного атомным взрывом.

В концерте приняла участие Белла Давидович. Она исполнила первый фортепианный концерт классика польской музыки Ф.Шопена.

Трудная задача выпала на долю симфонического оркестра Горьковской филармонии – в короткий срок подготовить эту сложную программу. Но оркестр исполнил её с воодушевлением. В этом, конечно, важна роль дирижера Ивана Шпиллера. Умение вскрыть замысел сочинения и наиболее полно донести его до слушателя – такова главная задача, которая встает перед маэстро. Иван Шпиллер является опытным и зрелым мастером, и руководимый им в этот вечер оркестр играл весьма успешно. Хочу отметить, что в исполнении фортепианного концерта И.Шпиллер показал себя отличным ансамблистом.

Заслуженный деятель искусств РСФСР
А.Нестеров*»

- Среди многочисленных моих гастролей вспоминаю весну 70-го, когда Вероника Дударова* пригласила меня принять участие в гастролях её оркестра в Красноярский край. Конечной целью поездки было село Шушенское, его музей-заповедник, отреставрированный к 100-летию Ленина. (До этого села я не доехал, мои концерты были в Абакане и Минусинске) Самолёт наш приземлился в Красноярске, где было устроено подобие торжественной встречи, не произведшее на меня никакого впечатления. Помню своё жуткое ощущение от пребывания в месте поселения заключенных. Может быть, оно было не верным, а может быть, не далёким от истины тогда. После своих концертов я улетал в Омск через тот же Красноярск. Сидел в ресторанчике аэропорта, ел запомнившуюся стерляжью уху и размышлял о том, что так далеко на восток в ту пору ещё не попадал. Думалось и о том, что вряд ли когда-нибудь в эти края приеду. Но «человек предполагает, а Бог располагает».

**1978-1990 годы.
Красноярск.**

«Луна или утренний снег...

*Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год»**

« Какой он – маэстро?

- Непредсказуем и ироничен, - говорили одни.
- Требователен и беспощаден, - утверждали вторые.
- Наоборот! Добр и деликатен, - восклицали третьи.
- Обязателен и надёжен, - подчеркивали четвертые.
- Недоступен и аристократичен, - добавляли пятые.

Но все сходились в главном – талантлив!

И это всё о нём – о заслуженном деятеле искусств РСФСР, художественном руководителе и главном дирижёре симфонического оркестра Красноярской филармонии Иване Всеволодовиче Шпиллере.

Он действительно непредсказуем и неуловим, систематически отказывается от интервью, старается избежать официальных бесед, подробных расспросов о своей работе, своих планах. Но это не воспринимается как прихоть или каприз. Просто всё, что так или иначе может отвлечь его от музыки, от работы с партитурой, что не связано непосредственно с творческим процессом, отбрасывается безоговорочно. На первом плане – музыка, оркестр.

В то же время, он бывает очень общительным. Мне не раз приходилось видеть искреннюю радость, которую ему доставляют встречи с коллегами, беседы с друзьями. И всегда покоряет его готовность обменяться рукопожатием, улыбнуться, сказать несколько теплых фраз, сердечно пожелать здоровья...

Иван Шпиллер. Дирижёр, обладающий широкой эрудицией, ценитель поэзии и мировой литературы, превосходный знаток скульптуры и живописи, наблюдательный психолог и... любитель (не при ГАИ будет сказано) стремительной автомобильной езды.

Вот уже более десяти лет его жизнь неразрывно связана с творческой биографией Красноярского симфонического оркестра», - так писала Т. Бочарова* в газете «Красноярский рабочий» 31 декабря 1988 года, посвятив маэстро Шпиллеру целую газетную страницу.

Через десять лет подводить итоги и рассказывать о мастере ей было гораздо легче, чем ему в конце семидесятых в Красноярске начинать создавать оркестр, практически с нуля. Тогда газеты не тратили свои драгоценные столбцы и колонки на столь пространственные описания. А начинать пришлось вот как.

В семидесятых годах на должность первого лица в Красноярский край был назначен Павел Стефанович Федирко*. Партийный лидер был – технарём, но человек талантливый, с широкими, неординарными взглядами, лишенный излишнего раболепия перед вышестоящим начальством. Он-то и задумал в

целях развития территории основать в Красноярске одновременно симфонический оркестр и театр оперы и балета, а для подготовки кадров для них - институт искусств и хореографическое училище. Этот грандиозный план несколько лет пришлось пробивать в московских кабинетах, тогда без разрешения ЦК ничего нигде не делалось, ни строилось, ни росло...

Хотя в вотчине секретаря, которая по масштабам превосходила многие европейские государства в несколько раз, было многое: нефть и газ, алмазы и золото, уголь и пушнина, мощный военно-промышленный комплекс, не было «человека со скрипкой». И, как рачительный хозяин, Павел Стефанович понимал, что если у него в крае «людей со скрипкой» не появится, то у города Красноярска и края не может быть дальнейшего развития, территория будет обречена на захолустный застой.

Пример перспективного устройства жизни был не за далёкими горами – в Новосибирске. Правда, там начинали развивать культуру на базе созданного всей страной Академгородка. В формировании оркестра и консерватории приняли участие сотни профессиональных людей, потому что существовало решение партии и правительства. От своих задумок Федирко всё-таки не отступал, и постепенно его планы стали конкретно претворяться в жизнь.

Сформировать новый сибирский оркестр пригласили молодого музыканта Владимира Свойского*, который дирижерскую карьеру только-только начинал. Мягкий, симпатичный Володя большими организаторскими способностями явно не обладал, это выяснилось практически сразу, но, несмотря на отсутствие опыта, он как-то пытался слепить коллектив. И в апреле 1977 года состоялось два первых публичных выступления оркестра по настоянию крайкома партии. Заявленная программа была для новоиспеченного оркестра сложной: увертюра к опере Глинки «Руслан и Людмила», до- минорная симфония Бетховена, Первый концерт для фортепиано с оркестром – Чайковского. Обитая сукном сцена драматического театра съедала звук, даже на генеральной репетиции многое в оркестре «разъезжалось», потому что не было элементарной сыгранности музыкантов, к Свойскому была масса претензий. И всё-таки, первые два концерта прошли при аншлагах, воодушевлении прессы и публики. Шутка ли, в городе появился свой симфонический оркестр!!! На качество исполнения (далёкое от совершенства) никто большого внимания не обратил, да, честно говоря, в те годы и обращать-то было особенно некому. После этих показательных выступлений других концертов оркестра при Свойском не помню, видимо, их больше не было. Вскоре дирижер из города уехал, и поговаривали, что даже эмигрировал в Канаду. Так или иначе, коллектив был создан, и его надлежало кому-то пестовать.

- В феврале 1978 года меня пригласили в Красноярск на концерты в новый оркестр. Я сговорился с известным скрипачом Виктором Пикайzenом* составить мне компанию и, выбрав осторожную, несложную программу, отправился на гастроли, - рассказывал маэстро Шпиллер.- Мне сразу стали предлагать возглавить этот коллектив. Надо сказать, что подобное в моей

гастрольной жизни по Сибири бывало и раньше. Но я уже был совсем не таким, как десять лет назад в Харькове. За предложение я вежливо благодарил, но наотрез отказывался его обсуждать, потому что к тому времени был твёрдо убежден, что разговаривать на эту тему можно только с первым лицом края, то есть с первым секретарем крайкома.

Продироживав несколько концертов, я улетел в Москву. Но не успел стянуть с себя шубу, как произошло неожиданное: раздался звонок, и мне сообщили, что Федирко меня ждёт. Дело принимало серьёзный оборот...

В это время папа второй месяц находился в больнице в институте неврологии, где буквально под новый год ему была сделана тяжелейшая черепная операция после инсульта. По милости Божьей он не только перенёс операцию, но и потихоньку шёл на поправку. В Сибирь я вторично слетал, уже для переговоров. Отсутствовал, может быть, дней десять. Мой рассказ о поездке папе в больнице закончился так:

- Если я не смогу по болезни вернуться служить в церкви, то поедем к тебе в Сибирь. Принимай предложение!!!

Папа смог, слава Богу, вернуться к своему служению, пусть в несколько сокращенном режиме, но смог! А я принял предложение Павла Стефановича Федирко. Так в 1978 году начался самый главный в профессиональном смысле (и не только) период моей жизни – Красноярский.

Новый главный дирижёр – «московский залётный барин» - был обольстительно красив, строен, невероятно элегантен, он обладал галантными манерами и всем своим обликом выделялся в любой компании. Но именно эти качества вызывали к нему у многих настороженность. В Красноярске мужское население было более суровым и сдержанным на вид, хорошего воспитания и образования в те годы в большинстве своем не имело, изысканными манерами – точно не отличалось.

С первого дня своего появления в Красноярске Шпиллер начал удивлять филармоническое начальство тем, что предложил уволить большую часть музыкантов оркестра, потому что их училищное образование и квалификация не соответствовали занимаемым должностям. (Но даже таких музыкантов в оркестр набрали с большим трудом). Конечно, директор и худрук филармонии хватались за голову, но прекрасно знали, что в первом кабинете крайкома Шпиллеру благоволили, поэтому приходилось с доводами главного дирижёра, скрипя сердцем, соглашаться. За Иваном Всеволодовичем сразу закрепилась кличка: «Пиночет!». Правда, бытовала она не долго. Чаще всего называли просто – «Дядя Ваня».

Из первого интервью Ивана Всеволодовича, данного 13 июля 1978 года газете «Красноярский рабочий» - (через пять месяцев после его вступления в должность) - мы узнаем:

- Удивителен ритм сибирской жизни, её размах, её широта. Первая встреча с Красноярском глубоко впечатляет величием дел человеческих. Но если сегодняшний день восхищает, то знакомство с конкретными планами на

день завтрашний буквально потрясает. Именно так обстоит дело с искусством, музыкой в канун 350-летия города.

Наш коллектив переживает пору становления, а вернее сказать, пору реорганизации. Недавно разработан трехлетний план развития оркестра, который предусматривает его значительный рост. За три года самый молодой коллектив должен стать одним из крупнейших в стране оркестров, в составе которого будет 106 человек. И уже к завершению будущего сезона симфонический оркестр филармонии должен стать оркестром первой категории.

В торжествах 350-летнего юбилея города вместе с оркестром примут участие солисты и хор Красноярского театра оперы и балета. У меня ещё свежи в памяти впечатления от совместной работы с ними над «Патетической ораторией» Георгия Свиридова*. Могу с уверенностью сказать, что среди оперных театров нашей страны, включая и Большой театр Союза ССР, немного таких хоров, которым наш уступил бы в свежести и слитности звучания. Это большая радость, и для любителей музыки, и для меня. У нас большие совместные творческие планы. Это оратории: «Казнь Степана Разина» Шостаковича*, «Бессмертие» Фляковского*, кантата «Весна» Рахманинова. Думаю, что не за горами исполнение и таких величайших произведений мирового искусства, как «Реквием» Моцарта, «Реквием» Верди, Девятая симфония Бетховена, «Колокола» Рахманинова.

Концертный сезон мы открываем в октябре. Оркестр будет выступать на нескольких площадках города. Своё согласие участвовать в наших концертах дали скрипачи Валерий Климов*, Игорь Ойстрах, пианисты Дмитрий Башкиров, Рудольф Керер и другие.

Одной из отличительных черт предстоящего сезона будет повышенное внимание к концертам-лекциям для школьников и молодежи, будем искать новые формы этой работы, чтобы музыкальное воспитание молодежи, приобщение к прекрасному миру искусства было поставлено на самом высоком уровне.

В ближайшее время к нам приедут руководитель симфонического оркестра Грузинского радио и телевидения Лиле Киладзе, Харьковского филармонического оркестра – лауреат международного конкурса имени Караяна В.Жордания* и другие.

Большую роль в жизни оркестра играет его хозяйственная, материальная часть: инструментарий, библиотека, транспорт и многое другое. С чувством законной гордости могу сказать, что Красноярский симфонический оркестр будет оснащен лучшими духовыми и ударными инструментами...

Подтверждение сказанному Шпиллером мы находим и в беседе самого секретаря крайкома партии Федирко с корреспондентом агентства печати «Новости» Борисом Ивановым*, которая появилась спустя несколько лет:

- Первый дирижёр оркестра Владимир Свойский, которого пригласили в самом начале, не был утверждён главным. Он лишь исполнял обязанности. И его работа была только этапом в создании оркестра. Он привлёк

общественное внимание к коллективу. Шпиллер, в отличие от Свойского, был назначен главным сразу и окончательно.

- Я полагаю, что на роль «и.о.» Шпиллер и не согласился бы?..

- Разумеется. Да я и не рискнул бы сказать ему такое.

- А как Вам удалось его вычислить?

- Мы подбирали кадры, поэтому беседовали с десятками человек. Кто-то из наших московских друзей и назвал фамилию Ивана Всеволодовича.

Причём, рекомендация была настоящей, хотя и предупредили, что характер у него не медовый. Навели о нём справки в Министерстве культуры страны. Там его прекрасно знали и дали наилучшие характеристики. А весной 1978 года я пригласил его в Красноярск.

Признаться, мы искали общий язык, подчёркиваю – искали. И с облегчением, по крайней мере для меня, пожали друг другу руки, когда язык был найден.

Он получил право на общение со мной в любое время суток. В бюрократической системе того времени это многое значило. Самое удивительное, что, когда он принял оркестр, я перестал так остро ощущать проблемы этого коллектива. Шпиллер имеет редчайший дар – он великолепный музыкант и прекрасный организатор, а теперь ещё и подлинный патриот Красноярского края и один из наиболее активных его популяризаторов.

- Однако Шпиллер начал с того, что разогнал оркестр, который уже был создан Свойским.

- И правильно, думаю, сделал. Мы формировали провинциальный оркестр. Шпиллер решил превратить его в столичный, как говорится, по всем показателям. Этот человек мыслит иными категориями. В Москве нам разрешили создать коллектив из семидесяти музыкантов. Уже при первой беседе со мной Шпиллер сказал, что такой вариант не годится. Оркестр должен иметь полный состав, то есть более ста человек. Возникла парадоксальная ситуация, мы не сумели набрать музыкантов и для меньшего состава, а он поднял планку ещё выше. Я поддержал его, прекрасно понимая, какой объём трудностей добавится. Нужны были квартиры, репетиционные помещения и прочее.

«Если хотите иметь настоящих музыкантов,- говорил Шпиллер,- надо иметь настоящие инструменты...» А для этого были нужны не рубли, валюта. Вот так появились концертные рояли фирмы «Стейнвей», потом потребовались две арфы. По возможности старались решать вопросы.

- И что, нерешенных не было?

- Думаю, что нет. Вот яркий пример: сооружаем концертный комплекс на Стрелке. В нём Малый концертный зал, будущая штаб-квартира симфонического оркестра. А сцена получается настолько малая, что и прежний состав на ней не смог бы разместиться. Шпиллер берёт рулетку и вместе с архитектором Арэгом Демирхановым* определяет новый размер сцены. Но как построить её, если все масштабы уже заданы и согласованы, заложен фундамент здания, начато возведение стен?! Я подбросил Арэгу идею о выносе сцены на улицу, чтобы не ущемлять размеры зала. Он

подсчитывает всё, детализирует, так и появились колонны со стороны реки, где теперь вход в филармонию. Именно они позволили увеличить размер сцены Малого зала, да и архитектурно вид получился, как мне кажется, более привлекательным. Идеальное решение нашел Арэг.

Очень он талантливый человек, люблю я его.

Только в союзе с такими людьми можно было доводить до полного решения нестандартные задачи.

Москва,

декабрь 1978 года.

Друзья - маэстро Шпиллеру

«Дорогой Ян! По случаю Нового 1979 года шлём тебе сердечные поздравления и пожелание ещё более глубокого и полного освоения Сибири, создания в ней настоящих культурных ценностей, любви аудитории, как взрослой, так и детской, большого творческого удовлетворения от размаха необъятного дела, богатырского счастья и здоровья! Читали все рецензии, смотрели афиши, слушали восторженные рассказы, Очень, очень рады и поздравляем!

Целуем и обнимаем Г.Б. и АБВ»*.

(Кто такие Г.Б и АБВ – не знаю – примечание автора).

Ночи напролёт Шпиллер звонил и звонил по всему Советскому Союзу - (разница во времени позволяла), он уговаривал музыкантов покинуть обжитые места и приехать в Красноярск, старался заразить своей энергией и увлеченностью музыкой. Как заправский скопидом, привозил и привозил: людей, иногда целыми группами, инструменты, ноты, строил планы сезонов, приглашая самых именитых солистов.

Организатора Шпиллера утром сменял дирижер Шпиллер, который не знал пощады к фальшивому звуку, неграмотному интонированию. С первых же репетиций он добивался от исполнителей безупречного звучания каждой ноты. «Чарующие звуки не могут быть даже чуть-чуть фальшивыми», - говорил знаменитый дирижёр советского времени Борис Хайкин. И Шпиллер не допускал этого «чуть-чуть». Но главное – он учил музыкантов слушать друг друга, учил их играть в оркестре.

Стенограмма репетиции:

П.Чайковский – Сюита №1

- Если это играть эмоционально, то – довольно тривиальная музыка, а если задумчиво?..

- У вас не хватает смычка, и - слава Богу! Сделайте по-человечески. Иначе не слышно темы.
- В третьем такте - безобразие в третьей четверти! Поставьте запятую в этом месте, иначе – не аккуратно.
- Такое впечатление, что виолончели и контрабасы, сыграв прилично три такта, дальше не играют.
- Буква - С - что там кларнет волнует, что там за вопли?! Почему всё рассыпается?! Меньше звука,.. ещё меньше,.. на ушко! Слишком резко! Мягкий звук...
- Я остановил потому, что звучит бессмыслица, вступила тема, и если её слышно два такта, то в третьем – все подголоски лезут на первый план. Так - «наяривают»!!! Даже тему не можете выслушать у других инструментов (замечание первым скрипкам).
- Сыграли нормально!!! Значит, никому не нужно!
- Хорны, вы рвете тему, передайте её другим.
- Формальюги несчастные! Человек играет первый раз, не выучил, а вы ему аккомпанементом по физиономии. Он же ничего не слышит, и вы это прекрасно знаете (замечание первым скрипкам).
- Я прошу прощения, тема не получается... Струнные, можно сыграть и лучше.
- Это тихо!!!
- Не надо играть скерцо так жирно, так много смычка. Легче... скерцандо!
- Давайте вернёмся в репризу...

Благодаря диктатуре дирижера, с первых же сезонов оркестр заявляет о себе очень серьёзно. **«Нормально – значит никому не нужно!»**, - вот ключевая фраза, определяющая творческую кухню маэстро, если хотите его творческое кредо. Ведь настоящее искусство должно выходить за рамки обыденности, иметь «хоть копейку поэзии». Для художника очень важно, КАК он говорит о простых и вечных истинах, в этом его творческая индивидуальность...

«В помещении Красноярского государственного театра оперы и балета состоится музыкальный спектакль «Пер Гюнт», - писала газета «Красноярский рабочий 26 января 1979 года, - Коллектив симфонического оркестра краевой филармонии, группа ведущих артистов театра драмы имени А.С.Пушкина, солисты и хор оперы, педагоги и студенты училища искусств под руководством дирижера Ивана Шпиллера больше месяца работали над этой постановкой.

Музыка Э.Грига во многом способствовала популярности и мировой славе драмы Г.Ибсена*. К сожалению, она никогда раньше не исполнялось в Красноярске. И.Шпиллер сделал новую редакцию произведения, в которой средствами музыки и художественного слова раскрываются образы бессмертного сочинения, так хорошо известные любителям литературы.

Кроме краевого центра, музыкальный спектакль «Пер Гюнт» будет показан в Абакане, Ачинске, Канске, Минусинске и новом Дворце культуры строителей Саяно-Шушенской ГЭС».

28 мая 1979 года.

Дача.

О.Всеволод – маэстро Шпиллеру.

«Дорого Иоаннчик! Завтра уезжаем в город. Хочу служить под Вознесение и в четверг на Вознесение. Потом останусь по церковным делам, а в воскресенье служу, в понедельник или во вторник возвращаемся сюда. Здесь очень хорошо. Агриппина* чувствует себя слабой и, конечно, устает очень, но самоотверженно ухаживает за мной и за Мамой. Поля* занимается огородом, но только огородом, другим и не хочет заниматься и не может, то есть помогать Агриппине по хозяйству. Возит нас туда и сюда Андрюша [Ефимов*], который с нами проводит много времени и во всём очень помогает. Мама с ним немного занимается английским языком. Для меня он некоторая разрядка от Агриппины.

Понемногу начинаю выходить на коротенькие (получасовые) прогулки. Маме выходить даже на участок трудно, но всё же воздух здесь и в избе хороший. Так лето для нас началось. «Переезд» на дачу состоялся. Слава Богу, за всё! Вот Тебе доклад о нас. А как идёт Твоя и ваша жизнь? Где вы живёте? Всё в гостинице?

Мы с Мамой очень хотели бы знать, какие у Тебя планы на начавшееся не только у нас лето? Когда начинается Твой отпуск, и как Ты намерен проводить его? У меня к Тебе большая просьба, к которой присоединяется и Мама. У Тебя будут дела в Москве, собственно Твои: машина, перевозка в Красноярск вещей, пианино и т.д. Мы очень без Тебя соскучились, я без Тебя всё чаще тоскую. Удели нам с Мамой из Твоего отпуска дней пятнадцать, если нельзя пятнадцать, хоть дней десять, и поживи с нами. Я не смею звать к нам сюда всю Твою семью - (маленького, требующего сейчас, вероятно, особого ухода). Но с Тобой мы справимся. Если Ты решишься отдать нам такую часть Твоего отпуска, и это не расстроит ваших планов, мы будем Тебе очень благодарны. Пожалуйста, ответь мне на это, и если можно, скажи, когда мы могли бы Тебя ждать. Получил ли денежный перевод?

Обнимаем Тебя горячо. Очень усердно молюсь Богу о всех вас. Целую троих.

Твой папа».

(*Агриппина Николаевна Истнюк – прихожанка о.Всеволода, по настоянию своего духовника о.Павла была направлена в дом Шпиллеров для хозяйственной помощи.

*Ефимов Андрей Борисович – прихожанин о.Всеволода – примечание автора).

17 июля 1979 года.

Красноярск.

Маэстро Шпиллер – родителям.

«Мои очень дорогие!

«Маленько» похворал, теперь прошло. Видно, в жару, перебираючись в филиал «Зимнего дворца», с непривычки перебаловался сквозняками. Приличная была температура вечерами. Малость – некстати, а и кстати – как всегда.

Некстати, потому что приостановились дела по домоустройству. Завтра начну снова. Думаю, и телефону бы появиться пора: я просил (в одной и той же бумаге) три домашних телефона – второму дирижеру, директору оркестра, себе. Все в разных районах города. Второй дирижёр уже получил, ну и нам с паном директором, видать, скоро будет. Да и мебель коё-какую ведь обещали. Это завтра. А сегодня у нас: прокатные холодильник, две раскладухи, одолженный стол, четыре стула, табурет и столик. Свои: ящик для картошки и коляска. Если бы не стенные шкафы, то «горели бы - синим пламенем».

А кстати (болел) – потому что было о чём подумать, и что написать по службе. Дела непростые и требуются серьёзные меры. Подвёл итоги года. Что сделано из обещанного мной, и что получено из обещанного мне. Я обещал девять параграфов за три года. Сделал за год – восемь. Мне обещали 51 квартиру за два года – есть 16. Обещаны инструменты на валюту – пока шиш. С армией (для музыкантов – примечание автора) – «бронь» не вышла. Забрали у меня шесть человек. Сейчас всего 43 человека. Есть люди, просят, а поселять – некуда. И что хуже – перспективы в этом вопросе стали тоже хуже. План строительства выполнен на 65 процентов и так далее. Вот я и начал действия по линии административной. При таком положении дел не очень вдохновенно устраивать дом, хотя он – предмет хорошей и нехорошей зависти.<...>

Малышкин спит. Очень симпатичный человек.

Буду ждать весточку с ответом.

Целую Вас.

Ваш - концерт Сибтяжмуз»

В своих письмах к сыну в разные годы отец Всеволод, стараясь укротить горячий нрав Ивана, деликатно наставлял его: «Что Тебе сказать о Твоих делах? Всё, что Ты там получил, уже – много и, может быть, (и даже -

наверное!) стоит всех неприятностей и неудобств, которые Тебя мучают. Но к людям нужно быть снисходительнее, какие бы они ни были!

Трудности объективные – грязь, дикость и пр. – значительно умяляются, если к ним, как к людям, найдёшь подход и научишься защищаться, не воюя. А воевать в жизни нужно за другое. Тебе – за то, чтобы музыка звучала в душе настоящая и как надо. И большей частью такая война ведётся с самим собой». - Эти наставления отца маэстро Шпиллер хорошо запомнил на всю жизнь. В красноярский период он их вспоминал чуть ли не ежедневно, но воевать всё-таки приходилось, да не только с самим собой, иначе - ничего получиться не могло!

Красноярск. Лето 1979 года.

Маэстро Шпиллер – родителям.

<...> «На хозяйственном фронте – ремонт. Уже простреляны стены и висят карнизы. Занесены обои, какие-то краски и т.д. Пришли мастера, и началась катавасия. Пока живы. Надеюсь, пронесет.

Кроме известного Вам – ведем немалый разворот на телевидении. Я там стараюсь изо всех сил. Активность моя в институте несколько кислее, но это, может быть, пока.

Фактор же отрицательный – «редеет и зубов летящая гряда»*. Действительно - редеет, действительно - некогда, действительно – боюсь. До Норильска - и думать нечего, а после, т.е. в районе именин и почать надобно. Иначе – анекдот и скандал...»

В Норильск оркестр летел вместе с Ленинградской государственной академической хоровой капеллой имени Глинки, потому что маэстро Шпиллер считал, что норильчане и утрамбованная костями тундра должны первыми в крае услышать «Реквием» Моцарта. Это теперь, на границе старого города, где было поселение заключенных и ссыльных, стоит православный крест и часовня в память об усопших ГУЛАГа. Но во времена концертного сезона 1979-80 годов – четверть века назад - ни о каких памятниках и думать было нельзя. Хотя, создавая в «долине смерти» ГУЛАГ, никто из начальников далёких времен тоже ни в одном страшном сне не мог увидеть, услышать, или предугадать, что здесь когда-нибудь зазвучит пронзительнейшая «Лакримоза» Моцарта. Величественные мелодии гениального австрийца поплыли по тундре в концерте, как поминальная молитва по тысячам и тысячам убиенных, замученных тяжелейшим трудом и суровыми условиями жизни. Но музыка не только оплакивала, она и возвышала человеческий дух, «поднимала с колен униженных и

оскорбленных». Недаром, в наступившей паузе после исполнения услышала за своей спиной шёпот какого-то человека: «Всю душу мне вывернул!»

Очень хотелось оглянуться и спросить:

- А может быть, очистил и возродил?! Ведь «гений и злодейство – две вещи несовместные*...»

Так в тундру пришла не только большая мука, но и большая музыка. Сыграв «Реквием», маэстро Шпиллер поклонился всем узникам, в том числе и дальним родственникам семьи, сгинувшим в Норильске. А Красноярский симфонический оркестр стал постоянным гастролером у норильчан и открыл там свой абонемент.

В следующем сезоне коллектив привёз свою программу и в Красноярск-26 - (по своей сути тоже ГУЛАГ): четыре песни из «Волшебного рога мальчика» Густава Малера, симфонию №7 Шуберта, увертюру «Эврианта» Вебера и Стравинского.

Красноярск.

Письмо без даты.

Маэстро Шпиллер – родителям.

...«Игру в карты» Стравинского делал с удовольствием. Сочинения этого я не слышал никогда. Отсутствие (пока что) проигрывателя и магнитофона – очень полезно. Мне удастся заниматься музыкой раньше не проходившей в работе, то есть и новым для меня репертуаром.

Одним словом, сейчас без всяких иллюзий относительно уровня продукции, я, тем не менее, ощущаю нечто сходное тому настроению, которое было у Суворова на Сен-Готарде.

Как ни авантюристично, но я согласился с точкой зрения нашего начальства: в Ленинград в апреле 1980 года оркестр надо везти, пусть – полустуденческий, но надо.

Может быть, именно под это и сможем скорее получить большую материальную базу.

Дома всё ничего. Малыш требует колоссального внимания, ухода, сил. Я помощник - весьма эпизодический. Приезд Ивана Романовича* – манна небесная. В отношении внука он всё делает самоотверженно и с удовольствием. Да и в других делах очень старается быть помощником. Он скромный и милый человек.

Больше всего меня гложет то, что не могу быть Вам в помощь, да что редко видимся.

Сегодня мне думалось по дороге (пешком шёл, погода теплая, хорошая, работал с утра до половины восьмого вечера), получить бы эти возможности лет 10-15 назад...

Да, наверное, тогда с трудностями уж никак бы не справился.

Получил на концерте корзину цветов...

Ну вот, пожалуй, спокойной ночи. Крепко Вас целую, Агриппину Николаевну...

Ваш Иоанн»

(*Иван Романович Фарафонов – тесть маэстро Шпиллера - примечание автора)

Стенограмма репетиции.
П.И.Чайковский «Времена года»:

- № 18 – нет ансамбля с виолончелями.
- Ничего не происходит во втором такте игры пианиссимо. Никакого диминуэндо не происходит.
- В этих тактах не надо торопиться, играйте с достоинством.
- Немного ярче кларнеты, выговорите фразу...(несколько раз играют деревянные и арфа, которая никак не совпадает со Шпиллером).
- Сыграйте, струнные пиццикато, «Хиба вона поняла!» (играют, но нестройно и грубо).
- Это что, мне по голове так!!! Я и сам себе могу так!!!
- Я ищу, кроме этих четырех тактов, есть ли здесь форма. Что же из бедного маленького подснежника делать дерево баобаб?..
- Только что вам про баобаб рассказывал, так нет, доходим до корабельной здоровой сосны! Вот вам и нюансировка. Подснежник такой маленький!!! Найдите величину звука.
- Жирный аккомпанемент №28. Если бы он был - более шёпотом...
- Вы меня обязываете делать *molto meno mosso*, а я не хочу, не хочу оставаться в прежнем движении!..

Москва, 20 марта 1980 года.

Родители – маэстро Шпиллеру.

Телеграмма

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШЕГО ДОРОГОГО МИЛОГО ФУФУ
ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ТЧК ШЛЕМ САМЫЕ ЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ И
ПОЗДРАВЛЕНИЯ ТОРЖЕСТВЕННЫМ ПРАЗДНИКОМ РОДИТЕЛЯМ И
ВСЕМУ ДОМУ= ГОРЯЧО ЛЮБЯЩИЕ МОСКОВСКИЕ ДЕДУШКА
ВСЕВОЛОД БАБУШКА ЛЮДМИЛА И ТРЕТЬЯ БАБУШКА= КРЕСТНАЯ
АГРИППИНА

***Красноярск,
27 марта 1981 года, вечер.
Маэстро Шпиллер – родителям.***

«Мои бесконечно дорогие!

Так часто мыслями с Вами, а вернее – постоянно. Пытаюсь сосчитать: а что же за столько лет сделал я Вам доброго, (если хоть что-то сделал?) А уж - доброе с недобрым и сравнивать, соразмерять невозможно без грусти и боли. Быть может, время и любовь, нет – любовь у Вас в другом измерении ведёт этот счёт? Быть может, он и вовсе у Вас не ведётся?.. Дал бы Бог мне возможность - хоть чем-нибудь Вас порадовать! А помочь? Земно, земно кланяюсь Агриппине Николаевне и всем, всем, кто Вам помогает! Мне однажды Ирина Щербушка* сказала: «бросай всё и приезжай к родителям». Но не одной же своей волей я в Сибири? Может быть, то, что не в моих возможностях быть Вам в помощь, тогда как она Вам всего нужнее, должно рассматривать как знак другого обязательства – предназначенья?..

Не уверен, что это так, хотя...допускаю. Чтобы не было лазейки увильнуть от прямого долга сыновнего за ширму работы, пусть и не любой, а моей, надо знать, что это не ширма. А что? Склонность, способность, дарование, меченность?.. И где же та черта, та ватер линия, по которой я вправе себе сказать: «да, должен так, и на это мне дано право»?

Трудно мне бесконечно: понять до конца и удостовериться – не успокоиться, а удостовериться, - что почти ничего не сделав Вам доброго за 45 с лишним лет, так мало доставив Вам радости с возраста сознательного и, принеся столько огорчений, тревожений и боли, сейчас я вправе быть в Сибири, - это мне трудно невероятно!!

Ну вот... - это одна часть диагноза. Я ведь лежу в нервном отделении больницы. Другие его, диагноза, составные можно было бы перечислять подробно, но вполне достаточно сказать, что это нервное (и не только) переутомление. Удивительного - ничего. Работа очень непростая, а трудности, пожалуй, чудовищные. И суть именно в том, о чём мне в летний вечер 62 года с удивительным смирением говорил дядя Свет примерно в таких словах: «Я всю жизнь страдал от собственной малограмотности, но ты увидишь – даже я могу сказать, что вся наша трагедия в том, что мы – неинтеллигентная страна». Он был прав, дядя Свет! Я это очень скоро понял...

А Сибирь - и подавно! Для того-то мы и здесь... А это и впрямь труднее, чем думалось, хотя и знал, и предупрежден был. Это – вторая составная диагноза.

Не скрою и третьей составной. Дома была цепочка хоть и естественных, но немалых трудностей с самого начала сезона. <...> Было и есть трудно, тем более что детки, каждый по-своему, похварывали, а значит – голосили двумя иерихонскими трубами. Я иной раз просто из дому сбегал для сохранения барабанных перепонки. Однако забота о перепонках осложняла ситуацию в давненько нездоровом животе, тем более что угостить многие рады и вкусно и хмельно.

Кстати, я сейчас с удовольствием почитывал мемуары А.Н.Бенуа*. Его вторая дочь родилась в Париже, и для работы он в том же доме, двумя этажами выше, снял квартирку в две комнаты. Я очень предметно и конкретно думаю о мансарде. <...> Надеюсь, тогда мои преимущества перед создателем «мира искусства» будут неоспоримы, даже если не войдут петитом в историю чего-нибудь: если не музыки, то хоть красноярской архитектуры – первый же 16-этажный дом на Енисее...

Я Севу (по телефону) спрашиваю: «на какой реке мы живем?»

Он отвечает: «ИСИСЕЙ!» А сказать орех пока не может. Говорит – АГХ или АГЫХ и хохочет, потому что знает, что мне это нравится. А Машенька – удивительно ласковая, приветливая, глазки светлые и весёлые. Она мне очень напоминает Севу совсем маленького, только ещё больше похожа на Маму, то есть бабушку Людмилу. Сева бывает тоже очень ласковый, но – разбойник. Фуфу - надлежит по-моему переделать в Башибузуку папу.

Отдельным параграфом в моей диагностике (причем, жирно, жирно подчеркнутым), являются зубы. Братся за них, работая, было тоже очень и очень трудно.

Занятость не оправдывает, но всё-таки...

А поступил я с погаными болями в животе, которые – сам так думал – от зубов идут. Видно, не только. Диагностика в этой клинике, по-моему, вполне хорошо оснащена всякой диковинной мне аппаратурой. В частности, запихали в меня ту самую японскую кишку с фонариком, которой в своё время Светланову* пропороли горло. Я не боялся, да и врачи, видать, наловчились манипулировать этим гастроскопом. Сразу разглядели <...>

Анализ и процедур сделали уйму. Думаю, что когда дело пойдёт к выписке, то мне всё и растолкуют. Нога не болит, да и вообще мне явно лучше. Конечно, не говори: «Хоп!» Но и животу, и нервишкам, и зубам уже крепко помогли. За что я глубоко и искренне признателен.

На этом пойду спать – уже без четверти два часа ночи. Это мой первый зигзаг в сторону от режима.

Крепко, крепко Вас целую и завтра думаю продолжить мой скучный отчёт».

28 марта, 6 часов утра.

«Вот и утро доброе! Спал не много, да видно привыкаю к этому времени вставать. С 1 апреля время сдвигают на час, вот и выйдет – семь часов... Хорошо.<...>

Отец Андрей Ливен, когда-то, прожектором своим о «телемордии» воображение моё взбудоражил. Где-то телевидение начало существовать, он тогда мне говорил: « это хорошо – сидеть в Софии дома и слушать...хоть Брюшэльри* и видеть, как она играет. (Он, помнится, как-то здорово её карикатуру нарисовал). А представляешь,

вдруг додумаются: сидишь, этак, в той же Софии, в телевизор смотришь на кого-нибудь, да, как со всего маху ему в морду заедешь! – Телемордия!»

Жаль, что такой телемордии на нашем веку нет, чтобы, сидя на Енисее, нажать кнопку, хорошенько Вас разглядеть, да обнять. А Агриппине Николаевне больные ручки поцеловать. <...>

В моей диагностике не последним параграфом следовало бы указать и на некоторую симптоматику мании, если не эсхатологической, то какой-то апокалипсической. Навязчивые мысли и их результат в виде ощущения страха от приближения неизбежной катастрофы часто мешали, мешают, угнетают.

Больница мне в этом помогает, чтобы не сказать – помогла, хотя прекрасно знаю, что лекарства от этой мании не у эскулапа, а скорее у Ефрема Сирина*. Может быть, и он мне помогает. Я здесь бываю весел, и так, как давненько не бывал. Немножко и других веселю, когда зубы спокойнее. Хотя соседи мои рассказывают вещи невесёлые. И не по болячкам своим, а по кошкарёвщине в делах. (Я очень люблю эти странички из «Мёртвых душ» о полковнике Кошкарёве*). Здесь люди разные, конечно, но в основном – руководящие. Много приезжих из края...

Однако – утро в разгаре. Меня уже кольнули (седалище – аки решето), надо бриться, мыться и идти на физиопроцедуры. Стало быть, и Вам пора сделать антракт».

Воскресенье. 28 марта.

«Вчера и сегодня – дни посещений. Густо повалила московская профессура: то Власенко, то Доренский*. Рад был их видеть. Местные музыканты тоже не забывают. Между прочим, рассказали мне о кончине Кондрашина*, где-то за границей.

Приятный визит был и другой – вчера приехал новый первый концертмейстер оркестра с ещё одним скрипачом. Оба из Ульяновска. Трёх ценных ульяновцев я заполучил в начале сезона, теперь ещё – два, за которыми должны потянуться ещё три. При некоторой миграции идёт процесс не только (а сейчас не столько) роста количественного, а качественного. Это радует, т.к. приобретается солидный и не шпанистообразный вид, да и не только вид.

В этом сезоне я немало трудился организационно. По музыке, пожалуй, больше занимался Рахманиновым. И, кажется, не без толку.

Следующий сезон, может быть, будет последним бездомным, намечается получить свой зал. Хоть бы звучал!

Пора кончать мой затянувшийся доклад. Думаю, что смогу сделать ещё один.

Крепко, крепко Вас обнимаю, целую, надеюсь скоро увидеть.

Ваш – Иоанн (Фуфу-Енисейский)

P.S: Большое, пребольшое спасибо за посылочки. Только деньги – зачем?..»

Норильск,

9 октября 1982 года.

Маэстро Шпиллер – академику Веркину в Харьков.

«Дорогие Васильнушка*, Борис Иеремеевич, Саня!

Далеко не впервые нахожусь на гастролях за 69-й параллелью. Идёт снег, пятнадцать градусов, горнолыжники во всю катаются (к ним присоединился и Миша Воскресенский* – наш солист!) Словом, здесь наслаждаются нормальной, мягкой, ранней...осенью.

Я же мыслями в тёплых краях, где люди, видно, промерзают и фыркают от всегда неприятной слякоти.

Летом был в Москве, и несколько раз хотел Вам позвонить, да так и не решился: больно уж нерадостное настроение. Родители не смогли выехать на дачу – маме это не по силам, да и Агриппине Николаевне там труднее. Я провел свой отпуск по простой ежедневной схеме: между стиральной машиной и гладильной доской. Тем и был в помощь Агриппине. Тяжко видеть страдания очень близких, ещё тяжелее видеть необратимость, и совсем удручает разрушение человеческого сознания - это у мамы.

У папы голова светлая, но, может быть, от этого ему ещё тяжелее.

На Енисее жизнь идёт, кажется, вполне по восходящей. Дети растут, концертные залы достраиваются и открываются, оркестр получает высокие оценки после первых гастролей в Москве... Дирижеры, пожалуй, стареют, но ещё стараются. Хотя ноша... - как ноша. Правда, у неё тоже свой коэффициент поправки на дальность. Пошёл уже пятый год моего...Grand Сибыбнэ, если вспомнить излюбленную цитату Бориса Иеремееча. Нет. Не жалею. Разве бы по раньше это началось...

Очень бы хотел Вас повидать. Для того и пригласил Жорданию, да он вдруг взял, да и отказался от оговоренных сроков, а другие ему предложить я сейчас не смог, и он, видать, разобиделся. Найду другой вариант, хотя, признаться, я к гастролям не стремлюсь, и если как-то высвобождаюсь в Красноярске, то мчусь к старикам, и нигде в Москве не бываю, никого не вижу.

Жизнь людей разводит, так же как и сводит... Горька разлучённость (а есть такое слово?)

А, может быть, заехали бы на Енисей? Я бы очень, очень был рад. Смог бы кое-чем похвастаться, но главным образом, наверное, вполне говорящей в свои неполные два годика Машей – дюжина килограммов

чистого обаяния. Сева – разбойник с большими, ласковыми и умными глазами – пока у деда в Ярославле. Скоро надеюсь привезти.

Конечно, был бы рад весточке от вас, если есть когда её написать. А интересует меня всё, начиная со здоровья.

Крепко Вас целую и прошу передать сердечные приветствия друзьям.

Ваш – И.Шпиллер».

- В середине декабря 1982 года я потерял маму. В последние часы жизни она была с виду без сознания. Но это было только с виду. Папа, сидевший у её постели, это знал. Он так нежно, так ласково говорил маме о том, что мы здесь, рядом, оба. Мама, будто и не слышала. А папа знал, что мама его слышит. Глаза её вдруг открылись, и взгляд устремился на отца. Очень, очень кроткий взгляд. Я его тщетно ловил, ждал... Последним сверх усилием воли мама перевела глаза к иконе «Спасителя» и скончалась. Было раннее утро 13 декабря.

Через год, после заупокойной литургии и панихиды в Кузнецях, мы с папой поехали на кладбище. С большим трудом, уже передвигавшийся едва-едва, папа подошёл к могилке, встал на колени, поклонился до земли. Поцеловал крест...

Через шесть дней был храмовый праздник св. Николая. Папа служил у себя в церкви и проповедовал - в последний раз. Я прилетел в Москву под Рождество. Отец встретил меня, лежа на высоких подушках. Он протянул ко мне дрожащие руки, со слезами радости на глазах: - «Мальчик мой!»... Папа!.. 10 января 1984 года похоронили и его рядом с мамой.

Чувство безвозвратной невозможности возместить долг перед родителями очень меня угнетало. Некоторое облегчение стало проглядывать, когда я взялся за «Воспоминания об отце»... Но только лишь некоторое...

В архиве Всеволода Дмитриевича сохранилось письмо к Людмиле Сергеевне, очень личное, которое относится, видимо, к 1939 году. Оно никогда не было опубликовано, и я процитирую его только в той части, которая относится к Иоанну. Батюшка с сыном провожали Людмилу Сергеевну в поездку на несколько дней из городка Пазарджик в Софию. В своём письме о. Всеволод делает доклад жене о том, как они с мальчиком пришли домой, и о чём был их разговор: *«Когда я провожал Мама, то потом иду со станции и не могу вздохнуть. Очень скучно. Потом немного ничего, немного опять очень скучно. Немного могу дышать, а потом опять не могу вздохнуть. Я бы не мог жить без Мама – сотворился, увидел бы, что её нет, и отсотворился бы обратно!..»*

Родителей своих маэстро любил безмерно, как и они его, и после их кончины Иван Всеволодович очень остро ощутил своё сиротство. Вот только «отсотвориться» было невозможно...

Через год произошла ещё одна драма в семье маэстро Шпиллера – развод. Надо ли говорить, как бывает трудно переносить горести человеку,

оставшемуся в этом мире в одиночестве. Спасала его только музыка и неуёмная страсть к работе. Но и здесь не всё двигалось так, как хотелось и мечталось. Некоторые музыканты не выдерживали заданный ритм, бытовую неустроенность, маленькие зарплаты. В Красноярск люди не только приезжали, но и убегали оттуда. Потеря каждого человека из оркестра Шпиллером переживалась невыразимо тяжело, с большой болью, потому что быстрой равноценной замены найти было совсем, совсем не просто, каждого музыканта приходилось откуда-то приглашать, долго уговаривая, решая с его переездом массу вопросов. Да и потери иногда были невосполнимы. В отличие от больших столичных оркестров, очередь из музыкантов высокого профессионального уровня в Красноярский оркестр не стояла, как, например, у Е.Мравинского* или тех же московских дирижеров. Вакансия же в любой группе инструментов (особенно деревянных и медных духовых) сказывалась на репертуаре.

4 февраля 1983 года.

Ю.Шабанов* – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иван Всеволодович!

Бесконечно благодарен Вам за всё! Вы будете меня ругать и даже по матушке, но меня поймите: я больше не могу здесь. С Вами – на край света, но не в Красноярске, где не хватает кислорода, где с моей башкой плохо и т.д.

Простите! Поймите!

С огромной благодарностью и огромным спасибо Вам!

Ю.Шабанов

P.S. С первого дня и до этого я всем и всегда внушал: Иван Шпиллер – большой музыкант, большой дирижёр!..»

В эти напряжённейшие (для маэстро) творческие сезоны с оркестром Красноярской филармонии выступают такие талантливые музыканты как: Лазарь Берман*, Алик Слободяник*, Виктор Третьяков*, Игорь Ойстрах, Захар Брон*, Николай Демиденко* и другие. С Русским хором Союза ССР имени Свешникова были исполнены грандиозная «Missa Solemnis» Бетховена и «Реквием» Верди.

Работать с первоклассными артистами всегда интересно. Оркестр невольно подтягивается до уровня именитых солистов, трудится более дисциплинированно, слаженно, мастерство оркестровых музыкантов растёт. Ведь если у артиста не возникает с дирижёром и оркестром объединяющего творческого нерва, импульса на концерте, то его (артиста) ни какими калачами потом заманить нельзя. Выдающиеся инструменталисты ездили к Шпиллеру за «тридевять земель», вернее, за четыре с лишним тысячи километров от Москвы всегда с удовольствием, хотя больших денег, как в

столицах, им никто за это не платил. Ценилось творческое сотрудничество и бескомпромиссное отношение к музыке.

Концерты оркестра стали проходить в красивом, хорошо звучащем зале, построенном по проекту архитектора Арэга Демирханова, где музицировать было приятно, в отличие от сцен домов культуры. Иван Всеволодович искренне радовался, получив такой зал для работы. Он прекрасно знал, что не каждому дирижёру дано такое счастье. У тех же соседей-новосибирцев, хотя они и много старше, прилично звучащего зала нет до сих пор.

В 1983 году за свой огромный и самоотверженный труд по созданию и воспитанию оркестра маэстро получил первое артистическое звание:

Тов. ШПИЛЛЕР ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ

За Ваши заслуги в области советского музыкального искусства Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 30 сентября 1983 года присвоил Вам почётное звание

«ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ РСФСР»

Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР

М.Яснoв

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР

Х.Нешков

Об этом звании уже не узнала мама – Людмила Сергеевна. Но ещё был жив отец Всеволод, которого, известие о награде очень разволновало. Слезы счастья и радости за своего мальчика он даже не пытался скрыть.

Красноярск, филармония.
Шпиллеру

Маэстро Ивану

Телеграмма

ПОЗДРАВЛЯЕМ ГОРДИМСЯ ТОБОЙ ЛЮБИМ = ТЁТЯ НАТА МИРРА
АНДРЮША

Были и официальные поздравления: от министерства культуры, краевого начальства, городского, знакомых музыкантов. Какие-то из них - сохранились, какие-то нет. Но все, кто поздравлял маэстро, сходились во мнении, что звание это вполне им заслужено, и давно...

Новый концертный сезон начинался у Шпиллера нередко с детских программ.

Вот о чём писала краевая газета в рубрике «Концертный зал».

«Известно, что учить человека слушать музыку лучше всего с детства. На последнем концерте «Музыка и природа» дети узнали, как и какими музыкальными средствами изображается природа. В программу вошли многие популярные произведения:

«Времена года» - Чайковского. «Утро», «Буря», «В пещере горного короля» - Грига, «Утес» - Рахманинова. Отрадно отметить, что поэзия и музыка выступили в тесном единстве. Стихи Тютчева, Фета, Лермонтова, Ибсена, которые прочитала заслуженная артистка России Нина Никифорова, как нельзя лучше передавали настроения, мысли, выраженные в прозвучавшей музыке.

Не менее важна и форма, в которой идёт общение слушателя с искусством. Пояснения дирижера оркестра И.Шпиллера, выступившего в роли ведущего, помогают понять замысел, оценить степень воплощения и выразительные средства, которые используют композиторы.

Сделанное оркестром дает право надеяться, что формы концертов для детей будут совершенствоваться, и сотни юных красноярцев откроют для себя удивительно прекрасный мир музыки.

И.Мартинсон*, преподаватель детской музыкальной школы»

В марте 1986 года Красноярский симфонический оркестр совершает большое турне по России.

27 марта, Большой зал Ленинградской филармонии.

Программа:

Я.Сибелиус – концерт для скрипки с оркестром.

Л. ван Бетховен – симфония №3 – «Героическая»

Солист – Виктор Третьяков

Дирижер – Иван Шпиллер

30 марта, Липецк.

Программа:

Ф.Шуберт – симфония №2.

С.Рахманинов – концерт для фортепиано с оркестром №3.

Солист – Владимир Селивохин*

Дирижер – Иван Шпиллер

По две программы и несколько концертов были сыграны оркестром в Тамбове, Рязани и Пензе. Солистами в них были Татьяна Николаева* и Виктор Пикайзен. К ленинградским программам для концертов в этих городах были добавлены произведения: Ф.Лист – «Мефисто-вальс», И.Стравинский – «Каприччио», Моцарт – концерт для фортепиано с оркестром №14, С.Рахманинов - концерт для фортепиано с оркестром №2.

Гастроли прошли с большим подъемом, всюду вызывали много восторженных откликов публики, прессы и недоумение, что в далёкой Сибири есть оркестр, столь высокого профессионального уровня.

22 августа этого же года Иван Всеволодович Шпиллер за большой вклад в развитие музыкальной культуры был награжден первым орденом Советского Союза – «Знак почета».

Красноярск, филармония.

Главному дирижёру Шпиллеру.

Правительственная телеграмма.

УВАЖАЕМЫЙ ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ ВСКЛ СЕРДЕЧНО
ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС НАГРАДОЙ РОДИНЫ ОРДЕНОМ ЗНАК ПОЧЕТА
ТЧК ЖЕЛАЮ ВАМ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ НА БЛАГО
РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ СССР = ИВАНОВ

Кто-то из друзей прислал маэстро по этому поводу и шутливое поздравление:

*Сам Феб тебе лавровый свил венок.
И в мраморе хвалу нетленную иссек.
Но ты таких высот, Иван, достигнуть можешь,
Что путь к бессмертию – один себе проложишь.*

Возможно, эти стихи принадлежат архитектору Демирханову – он писал их великое множество, часто, приходя в гости, читал свои экспромты. Если же авторство принадлежит кому-то другому, то – прошу прощения. Надо было их подписать.

Красноярск, 22 декабря 1986 года.

« С Новым годом!

Желаю Вам, милые, дорогие Губареши* всего, всего самого доброго.

Ваш И.Шпиллер.

P.S: Засылал я в Киев гонца. Он Тебе, Маня, представился. В связи с этим у меня две просьбы:

1. К нам, возможно, будет свататься фаготист – выпускник Бочаров К.А*. Его жена два года или год тому назад закончила историко-теоретическое отделение в Киеве. Видно, Твоя ученица. Так вот: что за ребята?

2. Мой гонец учуял двух хороших флейтистов в студенческом оркестре. Обе Ларисы. Обоих «проворонил» и не смог сам переговорить с ними. Попросил это сделать своих знакомых. Я бы просил Маню сделать милость и со своей стороны с ними потолковать. А о чём? – Мне нужен регулятор группы флейт, который, если окажется лучше первого флейтиста, то...и т.д.

Моя программа по флейтам такая же, как по фаготам, то есть оплаченный проезд на программу-знакомство, остановка в оплаченной гостинице, суточные и т.д. Помогите, пожалуйста!

Надеюсь Папину годовщину (8 января) пробить в Москве, может быть, с 6-го до 11-го. У меня изменений пока серьёзных нет. Жду. Был в Питере, везу оркестр во Владивосток в марте, в Москву в ноябре, в Краснодар в... ну, и т.д. А ведь только: «человек предполагает...» Не хвастаюсь, не жалею, всем моё почтение и пожелание добра всяческого.

На вопрос: «Как поживаете?» - Мама отвечала неизменно: «Лучше всех!!»

Целую. Ваш И.Шпиллер»

(*Губареша – семья композитора Виталия Губаренко, Марина Романовна Черкашина – жена Губаренко, знакомые маэстро ещё по Харькову – примечание автора)

Стенограмма репетиции.

П.И.Чайковский – симфония №5, финал.

- В букве Екатерина - гобой делает диминуэндо, а вторые скрипки его глушат совсем. Скрипки не торопитесь «раскочегаривать».

- Первый и второй такты Федора – здесь диалог должен быть, канонический ответ.

- Тромбоны, - точно и фортиссимо! Расставьте.

Вы хорошо слышите литавры, или вы вообще не слушаете четверти?!

- Большой Леопольд – я категорично настаиваю на незаметной перемене смычка, чтобы не было акцентов.

Мне нужно идеально выговорить восьмушки, перенести опору на четверть, а не на длинную ноту.

- Виолончели и контрабасы – после такта паузы, нужно сделать крещендо на первой же ноте.

- Не зевать!!!

- Большой Петр – уступите гобоям и кларнету, а то темы не слышно.

- Виолончели и контрабасы - дайте мне подышать, sforцато сделайте грубей, заметнее.

- Первые скрипки - Во-первых, - влезли без меня. Я не уверен, что это ТАК нужно произносить. Я бы спел в половинных нотах.

- Первые скрипки – на четвертях не прибавлять, договорите на выдох!

- Кларнеты и первая, вторая валторны – два такта до большого Семёна - сразу и без акцентов, чтобы всё засверкало и чуть громче!
- Валторны – подержите ноту, не торопитесь её убрать, и не делайте её в таком размере.
- Виолончели и контрабасы – тяжёленно спиккато, со всего плеча!
- Валторны – *poco più mosso* - надо выделить.
- Я по-китайски говорю?!
- Трубачи – восьмушками выговорите триоль, как следует. Длинная нота никого не интересует.
- Дикция!!!

Правительственная телеграмма:

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ КОЛЛЕКТИВ И РУКОВОДСТВО
СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА КРАСНОЯРСКОЙ ФИЛАРМОНИИ
СВЯЗИ ДЕСЯТИЛЕТИЕМ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ТЧК ЗА ЭТИ ГОДЫ
ВАШ КОЛЛЕКТИВ ДОБИЛСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ УСПЕХОВ ЗПТ СТАВ
ОДНИМ ИЗ ВЕДУЩИХ ОРКЕСТРОВ СТРАНЫ ЗПТ ВНОСЯЩИХ
БОЛЬШОЙ ВКЛАД ДЕЛО ПРОПАГАНДЫ МУЗЫКАЛЬНОГО
ИСКУССТВА СРЕДИ ШИРОКИХ СЛОЕВ ТРУДЯЩИХСЯ ТЧК ВАШИМ
ИСКУССТВОМ ХОРОШО ЗНАКОМЫ НЕ ТОЛЬКО ЛЮБИТЕЛИ МУЗЫКИ
ОГРОМНОГО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ НО И МНОГИЕ СЛУШАТЕЛИ
ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ ТЧК БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВАШЕГО КОЛЛЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВЕ
СОВЕТСКИМИ КОМПОЗИТОРАМИ ЗПТ МНОГИЕ ИЗ КОТОРЫХ
СВЯЗАНЫ ОРКЕСТРОМ УЗАМИ ТВОРЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ТЧК ПРИМИТЕ ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ ПОЖЕЛАНИЯ БОЛЬШИХ
ТВОРЧЕСКИХ УДАЧ И СВЕРШЕНИЙ ПОСТОЯННОГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СВОЕГО ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО
МАСТЕРСТВА ТЧК СЧАСТЬЯ И РАДОСТИ В ЖИЗНИ ВСЕМ ТЧК
ЗАММИНИСТРА КУЛЬТУРЫ СССР = КАЗЕНИН*

Эти несколько строк официальной телеграммы вместили в себя и множество бессонных ночей, и горькие минуты отчаяния, и тяжелейшие разочарования, и ни с чем не сравнимую радость, когда дело двигалось в нужном направлении, и безграничную печаль, и жизнь, и музыку, ради которой преодолевались все преграды, претерпевались все беды.

Открытое письмо дирижёру Ивану Шпиллеру.

«Я хочу сказать, что обязан вам самым большим музыкальным наслаждением, когда - либо испытанным мною. Я покорен вашей музыкой. Эффект произведенный ею колоссален... Я ощутил всё величие жизни, испытал гордость и наслаждение от понимания, проникновения,

истинно чувственной неги, сходной с подъёмом в высь или выходом в море...» Это строки из письма Шарля Бодлера* - Рихарду Вагнеру, написанные в феврале 1860 года, оно вскоре было опубликовано в одной из французских газет. Наполненное восторгом и преклонением перед величием музыкального гения Вагнера письмо заканчивается так: «... с того дня, как я впервые услышал вашу музыку, я без конца повторяю себе, особенно в трудные минуты: - если бы я мог послушать нынче вечером хоть немного музыки Вагнера...»

Историко-библиографический экскурс, предпринятый мной, станет подтверждением того, что письма-обращения через прессу, столь популярные в последние годы, имеют весьма определенную историческую преемственность. Именно поэтому я осмеливаюсь потревожить редакцию газеты «Красноярский рабочий» и обратиться с открытым письмом к дирижеру.

Мой адресат – художественный руководитель и главный дирижер симфонического оркестра краевой филармонии заслуженный деятель искусств РСФСР Иван Шпиллер.

Маэстро!

Поводом для обращения к Вам стали два последних концерта, на которых прозвучала программа, подготовленная для гастролей в Москве.

Признаюсь честно, я не ждал чего-то особенного от этих концертов. Существует такая вещь, как «прогон», «обкатка» - называйте, как хотите. Но суть одна – перед ответственными выступлениями исполнитель всегда стремится «обкатать» программу на родной сцене. Именно этой цели и были посвящены последние концерты. Не так ли?

Видимо поэтому, скуднее обычного была реклама, хотя возможно, в очередной раз не работали соответствующие службы филармонии. Довольно будничной была и предконцертная обстановка: немногочисленная публика прогуливалась по фойе Малого зала, обмениваясь новостями. Ничего не предвещало неожиданностей.

Но первыми звуками оркестр властно заявил о себе. Вы, маэстро, погрузили слушателей в некий волшебный сон наяву. Ткань вагнеровской музыки уводила в неопределенную даль. Неуловимо-прекрасные образы завораживали таинственным мерцанием красок и светотеней. Звук доносился, как далёкий таинственный голос, тревожащий сердце неизвестностью. Поверьте, маэстро, я бы мог, абстрагируясь от самой сути музыки и уподобляясь музыковедам, рассказать о деталях исполнения. Отметить превосходную игру струнных, поразивших отточенностью штрихов и безукоризненной выверенностью нюансов. Уделить внимание духовикам и ударным, их многочисленные групповые и индивидуальные соло, сыгранные на редкость ярко, с тонким пониманием стиля, стали своеобразным и безошибочным тестом на уровень качества оркестра.

Я хочу остановиться на главном. Продемонстрированный оркестром уровень исполнения дал возможность мне, рядовому слушателю, почувствовать свою причастность к миру музыки. Забыв о судорожной хляби наших улиц, нервной суете у полупустых прилавков, семейных дразгах, ссорах с друзьями, словом, обо всём мелочном в жизни, мы – слушатели попали в мир запредельной красоты, истинного совершенства, духовного величия, мудрости и гармонии.

Мы жили музыкой, которая звучала, рождалась из движений ваших рук, передавая невидимые токи смычкам струнных, тростям духовых, палочкам и колотушкам ударных. Вы творили музыку!

Благодарю Вас, маэстро. Следуя примеру Бодлера, я желаю себе и впредь хоть иногда, особенно в трудные минуты, услышать игру вашего оркестра.

Своё письмо к Вагнеру Бодлер закончил так: « Не оставляю вам своего адреса, чтобы вы не подумали, что я намерен что-либо просить у вас».

По этой же причине, а также, не претендуя на то, чтобы, подобно Бодлеру, войти в историю, я не называю своего имени. Пусть будет просто – Меломан».

Видимо, это письмо появилось в мае 1989 года (на вырезке из газеты не указана дата – примечание автора), именно тогда обыгрывались программы, связанные со вторыми Московскими гастролями оркестра, к которым готовились весьма серьёзно. Хотя, Шпиллер всегда репетировал тщательно. Он прекрасно ориентировался в партитурах любой сложности, многие знал наизусть. Свои замыслы и намерения мог легко донести до оркестра – они были понятны, интересны и конкретны. На концертах маэстро Шпиллер ничего из задуманного не терял, наоборот. Отличное знание материала давало ему ту творческую исполнительскую свободу, которую очень трудно описать словами, но которая не могла не заражать оркестр и публику. Причём, это не та свобода, когда играется по принципу – «что хочу, то и ворочу», маэстро старался точно следовать композиторскому замыслу, к купюрам, за редчайшими исключениями, никогда не прибегал, и самовольного обращения с нотным материалом не допускал. Его трактовки произведений были всегда предельно продуманными, до мельчайших деталей.

Московские концерты начались 14 мая 1989 года в зале имени Чайковского, затем две программы были исполнены в Большом зале консерватории, закончились - опять же в зале Чайковского. Вот что вспоминал об этом событии художественный руководитель Красноярской филармонии композитор Владимир Пороцкий*:

- Не могу не поделиться впечатлением от исполнения музыки в Большом зале консерватории – на главной концертной сцене страны. Был бесспорен абсолютно новый качественный уровень звучания оркестра. Своеобразным открытием потенциальных возможностей много раз

слышанного коллектива стало исполнение фортепианного концерта Моцарта, изумительно тонко, что называется, «на волоске» сыгранного в ансамбле со Светланой Навасардян*, редко звучащей Восьмой симфонии Бетховена, и «Концертштюка» Вебера с виртуозным Николаем Демиденко.

Внимание знатоков было привлечено к редко исполняемым малоизвестным сочинениям: симфонии Шоссона, концерту для фагота Фогеля, музыке Вагнера, и в этом главная творческая заслуга Ивана Шпиллера. Необходимо заметить – маэстро, как никогда, был «в ударе», импозантен, держал уровень международного класса, что и было отмечено одним из импресарио, да и не только им.

Фигура дирижера в таких ответственных ситуациях решает, пожалуй, одну из главных задач – авторитетность подачи музыкального материала, его воплощение. Ивану Шпиллеру много удалось сделать безупречно, а его поистине аристократическая манера дирижирования, изящно-сдержанная, но вместе с тем артистичная, лишённая позы, при понятном лаконичном жесте заслужила многочисленные комплименты любителей музыки.

Творческим пиком прозвучавших в столице программ стал «Реквием» Моцарта, исполненный совместно с Государственным Академическим Русским хором Союза ССР.

Нескончаемые овации, бисирование отдельных фрагментов – вот атмосфера этих двух и последующих вечеров.

Для многих специалистов знакомство с оркестром стало откровением. За дни пребывания в Москве мы услышали много добрых слов и пожеланий выхода на международную орбиту...

Ох уж, эта - международная орбита! Пока за границей не скажут: да! – боимся чихнуть лишний раз. При наглухо закрытом городе, где основное и главное место занимал военно-промышленный комплекс, о каких международных связях и отношениях могла идти речь?! Можно было попытаться совершить любое сальто-мортале, но при советской власти и режиме секретности в Красноярске, выезд оркестра за пределы страны был абсолютно невозможен!!!

- Сижу в затворе, как монах в скиту, - не раз говаривал маэстро Шпиллер, - Но ведь и в скиту идёт жизнь. Я занимаюсь любимым делом. Да, в тайге, но знакомя людей с великой Красотой. А это – уже другая категория. Метафизическая... Духовная! Так на что же тут жаловаться? Может быть, Бог даст, будем когда-нибудь и мы выездными.

Сразу после московских гастролей всесоюзная фирма грамзаписей «Мелодия»

предложила красноярцам записать на пластинки несколько произведений из репертуара оркестра. В июне того же года записали: симфонию Шоссона, «Гробницу Куперена»

Равеля, «Зигфрид-идиллию» Вагнера, Концерт №2 Es-dur Вебера с Николаем Демиденко, Увертюру «Прециоза» Вебера. Так появились первые диски Красноярского симфонического оркестра, дирижировал указанными произведениями Иван Шпиллер.

8 октября 1989 года.

Ленинград.

Маэстро Шпиллер – сыну Всеволоду* в Ярославль.

«Севушка, мальчик мой дорогой, мой любимый Усяка! (Домашнее имя Севы - примечание автора). Большое, большое Тебе спасибо за такое хорошее письмо. Очень его ждал, и очень обрадовался. Правда, ошибок мы наделали невероятно много. И поправил многое, да и не всё. Ошибки – по невниманию, по отсутствию привычки читать и писать. Сам пишешь, что «читал маловато, а больше нравится смотреть кино». В кино, мой любимый мальчуха, толку не много. Это чаще всего развлечение. Оно тоже нужно, но ведь есть такая поговорка: «Делу – время, а потехе – час»! То есть развлечься, отвлечься можно, но основательно потрудившись перед тем. Не забывай этого!

Меня очень обрадовал Твой ответ на мой самый главный вопрос. Очень Тебя и Чуна* (домашнее имя Маши – примечание автора) прошу никогда не забывать помолиться.

Ты спрашиваешь про велосипед. Думаю, что велосипед брать на прокат – дело не плохое. У меня до 13 лет своего велосипеда не было, и пользовался я только прокатным. Но, может быть, сейчас условия проката другие. А какие? Правда, дело к зиме идет, и сейчас скорее дело за лыжами, коньками, санками. А есть они у Тебя?

Как я живу? Очень, очень много работал. Готовил оркестр к очередным гастролям в Ленинграде. Кстати, пишу Тебе из Ленинграда, из гостиницы «Европейская». Она - напротив филармонии. Здесь удивительный, прекрасный зал в филармонии – это лучший зал в стране. Посылаю Тебе программки, на них Ты увидишь часть этого зала. Раньше это было Дворянское собрание. Спроси маму, что это значит, и поинтересуйся, где такое было в Ярославле. Может быть, как-нибудь покажешь мне? Концерты, Слава Богу, прошли хорошо. Сегодня с моим оркестром едем в Мурманск, затем в Вологду, потом я – в Москву на три дня, а дальше на свои концерты в Свердловск (с тамошним оркестром). Так, детка, я живу.

Про Светланова что Тебе сказать? Это очень хороший дирижёр. Он работает в Москве, а Ты его видишь по Московскому телевидению. Всё же, советую Тебе ходить самому на концерты, и поменьше пользоваться телевидением. Когда мне было 10 лет, я уже начал ходить на концерты. Детских тогда не было. И Ты, советую, начинай ходить на взрослые концерты. Жаль, что Ты музыкой, кроме школы не занимаешься.

Ты спрашиваешь: делаю ли я добрые дела? Наверное, радость моя, делаю. Добрых дел всегда можно (и нужно!) делать больше. Но, если, сделав доброе дело, Ты им хвалишься, всем да каждому об этом рассказываешь, думая при этом: вот какой я хороший(!) тогда, мой мальчик, это доброе дело почти ничего не стоит. Я уверен в том, что добрые дела начинаются с дома, с помощи старшим, Чупу. И товарищам тоже. А как Ты об этом думаешь?

Жду, радость моя, Твоего второго письма с ответом на оставшиеся вопросы. Кстати, о письмах. Я бы Тебе посоветовал писать черновик, а затем без ошибок переписать. Знаешь, я до сих пор так и делаю. Здесь есть и другая выгода: у Тебя остается копия, а она иногда может пригодиться.

Очень хочу повидаться с Тобой, с Чупом, обнять вас крепко-крепко. Всё думаю: удастся это в октябре или, может быть, в ноябре. Очень хочу. Ну, как Бог даст.

Крепко Тебя целую и Чупа. Надеюсь в Москве застать уже её письмецо. Передай, Севушка, всем домашним от меня поклон и самые добрые пожелания.

*Обнимаю, скучаю, очень вас люблю. Крепко-крепко целую.
Ваши папа»*

7 февраля 1990 года краевая газета «Красноярский рабочий» сообщала: «Ивану Всеволодовичу Шпиллеру, художественному руководителю и главному дирижеру симфонического оркестра краевой филармонии, присвоено высокое звание «Народный артист России».

Иван Шпиллер окончил Московскую консерваторию по классу выдающегося дирижера Александра Гаука. Ученик оказался достойным своего учителя. Он – высокопрофессиональный музыкант, прекрасный дирижёр, интеллигентный человек. Уже двенадцать лет Иван Всеволодович руководит Красноярским симфоническим оркестром, и вместе со своими единомышленниками страстно пропагандирует все эти годы классическую музыку.

В один из гастрольных приездов в наш город известный пианист Лев Власенко сказал о работе Ивана Всеволодовича по-домашнему тепло: «Хорошее дело делает в Красноярске дядя Ваня». И с этим нельзя не согласиться.

Поздравляем, маэстро! Мы рады за Вас. Покоряйте новые творческие вершины и увлекайте на них всё новых поклонников бессмертной музыки».

Очень трогательной - в череде поздравлений по случаю присвоения звания – была записочка от почтальона нашей почты:

« Иван Всеволодович!

Разрешите поздравить Вас с присвоением звания «народный артист России» Желаю новых творческих успехов и доброго пути в искусстве. Только искусство вечно, всё остальное – прах!
С уважением почтальон 32 отделения, 6 февраля 1990 года.

Н.А.Малёванная*».

А вот строчки архитектора Арэга Демирханова:

*Мой материал -
Бетон и камень.
Ты власть над звуками
Простёр.
Что Красота? –
Сосуд иль пламень? –
Непрекращающийся
Спор!
Оставим споры
Для науки,
Уйдём от праздных
Пересуд –
Пуškai твои несутся
Звуки
И наполняют
Мой сосуд!*

Помнится, он их прочел на сцене, поздравляя маэстро после концерта.

29 июня 1990 года,

Красноярск.

Маэстро Шпиллер – Агриппине Николаевне.

«Дорогая бабушка Агриппина!

Посылаю Вам для отца Владимира Воробьёва продолжение – папины работы. Передайте ему, пожалуйста, с просьбой:

Сделать, как он всегда делает, списочек полученного от меня.

Очень кланяюсь о.Владимиру*, его дому и о.Аркадию*, да матушке Соф.Ал-не*.

А Вас покорно прошу ликвидировать насморк и пребывать в добром здравии.

Татьяне Владимировне* - кланяюсь и желаю здоровья.

Надеюсь скоро (довольно скоро) начать потихоньку собираться в Москву, к Вам.

Крепко целую. Ваш – И.Шпиллер.

P.S: Ума не приложу: где бы мне грузинку сыскать?! Целую.

P.P.S: С ребятами вчера говорил. Как будто всё у них ничего, весёленькие. Скучаю без них!

Целую Вас – И.Шпиллер»

(*Татьяна Владимировна - Толли. о.Владимир -Воробьёв, о.Аркадий –Шатов
- священники)

22 декабря 1990 года.

***Дирижёр Г.Клементьев* – маэстро Шпиллеру.
Куйбышев.***

«Уважаемый Иван Всеволодович!

***От всего сердца поздравляю Вас с Новым годом, желаю здоровья,
творческих радостей, мира и любви!***

***Вспоминаю общение с Вами и оркестром с теплом и пониманием
большой значимости этих дней в моей жизни. Кажется, благодаря Вам,
начинаю обдумывать, как продолжить дирижёрское образование...***

Искренне признателен Вам – Г.Клементьев»

1991 – 1993 годы.

Красноярск – Белград.

***«Под сенью вишневых цветов,
Я, словно старинной драмы герой,
Ночью прилег уснуть»****

Вот уж поистине - «неисповедимы пути Господни»! В августе 1991 года музыканты после отпуска вышли на работу. Началась подготовка к первым зарубежным гастролям в Югославию. Но тут по всем телевизионным каналам заиграли «Лебединое озеро», и поползли слухи о перевороте.

В антрактах репетиций народ собирался в кабинете маэстро, бурно обсуждая события. Когда отключили радио и телевидение, я беспокоилась за Ивана Всеволодовича и слишком эмоциональных разговоров боялась. Несмотря на то, что мы жили в Сибири, я видела и знала более глухие места, куда ещё можно было сослать. Но Шпиллера вся глупая ситуация с ГКЧП очень забавляла. Что происходило в Москве, у нас толком никто не знал...

Все были уверены, что гастрольная поездка, отменяется, но репетировали от звонка до звонка, тщательно вычищая каждую ноту. Расслабляться в любых ситуациях Иван Всеволодович никому не позволял, дисциплины требовал жёстко.

Трагифарс с переворотом закончился быстро, Горбачова* освободили из плена, а вопрос, поедет ли оркестр за границу, висел в воздухе. В сентябре обстановка как-то разрядилась, «озеро» перестало кипеть, оркестр открыл

новый концертный сезон, исполнив обе роскошные гастрольные программы. Казалось, ничто уже не может помешать коллективу поехать покорять Европу. Руководство края выделило для такого дела самолёт, и утром 10 октября он вылетел по маршруту Красноярск-Симферополь-Белград.

Видимо не пошёл организаторам турне урок с Горбачёвым впрок – нет бы - миновать этот «крымский привал». Не учли наши устроители того, что Украина в своей жажде самостийности дойдёт до мелких пакостей сибирякам.

В Симферопольском международном аэропорту оркестр встретили неласково. В самом начале для порядка стали рассказывать о непогоде – при ярком безоблачном небе. Через пять часов нашего ожидания в ход пошли страшилки:

- Куда ж вы едете, бабоньки, ви ж поглядите, там война! – кудахтали служащие порта.

- У вас диты малые дома, на шо вона, та Югославия, вам сдалась! И женская половина оркестра дрогнула. К Шпиллеру стали подходить музыканты и жалобно намекать, что неплохо бы вернуться назад, пока все живы и здоровы. До Симферополя оркестр пять часов летел, да пять уже в порту болтались. Неопытные люди не выдерживали психологической нагрузки. Духовики оркестра, правда, расположились во дворике «под липками», достав из чемоданов подарочную водку, им всё было – «трын - трава»! Они ни на что не реагировали.

К двенадцатому часу ожидания у всех подвело животы от голода, и на ближайшем рынке был истрачен рублевый запас наличных. (По инструкции тех лет нам разрешили взять с собой каждому не более 40 рублей). Валюты никто не имел и, кажется, в 1991 году не знал, как она выглядит. В Сибири она ещё по рукам не ходила.

Вещи наши были выгружены на лётное поле, сам самолёт почему-то арестован.

Маэстро в гневе был страшен. Подходить к нему стало невозможно – рычал, как разъярённый зверь. Жалко его было – безумно! Столько лет ждать этого дня, такой возможности и – всё «коту под хвост» из-за чьей-то глупости и подлости.

Директор оркестра Брянский метался от одной аэропортовской стойки к другой. Но вид он имел столь непредставительный, ораторским искусством и большим обаянием не обладал, так что недавние братья-украинцы его просто не слушали. Они хотели получить взятку, наивно, глупые, полагая, что у сибиряков деньги есть!

Неожиданно выручил всех джаз. Музыкантам надоело слоняться без дела, водка была выпита, денег не было, достали инструменты, робко стали импровизировать. Потом джазовые вариации достигли такой мощи, что крохотный зал ожидания просто сотрясся от звуков. Наконец, дежурный диспетчер по рации возопил:

- Христина! Отправляй эту банду, пока они весь порт не разнесли! – дальше последовали непечатные выражения в адрес исполнителей.

Объявили готовность рейса. Но пограничники сдаваться так быстро не хотели. Помешать им никто не мог – в стране царила полная анархия. Они раза три начинали пропускать оркестр через границу, но закрывали её, когда человек сорок оказывалось за чертой, а шестьдесят ещё топталось на месте. Видимо, хотели аннулировать визу, или просто издевались.

К концу 25-го часа нашего плена в Симферополе, изрядно потрепанные, но без потерь, преодолев все козни, мы вылетели в Белград...

По поводу югославских гастролей нужно сделать небольшое уточнение. Года за полтора, два до крымских событий город Красноярск открыли для посещения иностранцев. В 1989 году уже во всю в стране шли всякие преобразования, тогда рассекречивали любые объекты и города. Вот и наши сибирские решили больше не сохранять. Маэстро Шпиллер сразу воспользовался этим разрешением и через московское гастрольное бюро, может быть, даже министерство культуры пригласил в Красноярск хор Белградского радио, который должен был гастролить в России. Прилетев в Сибирь, югославский коллектив исполнил с оркестром две замечательные программы: мессу №6 Шуберта и ораторию сербского композитора Йевтича «Завет Косова». Сербов оркестр покорила своим профессионализмом и гостеприимством. Ну, а маэстро Шпиллер – тем более. Представители «Югоконцерта» сразу сделали ему предложение - подирижировать в Сараево. Сговорились о программе, и в декабре 1990 года он отправился туда выступать.

- Смотри, чтобы тебя не приняли там за эрц-герцога Фердинанда*, и не началась ещё одна мировая война! – нескладно пошутила я, провожая Ивана Всеволодовича. (Откуда мне было знать, что война там действительно начнётся?!)

В Сараево он сыграл с прекрасным виолончелистом Вальтером Дешпалем* из Загреба концерт Шумана, «Пасторальную» симфонию Бетховена и увертюру Вагнера «Майстерзингеры». На обратном пути, в Белграде маэстро провел переговоры о гастрольном турне оркестра по городам Сербии и об участии нашего коллектива в программе международного фестиваля «Бемус-91».

Красноярск, оркестр, Шпиллеру.

5 марта 1991 года.

Телеграмма.

ЯВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ГАСТРОЛЕЙ СИМФОНИЧЕСКОГО
ОРКЕСТРА КРАСНОЯРСКОЙ ФИЛАРМОНИИ В ИСПАНИЮ = ГРАНАДА
СЕВИЛЬЯ БИЛЬБАО САНТЬЯГО ОВЬЕДО ВАЛЕНСИЯ МАДРИД ВРЕМЯ
21 ОКТЯБРЯ ПО 31 ОКТЯБРЯ ТЧК ВЫЛЕТ ИЗ БЕЛГРАДА 20 ОКТЯБРЯ
ВЫЛЕТ ИЗ МАДРИДА ПЕРВОГО НОЯБРЯ ТЧК ПРОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ДВУМ ПРОГРАММАМ РУССКОЙ МУЗЫКИ ТЧК
ПРЕДЛАГАЕМ ПРОКОФЬЕВ КЛАССИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ КОНЦЕРТ
ЧАЙКОВСКОГО ИЛИ РАХМАНИНОВА СИМФОНИЯ ЧАЙКОВСКОГО

ИЛИ ШОСТАКОВИЧА ТЧК ОБО ВСЕМ ДОГОВОРИМСЯ БЕЛГРАДЕ ТЧК
ПОДУМАЙТЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЖЕГОДНЫХ ГАСТРОЛЕЙ
ТЧК МУЗЫКАЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ= СЛОБОДАН АТАНАСКОВИЧ*=
РАДИО БЕЛГРАД

Март 1991 года.

Николай Демиденко – маэстро Шпиллеру.

Лондон.

«Милый Батюшка!

Извините, что долго не писал, только передавал устные приветы – надеюсь, они дошли. С Югославией у меня, похоже, получается, но мне необходимо срочно (это значит – позавчера) знать, кто организует эти концерты, координаты организатора. <...>

С Испанией немного сложнее, т.к. это конец триместра, и я обязан хоть чуть-чуть позаниматься с моими детишками в школе. Так что, на всю Испанию присоединиться не могу, но на 1-2 важных концерта, думаю, сумею. В любом случае – это надо обсудить. <...>

Ваш совет: «не будь первым – будь лучшим!» - я помню и стараюсь во всю. Мои попытки организовать запись с Вами здесь пока не увенчались успехом, но я стараюсь и надеюсь, что получится. Знайте, что Вас очень люблю и всё время о Вас думаю.

Обнимаю Вас с супругой и желаю много счастья и взаимопонимания. Ваш -

Н.Демиденко»

С югославами намечались очень серьезные многоплановые отношения, и наше опоздание из-за хамства крымских авиа служащих могло дорого стоить оркестру.

Когда самолёт вновь поднялся в воздух, у Шпиллера отлегло от сердца!

Белград изумил и покориł наших неискушенных зарубежными гастрольными музыкантов. Отель «Интер - Континенталь» поражаł уютom, красотой, изобилием. И тут будет уместным рассказать историю нашего шофёра.

Коля – парень родом из далёкой сибирской деревеньки – работал в оркестре шофёром. Когда собирались в Белград, он очень просил дирекцию взять его тоже, в качестве грузчика. Иван Всеволодович разрешил. По приезде в Белград, мы все пришли завтракать в уютный ресторанчик гостинцы, где каждый мог выбрать себе любое количество блюд из огромного ассортимента, что было для отеля высокого класса нормой. Вот это изобилие – после голодного Красноярска, где продукты выдавались по

талонам уже долгие годы и были сомнительного качества, – Колю повергло в шок. Он сидел за столиком, ничего не ел, в глазах у него стояли слёзы.

- Что же Вы, Коля, - спросил маэстро, - ничего себе не взяли? Не нравится здесь?

Шофер посмотрел на Шпиллера с невыразимой тоской и сказал:

- А ну Вас, ё-моё, пошел я к себе в номер, свою ржавую колбасу есть!- Он заплакал и, стыдясь своих слёз, быстро исчез. В таком состоянии пребывал не только Коля.

Отношение к сибирским музыкантам в Белграде было самое доброжелательное. Но, правда, не обошлось без курьёза и в Сербии. Программы выступлений по согласованию с принимающей стороной включали два фортепианных концерта – А.Скрябина и Четвертый концерт С.Рахманинова. Для исполнения каждого из них был приглашён свой солист – Елена Кузнецова* (Москва) и Валерий Стародубровский* (Красноярск). В поездке по городам Сербии оказалось, что в некоторых из них нет концертного рояля. Программу пришлось на ходу перекраивать. Но залы были переполнены публикой, овации гремели, отзывы прессы всюду были восторженными.

- Сегодня я понял, маэстро, почему люди во всем мире восхищаются русской музыкой,- говорил Ивану Всеволодовичу флейтист из города Ниша Даниил Станкович*, очарованный исполнением «Шехеразады» Римского-Корсакова. – В ней вся наша мятущаяся славянская душа. Я никогда не думал, что открою это на концерте оркестра из Сибири, из города, о котором раньше ничего не слышал...

Да разве только этот мальчик о нас ничего не слышал?.. После выступления на фестивальном концерте в Белграде одна из газет напишет, что «белградскую публику буквально ошеломил исполнением С.Прокофьева оркестр из Колымы...»?! Резензент не знал, что Колыма от Красноярска так же далеко, как Китай. Но относительно С.Прокофьева – его «Классической симфонии» и двух номеров из оратории «Иван Грозный», которые исполнялись на *bis*, он был абсолютно прав. Когда сыграли «Юродивого» и «На Казань!» публика вскочила с мест и рёвом ревела.

После концерта в артистическую комнату к маэстро пришло много народа. А композитор Слободан Атанаскович, входя к Шпиллеру, воскликнул:

- Ну, Иван, ты просто - цар!!!

С этим милым Слободаном установились в последствии дружеские отношения, а в тот приезд в Белград из-за него произошла забавная история. Боба очень хотел сделать Шпиллеру подарок. Он решил заказать для маэстро фрак. За те дни, что мы колесили по Сербии, фрак успели сшить. Но так как примерок толком не было, Иван Всеволодович не хотел надевать новую вещь на заключительный концерт, но и обижать Атанасковича было неудобно. После долгих сомнений всё-таки решили, что выступать маэстро будет в новом фраке.

Публики на вторую фестивальную программу оркестра собралось видимо - не видимо. Шпиллер вышел на эстраду, поклонился, оркестр готов к взмаху руки дирижёра. Он поднимает руки, и в наступившей тишине раздаётся треск. Это вылетели плохо пришитые рукава фрака! Так маэстро и дирижировал до антракта...

Белградская пресса не скупилась на похвалы сибирякам. Сразу в нескольких газетах, на радио появились рецензии. Вот фрагмент одной из них:

«Этот концерт был абсолютным откровением для всех, откровением во всем. Это касается и оркестра, и дирижёра, и пианиста. Незнакомый нам симфонический оркестр из Красноярск продемонстрировал мастерство, виртуозность и блеск исполнения, красоту и наполненность звука, способность каждого артиста к сольной деятельности. Эти качества присущи редким оркестрам высочайшего ранга. Блистательный коллектив начал программу с Прокофьева. Юношеское произведение выдающегося композитора нашего столетия стремительно пронеслось чарующими руками и магическим действием дирижёра, который до конца вечера показал себя как высочайший мастер. Затем оркестр, высвободив свою взрывчатую звуковую энергию, показал способность к достижению широкой динамической распевности и огромным контрастам.

К этому сплаву выразительности, блеска, тепла и огромной силы присоединился пианист Валерий Стародубровский*. Говоря о партии солиста в Четвертом концерте Сергея Рахманинова, представляешь себе ещё один оркестр, который скрыт в клавиатуре рояля. Пианист демонстрирует яркую индивидуальность, незаурядную разнообразную технику, необычные ощущения».

Поездка оркестра из Белграда в Испанию, к сожалению, не состоялась. Не помню точно, по каким причинам, кажется, самолёт был оплачен только до Белграда и обратно. На Испанию не было денег. Но, может быть, существовали и другие резоны. Дальние и дорогие дороги были всегда бичом для оркестра и огорчением для маэстро Шпиллера.

Выполнив все Белградские обязательства, 20 октября мы вылетели домой, на сей раз с остановкой в «Шереметьево». О балканской войне в этой поездке мы только слышали – ни в Белграде, ни в других городах цветущей Сербии она ещё не чувствовалась.

«Кориолановские аккорды» политических событий августа-91, как выражался знакомый музыковед, ещё повторятся в судьбе оркестра, но это будет потом. Возвращаясь в Красноярск после успешных выступлений в Белграде, Иван Всеволодович думал о следующем этапе развития коллектива. Оркестр уже был хорошо известен в нашей стране, так как в разные годы объехал с концертами Дальний Восток и Камчатку, города средней полосы России. Прошли гастролы в Ленинграде и в Москве, причём в лучших залах этих музыкальных центров страны. Шпиллер понимал, что руководимый им коллектив состоялся задолго до югославских гастролей, они только лишний раз убедили дирижера, что у оркестра появились своё вполне

симпатичное лицо и свой голос. Но дальнейшая его судьба была очень туманной. Министерство культуры и раньше неохотно занималось проблемами далёкого сибирского оркестра – хватало забот со столичными, - а после августа 1991 года мы все оказались гражданами другой страны, служащими неизвестных министерств...

Обе поездки на родные Балканы – как в Сараево, так и в Белград – для маэстро заканчивались тем, что в дороге он простужался и потом болел. Может быть, сказывалась ещё и резкая перемена климата, но острый бронхит был постоянным третьим спутником всех наших передвижений.

Ленинград, 1991 год.

А.Булычев* – маэстро Шпиллеру.

«Здравствуйте, дорогой мой Иван Всеволодович!

Не могу не ответить на Ваше письмо, хоть и с некоторым опозданием. Прежде всего - я должен поблагодарить вас сердечно за то, что Вы сохраняете для меня такие надежные тылы, как Ваш оркестр (пишу «Ваш», а ведь он немножечко и мой!) Конечно, я очень часто вспоминаю Красноярск, ведь там осталась частичка моего сердца, если не сказать большего...

А что касается моей работы у Вас, то я всю жизнь буду благодарен судьбе за то, что она свела меня с Вами. Ведь по сути дела музыкой-то я занимался по-настоящему только с Вами (сколько дирижеров уже прошло передо мною!) Вы знаете, что я - не тот человек, который позволит себе хоть йоту неправды. Низкий Вам поклон за Ваши доброе отношение к музыкантам. Наверное, я действительно плохо представляю себе Вашу личную жизнь, хотя могу догадываться, что радостного в ней едва ли много. Но, тем не менее, желаю Вам счастья, крепкого здоровья и душевного благополучия, насколько это нам позволяет наше дурацкое время.

Что касается моей жизни, то похвастаться нечем – коммунальная квартира с подонками и пьяницами, где я живу (великое изобретение большевиков, как, впрочем, и всё другое), ничего хорошего, сами понимаете, не сулит, а ведь в этой обстановке приходится владеть своё существование ежедневно. Работа моя на радио – образец стимулятора для полной деградации. Во всём какая-то бесперспективность, душевная потерянности и т.п. Нет желания даже описывать весь этот апокалипсис коммунизма.

Но вот жена – молодая, большая умница и друг мне, сынишка полтора года, просыпается и засыпает со словом: «Папа». Всё это очень греет и заставляет не терять человеческий облик. Работаю в «Мариинском» на полставки, взяли якобы с дальним прицелом. Если

Господь будет благосклонен ко мне, то в июне после конкурса попаду к ним, хотя это очень сложно. Ленинград отвергает «чужаков» - напрочь, и иллюзий особых я, конечно, не питаю. Бродят мысли об отъезде, пытаюсь восстановить свои старые связи с Австралией, но пока тщетно, и попахивает это утопией, годы уходят. Вот такие дела, дорогой мой, Иван Всеволодович. На этом позволю себе распрощаться пока, обнимаю Вас и желаю Вам всех благ.

Ваш – А.Булычёв»

«Дурацкое» время накладывало свой жирный отпечаток и на жизнь в Красноярске – было, как никогда, голодно и тревожно. Но мысли об отъезде из страны Шпиллера не посещали. Он считал, что не для того семья в 50-м году возвращалась в Россию, чтобы опять из неё бежать. В одном из своих интервью маэстро говорил:

- Вы посмотрите, что такое тот западный мир, которому все сегодня завидуют.

Тотальное поклонение золотому тельцу – вот что происходит везде и всюду. Более великого поклонения в истории человечества не было ни в те библейские времена Моисея* и Арона*, ни позже. И самое ужасное, что русский человек, который никогда не был этому подвержен, бежит со всех ног за золотым тельцом, и его из всех сил подталкивают к этому так называемые средства массовой информации: вот там хорошо – беги туда! И он бежит, а по дороге, тому, кто попадаете ему под руку, морду бьёт, а кого и убивает, потому что Шариков*. Прав я или не прав?..

Корреспонденту другой газеты маэстро вновь поясняет свою позицию:

- Давать оценку состоянию России не берусь. Много нового хорошего в неё пришло и много нового плохого. Люди активизировались и в одном направлении и в другом. Мы имеем доступ к литературе, о которой не смели мечтать десять лет тому назад. Но ведь, сколько гадости предлагается сейчас в виде тех же книг, той же музыки. Хотя я стараюсь избегать слова «патриотизм», но сейчас, как никогда, от каждого из нас требуется служение России. Много музыкантов уехало за границу. Не желаю их осуждать, но я не понимаю тех, кто оставляет Отечество в тяжелую минуту. Не на словах ему надо служить (слово – оружие немногих), а на деле, реально. Мы стараемся служить, деля со своим народом все трудности.

Жалко мне людей, променявших свою музыку на американский ширпотреб. Во времена Васко де Гама* дикари отдавали за побрякушки горы золота. И то, что у нас сейчас происходит, - это не отречение. Как можно отречься от того, что навсегда связано с Россией? Это такое же дикарство... Может быть, я не прав?..

Конечно, Иван Всеволодович интересовался тем, что происходит в стране. Но в политические «игры» он не встречал, во всяких, как сейчас вульгарно говорят: – «тусовках» – не участвовал. Ему хотелось заниматься только музыкой, играть новые программы, развивать отношения с

зарубежными коллегами. Как бы ни было трудно, утром – в одно и то же время - он неизменно появлялся за пультом, давал ауфтакт, и звучала музыка.

Стенограмма репетиции.

С. Рахманинов «Симфонические танцы», вторая часть:

- номер 34 – подголосок полез на первый план, главная нота исчезла у первых скрипок.
  - шестой такт номера 36 – струнники, напишите Кларнет, Фагот – они главные, а вы старательно играете всё остальное – кларнет, фагот!!!
  - струнные, – звучание благороднее. Главный материал здесь не выражен громкими нотами. Струнники со второй ноты – пианиссимо! Дайте услышать дальше флейту!
  - шестой такт, восьмой – пианиссимо. Гобой, рожок!
  - номер 38, четыре такта назад – кларнеты, флейта, чтобы был ансамбль, нужна передача!
- Как будто один человек!
- скрипачи четвертый такт начали так «раскошегаривать», как будто, в номере 39 будет фортиссимо. Зря! Там такт – скромный.
  - номер 40 - первые и вторые скрипки - тише! Здесь – аккомпанемент. Флейты - главные, уступите струнным им, на нюанс тише!
  - номер 44 – здесь главный - кларнет, а не бас-кларнет и не рожок. Будьте любезны, учесть это.
  - не начинайте слишком громко, по количеству звука – скромнее!
  - мне начинает мешать бас своей тяжестью. Контрабасы и виолончели – тише и короче.
  - номер 47 – за два такта подголоски исчезли совсем, сыграйте чуть ярче, чтобы не прислушиваться.
  - номер 48 – флейты разговаривают с первыми и вторыми скрипками, поэтому выбросить диминуэндо. Флейты – фортиссимо, а то – совсем не слышно!
  - последнюю ноту перед 73 не укорачивайте у бас-кларнета. Я готов подождать на тактовой черте.
  - арфа и первые скрипки – ваш второй такт для меня не так важен, как первый. Вы его выговорите и передайте первым скрипкам.
  - скрипки, номер 75 – плохо играем, сыграйте хорошо...(играют) Ещё хуже! Кто мне объяснит, почему одна и та же нота выражена в первом случае - под лигой, во втором – разлигована?
- Полкилограмма - на первую долю, полкилограмма – на вторую, и килограмм – на третью.
- Фраза не так идет. Как только два смычка, так фраза рвется. Это что такое?! Расставьте. Сыграйте по человечески!

- вторые скрипки с альтами – прекрасно! Первые скрипки, однако, не давайте много звука... Теплее, а то мертвоватенькие ноточки получаются... Бережнее, больше вибрации... Восьмушки тяжелее, чтобы не проскакивали.
- номер 79 – пиццикато вообще не слышно, а почему?.. Потому что – НЕ ВМЕСТЕ!
- на вас, скрипачи платков не напасёшься! Плачем, ноем, слёзы вытираем! А вы спойте пятый такт номер 80!
- второй такт до номера 81 – виолончели, исчезните!!!
Все разговаривают, все, и все о разном!!!

В январе 1992 года маэстро Шпиллер вновь отправляется в Белград, на сей раз - ему предстояла работа с оркестром Радио и Телевидения. В поездке веду небольшой дневник.

Вот некоторые странички из него.

«16 января 1992 года:
репетиция с оркестром РТБ, Брамс – симфония №3.

Маэстро делает много замечаний по аккомпанементу. Музыканты играют жирно и не чисто. Нет звукового баланса между группами. Привыкли играть всё – форте. Пьяно и пианиссимо – почти нет. Первые скрипки - не очень хорошо строит группа. Но в целом – поддаются на замечания. Дисциплина – вполне приличная. Начало репетиции было страшным – сплошная каша, конец – лучше!..

Разница во времени – шесть часов - даётся нелегко. Немного гуляли по городу. Идет снег, как у нас, но говорят – он не надолго».

«17 января 1992 года.
вторая репетиция симфонии Брамса №3.

Начали играть более слаженно. Маэстро делает замечания по штрихам первым скрипкам. Играют всё отдельно, не соблюдая лиг. Группа явно не работает отдельно. Много разговаривают, особенно последние пульта первых скрипок. Маэстро повторяет замечания, громко звучат. Мучается с духовыми (медь). Не могут вовремя вступить. Подсказывает штрихи струнным – первым и вторым скрипкам, просит не откусывать концы фраз.

- Мы вчера много времени потратили на точку. Я живу в глухой Сибири, а вы – в Европе. Но в Сибири музыканты понимают, что такое точка! Профессиональный оркестр не может тратить столько времени на такие вещи! - (говорит раздраженно)

Оркестр не привык вникать в смысл фраз музыкальной структуры и ткани произведения. Понятие темы и аккомпанемента для РТБ, видимо, не существует. Не чувствуют динамику музыки. Опять объясняет штрихи скрипкам, просит распределить смычок. Два последних пульта первых

скрипок, когда говорит маэстро, пытаются играть пиццикато, как на балалайке – издевка на русский лад. Всю репетицию Шпиллер занимается нюансировкой.

Понемногу Брамс начинает проступать, нет звуковой каши и ритмической. Акценты темы и аккомпанемента проявляются более точно. Некоторые места симфонии звучат очень красиво. Просит тему сыграть всем более сдержанно, не открыто по-славянски, а с немецкой скупостью.

Альтист на первом пульте похож на страшного идола, так падает на него свет, глазищи – как фосфором намазаны!

Маэстро делает замечание духовикам по дисциплине:

- Я понимаю, что у вас интересный разговор между собой. Мы все вас подождём. Вы закончите, тогда нам сообщите...

Замечание вторым скрипкам – выучить текст – не могут сыграть вместе...

После репетиции гуляли по городу. На стрелке, где сливаются Дунай и Савва – очень красиво! Затем были в соборе Святого Марка. Огромен. Не совсем, как в наших православных храмах. На улице слякоть. От снега не осталось следа. Гостиница красивая – «Москва», старая, в номере прохладно. В комнате для дирижёра в филармонии – тоже холодно.

Ужинали с композитором Трайковичем* в ресторанчике «Моцарт» - очень мило. Разговор весь вечер шёл по-французски. Шпиллеру было очень интересно. Доволен!»

«18 января 1992 года
репетиция с РТБ, Брамс – симфония №3.

Начало репетиции - разговор о различных градациях пьяно. Играют более слаженно. В ходе репетиции делает много замечаний медным духовым:

- У нас так играют только на похоронах!!! - (Раздражён до крайности!) Бьётся со вторыми скрипками, всей струнной группой. Требуется рельефности звука, большей градации его. (В тех же местах, что и на прошлой репетиции). Четвёртая валторна - половину репетиции сидел в зале и спал. Поднявшись на сцену, вступил невовремя, чем вывел Шпиллера из себя.

Третий час репетиции – Дебюсси «Послеполуденный отдых Фавна». Звучат прилично, но часто – громко! Хорошая арфа».

«19 января 1992 года – выходной день! Были в русской церкви на службе. Батюшка – симпатичен, сразу понял, что мы – русские. У них к священнику под благословение не подходят, как у нас. Здравуются за руку. Европа! В музее церкви – во дворе храма, эмигранты первой волны сохранили множество знамен, орденов и знаков отличия полков и соединений русской Белой армии, бежавшей на Запад, многие из полков проходили через Белград и Сербию. Здесь же в церкви – гробница генерала

Врангеля и почётный трон императору Николаю. Вот ещё одна ниточка с прошлым, с отцом.

Вечером гостили у Атанасовичей. Дом уютный. Зина* – очарование, балерина. Посиделка удалась – вполне! Разговор, в основном, шёл о политике, всех интересовали перемены в России».

«20 января 1992 года.

Репетиция РТБ, проба записи симфонии Брамса №3.

Начали с того, что нет за вторым пультом виолончелей и четвертой валторны. Виолончели празднуют Иванов день!! Говорят – закон разрешает не работать в день именин. Не могут сыграть вместе деревянные духовые, в одной цифре повторяли четыре раза. Играют громко и некрасиво! Первые скрипки – много визга. Замечания по первой доле. Просит фразировать всех одинаково.

Вторая часть. Играют более прилично, но есть замечания к фаготу – не смотрит на руку, не может вступить».

«22 января 1992 года.

Запись симфонии.

Звукорежиссер первой частью доволен. Говорит, что знает возможности оркестра, который – «не Берлинской филармонии»

Исчез гобой! – говорят, заболел.

Начали писать финал. Останавливали четыре раза на одной цифре.

Записали вторую и третью часть – хорошо!»

«23 января 1992 года.

Запись для радио симфонии Брамса с РТБ.

Пытаются переписать первую часть и финал, было много фальши, резко, без должной нюансировки.

Сообщили неприятную весть – некому играть Второй концерт Рахманинова. Пианист из Парижа не прилетел. Кто будет?

Первая часть симфонии невозможно буксует. Играют тяжело. Нет музыки, нет Брамса! Шпиллер весь издергался, но внешне – спокоен, понимает, что выше головы они не прыгнут.

Скучные переговоры с «Югоконцертом» о гастролях нашего оркестра в Германии.

Закупаем кучу всяких концентратов, супов и прочее, т.к. дома ничего нет. По сравнению с Красноярском, в Белграде и сейчас – изобилие. Но уже хуже, чем пол-года назад».

«30 января 1992 года.

Концерт в целом прошел прилично, Рахманинова играла Милена Молова* из Болгарии. Забыла на концерте текст, Шпиллер мгновенно понял, где беда, удачно повел оркестр. Публика купюры не заметила. Молова долго после концерта извинялась. Маэстро благосклонно улыбался, хотя знаю – прибил бы! В Красноярске таких ситуаций не помню, но, наверное, могли быть. Трайкович - восхищен трактовкой Дебюсси. Он не слышал исполнения в Сибири. Здесь играли – неплохо, там – замечательно! Наши музыканты на своих деревяшках играют гораздо тоньше, элегантнее и красивее, здесь у многих струнников итальянцы, есть отличное дерево, но отношение к работе – плёвое. Вот и результат.

После концерта ужинали в ресторане в писательском клубе. Шум такой, что друг друга за столиком не слышно! Орут и жестикулируют. Наконец-то, всё закончилось».

«31 января 1992 года.

Солнышко светит так, как у нас в апреле. Улетаем!!!

- Какой мучительной была эта поездка,- говорит маэстро. - У оркестра РТБ другой уровень проблематики.

- Но, поездка как-то обеспечила наше существование, пусть и ненадолго. На одну красноярскую зарплату – не выжили бы!

- А какой кровью это досталось?! Скорее бы домой! Там занимаешься музыкой, а здесь Бог знает чем!»

Красноярск,

Пасха – 92.

Маэстро Шпиллер – бабушке Агриппине.

«Христос Воскресе!

Сердечно Вас поздравляем со светлым праздником и желаем радости, крепости и всего, всего самого доброго.

Пост мы провели в чём-то со тщанием, в чём-то не очень, но старались. Часть моих стараний присылаю для отца Владимира (Воробьёва) – расшифровки, практически последние, из перенесенных на бумагу с магнитофона 220 с лишним папиных проповедей. Очень прошу их передать.

На пасхальной службе мы были с Севой (остальные простужены) в ближайшей к нам церкви, которая только-только начинает оживать после десятилетий запустения и, наверное, мерзости. А церковь для меня примечательная: она трех ярусная...Сочетание Богородичного и Иоанновского - замечательно, и для меня имеет особый смысл. Служат пока только в одном - Иоанна Богослова. Настоятель, впрочем, он пока один - одинёшенек, без дьякона, да и без всего (один за всех) пригласил нас остаться на трапезу – разговляться.

*...Почти из «пепла», из, если не руин, то запустения, потихоньку
встает Россия и с Божией помощью, может быть, и встанет.*

Ну вот, такие наши дела. А завтра Машенька – сопливиенькая, хворая – должна играть с оркестром часть из концерта Моцарта. Её музыкальная школа даёт пасхальный концерт, и я тоже (с оркестром) принимаю посильное участие. Детей должен приветствовать батюшка – епископ в отъезде.

***Крепко Вас целую. Люба сердечно Вас поздравляет и шлёт свои
благопожелания.***

Ваш И.Шпиллер»

В Сибирь! +
Отшельнику Иоанну.

«Христос Воскресе!!! Дорогого нашего Янчика и дядю Яна от всех любящих сердец поздравляем, обнимаем и целуем.

С наилучшими пожеланиями «Пятеро» из Мытищ.*
(семья священника Николая Кречетова* – примечание автора)

Летом 1992 года (после активных поисков зарубежных музыкальных менеджеров) маэстро Шпиллеру представляют молодого швейцарского дирижёра Валентина Реймонда* и его жену Мариз Фурман*. Эта супружеская пара не занималась менеджментом, но им не пришлось долго искать общий язык с маэстро – он был естественным для троих – французский, а ещё язык музыки. Мадам Мариз Фурман - реставратор струнных инструментов и пользуется среди музыкантов большим авторитетом, имеет в музыкальной среде широкие знакомства и отношения.

Швейцарцы появились в Красноярске для участия в концертах на международном музыкальном фестивале «Рождественские вечера на Енисее», в дальнейшем именно Реймонд и Фурман организовали второй выезд оркестра в Европу, в частности, в Швейцарию в октябре 1993 года. Мариз прекрасно понимала, что её сибирские протезы были достойны не только словесных похвал, но и реальной помощи. Она обратилась к знакомым, друзьям, различным швейцарским спонсорам, и в короткий срок сумела организовать несколько концертов оркестра в двух городах французской Швейцарии.

1993 год.
Красноярск-Женева...

«Всюду поют соловьи.

*Там - за бамбуковой рощей,
Тут – перед ивой речной»*.*

21 апреля 1993 года.

Красноярск.

Маэстро Шпиллер – писателю Жоржу Нива*

«Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый господин Нива! Примите мои самые сердечные пасхальные поздравления и благопожелания. Ваше поручение я выполнил с радостью, всю сумму передал в Благовещенский храм. Мне кажется, Вы его видели. Он по-своему уникален. В России встречаются церкви в два яруса, то есть строение с двумя церквями одна над другой. Такие я видел в Москве, Курске, Тамбове... Это не такая уж редкость. А у нас – трех ярусный и с пристройкой боковой, то есть четыре церкви под одной крышей. Удивительно сочетание престолов: внизу – Благовещению. Над ним – Иоанну Богослову, ещё выше – Александру Невскому, а боковой придел – соловецким чудотворцам Зосиме и Савватию (это основатели Соловецкого монастыря, бывшего долгое время печально-знаменитым лагерем «Соловки»).

Наш Благовещенский храм был закрыт в тридцатых годах и превращен в меховую базу, иными словами – в хранилище пушнины. Года два назад храм был возвращен епархии, но уровень «мерзости запустения» был невероятным. На втором этаже уже года полтора идет служба. Сейчас там раба Божия Георгия и поминают за здравие. Правильно?

Я под большим впечатлением от Вашей книги. Она мне так понравилась, что я побежал в книжный магазин, купил несколько (чуть ли не последних) экземпляров и раздарил их здесь разным людям.<...> Читать Вашу книгу – истинное наслаждение.

Надеюсь иметь возможность повидаться с Вами осенью. Если Бог даст нам приехать в Швейцарию, я к тому времени постараюсь приготовить небольшую папку.

Что касается возможности нашего выступления в Женеве, то если бы это удалось, мы были бы этому рады. А коли - нет, я был бы Вам признателен, если бы Вы приехали в Ньё-Шатель послушать наш Рахманиновский вечер, может быть, с кем-нибудь из Ваших женеvских музыкальных (не оперных ли?) друзей.

Я очень отчётливо помню Ваше замечание о частых межкантональных трениях в тех краях. А нам бы хотелось, чтобы о нас по больше людей узнало, в частности, в Швейцарии вообще, а не только в Ньё-Шателе. Если бы Ваши друзья могли нам в этом помочь, мы были бы Вам чрезвычайно признательны.

*Ещё раз желаю Вам всего самого доброго.
Искренне Ваш – Иван Шпиллер.»*

*19 августа 1993года, +
Москва
О. Владимир Седов* – маэстро Шпиллеру.*

*«Глубокоуважаемый Иван Всеволодович!
Вас разыскивает проживающая в Швейцарии русская старушка,
урождённая Чичерина*, бывшая лет 30 тому назад в Москве и, как я
понял, видевшаяся тогда с Вашими родителями. Это мне известно от
Ольги Игоревны Энглерт*, проживающей в Лозанне, – она дочь ныне
покойного, служившего в Веве близ Лозанны, протоиерея Игоря
Троянова*. Она хлопочет за эту старушку, и я ей высылаю с Вашего
разрешения Ваш адрес.*

*С уважением – священник Владимир Седов.
P.S: Простите, что задержал с отправкой письма. От души поздравляю
Вас и Ваших близких с праздником Преображения Господня. Всего Вам
доброго».*

*Август 1993 года.
Ньё-Шатель, Швейцария.
Мадам Мариц Фурман – маэстро Шпиллеру.*

*«Дорогой Иван!
Вот несколько картинок (открыток) городка, где мы живём, в пяти
километрах от Ньё-Шателя в виноградниках на берегу озера, таким
образом, у вас будет хоть маленькое представление об этом месте.
Мы радуемся, надеясь на ваш приезд, у нас будет время поболтать,
когда вы будете здесь. Ваш письменный французский так же прекрасен,
как разговорный.*

*Наши лучшие воспоминания и нежные пожелания адресованы
Любе. До скорого свидания.*

Мариц и Валентин*».

(Перевод письма с французского М.С.Кнушевицкой – примечание автора).

Надо ли рассказывать, как тщательно готовили оркестр к этой зарубежной поездке. Но кроме музыкальной подготовки, много сил было отдано организационной стороне. Всё лето побиралось у всех, кого только

можно, чтобы собрать деньги на оплату рейса самолёта, чтобы музыканты со всеми инструментами и реквизитом не бегали из одного аэропорта в другой, а могли спокойно лететь по маршруту Красноярск-Женева-Красноярск. Наконец, с великими трудами, был решён и этот вопрос. Ведь к моменту швейцарских гастролей уже давно не было никаких крайкомов партии, не было Павла Стефановича Федирко. Красноярская власть не по одному разу поменяла руководителей, которым до музыки не было никакого дела и интереса. Приготовились...

Но тут, как во многих произведениях Чайковского, снова появляется тема «фатума». В Москве, накануне отъезда оркестра в Швейцарию, на улицах обосновались танки и расстреляли «Белый Дом». Эти, уже не фарсовые, а трагические политические события чуть не поломали все наши международные договорённости. При такой ситуации нас могли не выпустить за границу свои, могли отказать и благополучные швейцарцы. Обстановка была, мало сказать, нервная. Но маэстро надеялся, что Господь милостив, вот так, помолившись, мы и отправились снова в Европу – теперь уже не Восточную.

Долетели до Женевы вполне благополучно, без опозданий и эксцессов. В порту нас встречали швейцарские друзья, к которым присоединилось несколько человек из русских эмигрантов. Гастроли начались 19 октября 1993 года.

Программа первого концерта в городе Ньё-Шатель была составлена по просьбе швейцарских спонсоров турне из популярнейших произведений П.И.Чайковского:

«Итальянское каприччио», сюита из балета «Лебединое озеро», «Времена года» - февраль, март, июль, сентябрь, октябрь – в оркестровой обработке А.В.Гаука и симфоническая фантазия «Франческа да Римини». На bis приготовили третью часть сюиты №1 и «Подснежник».

Несмотря на то, что швейцарские города, в которых давались концерты, были по численности жителей намного меньше Красноярска, в музыкальном отношении они могли дать нашему большую фору. Там ежегодно бывают оркестры из самых разных стран, городов, и, надо прямо сказать, не худшие.

Перед первым концертом оркестра очаровательная мадам Фурман извинительно предупреждала маэстро Шпиллера, что швейцарская публика холодна и избалована, поэтому красноярцам не стоит огорчаться, если приём на концертах будет сдержанным. Но она оказалась не права.

Атмосфера в зале «накалилась» сразу после исполнения «Итальянского каприччио». А к концу концерта достигла такой «температуры», что и представить было трудно. Та же Мариз в телевизионном интервью, а потом и на сцене зала Дю Ба сказала:

- Когда я слушала этот оркестр, меня поражало и удивляло его редкостное звучание. Несмотря на то, что многие страны Европы и Америки располагают хорошими оркестрами, большинство из них не имеют своего лица. Иван Шпиллер – талантливый художник, блестящий артист,

аристократ. Он добился идеального звучания своего оркестра благодаря именно этим качествам. И мы надеемся, что Красноярский симфонический оркестр ещё не раз покажет на Западе своё лицо, свою яркую неповторимую индивидуальность.

Музыканты, сидящие на этой сцене, прибыли издалека, в прямом и переносном смысле слова. Мы отправились в Сибирь прошлой зимой, и открыли для себя артистов, работающих в условиях невообразимых, но в них живёт невероятная воля к артистическому выживанию, артистической свободе.

К счастью, универсальный язык музыки преодолевает расстояния, политические режимы. Он доказывает, что дух местечка может быть сметен воздухом широкого простора...

На следующий день после выступления оркестра газета «Экспресс» писала:

«Это был он, Чайковский? Симфонический оркестр из Красноярска, руководимый действительно большим дирижёром Иваном Шпиллером, покорила публику во вторник вечером в соборе дю Ба исполнением нескольких страниц Чайковского.

Это было откровение. Естественная музыка, без аффектации, без фиоритур, без отталкивающих рубато, короче говоря – музыка, о которой можно только мечтать, и которая воздаёт истинные почести русскому композитору... Чтобы мы это поняли, нужно было, чтобы музыканты приехали из такого далека.»

Концертный зал, в котором оркестру предстояло сыграть ещё одну программу в этом городе, имел одну особенность – его задняя стена при необходимости могла трансформироваться, то есть раздвигаться, и таким образом зал мог вмещать публики в два раза больше. Для программы красноярцев, посвященной 50-летней годовщине со дня смерти Сергея Рахманинова, зал был увеличен, так как желающих попасть на концерт было слишком много. Приехали меломаны из Берна, Лозанны, Женевы, причём – очень серьёзные. Пожаловали на концерт и гости из русского посольства и консульства.

20 октября 1993 года играли:

С.Рахманинов – концерт №3 для фортепиано с оркестром (солировал швейцарский пианист Оливье Соеренсен*), симфонию №1. На bis были исполнены два этюда-картины в оркестровой редакции Респиги: «Море и чайки» и «Траурный марш».

После танково-пушечной пальбы в Москве сыграть такую программу в концерте за рубежом была немалая смелость маэстро Шпиллера. Публика после грандиозного исполнения симфонии, в которой с удивительным предвидением автор рассказал многотрудную судьбу России, приветствовала музыкантов стоя, долгим шквалом аплодисментов, некоторые даже плакали...

Эта симфония недаром имеет библейский эпиграф: «Мне отмщение и Аз воздам».

Многие годы она была своеобразной визитной карточкой Красноярского симфонического оркестра. Её любил маэстро, музыканты. Интерпретация Первой симфонии Рахманинова у Шпиллера отличалась от прочтений другими дирижёрами. Вероятно, здесь сказывалось и безграничное преклонение перед талантом русского композитора, и то, что восстанавливал утраченную симфонию учитель и друг маэстро – Александр Васильевич Гаук. А, может быть, утонченная изысканность музыки Сергея Васильевича была созвучна душевной изысканности маэстро...

В статье «Памятное исполнение» Жан Филипп Бауэр-Майстер* писал в газете «Экспресс» за 23 октября 1993 года:

«Этот монстр – Третий концерт для фортепиано с оркестром С.Рахманинова совершенно очевидно был написан для того, чтобы показать весь блеск легендарного таланта пианиста, которым обладал композитор. Иными словами, он достигает вершин трудностей, которые заставляют бежать от него большую часть играющих десятью пальцами...

Надо сказать, что пианист О.Соеренсен был поистине с совершенством сопровождается симфоническим оркестром из Красноярска, руководимый дирижёром, который останется незабываемым – Иван Шпиллер.

Приезд в Ньё-Шатель этого оркестра, живущего в закрытом городе в течение 15 лет, вызвал у публики такие сильные эмоции, что зал как бы содрогался, а был он переполнен настолько, что пришлось отказать желающим.

Сибирским музыкантам удалось достичь такого уровня совершенства, которому другие оркестры, гораздо выше котирующиеся, могут только позавидовать. Звучание полное, красочное. Палитра оттенков – богатства бесконечного, контрасты впечатляющие, а главное – сибиряки любят музыку и... любят играть. И вот мы далеко от оркестров ремесленников, которые сеют смертельную скуку.

А каков дирижёр! Точный, ясный, предвосхищающий своих музыкантов, вдыхающий в свои интерпретации безграничную жизнь, великолепно упорядоченную. Иван Шпиллер останется у нас в памяти как один из лучших дирижёров, которых принимал Ньё-Шатель, а ведь было их немало...

Что же можно сказать о Первой симфонии Рахманинова? Исполненная с таким чувством стиля и такой яркой личностью – это была замечательная и великая музыка».

На концерте Красноярского симфонического оркестра среди именитых гостей присутствовал работающий в Швейцарии, талантливый французский писатель и большой

знаток русской словесности Жорж Нива. Спустя два дня, он принимал маэстро Шпиллера в Женеве. Они чуть ни до следующего утра спорили о России и демократии, о том, прав ли был Ельцин, стреляя по своим соотечественникам. Жорж задавался вопросом, куда Россия идёт и может ли

она возродиться? Писатель благодарил маэстро за концерт, вспоминал встречу в Красноярске и выражал надежду, что русская культура не умрёт, потому что даже «во глубине сибирских руд» есть такой замечательный оркестр.

В городке Ивердон концерты прошли с не меньшим успехом у публики и прессы, чем в Ньё-Шателе.

«...Между боязливым и карикатурным исполнением проходит хрупкая граница, где извивается тропинка, которая приводит к поразительной красоте и истинной подлинности. Под управлением Ивана Шпиллера оркестр пошел именно по этому идеальному пути, который привел к роскошному исполнению симфонии №1 ре минор, опус 13 Рахманинова... В сравнении с западной эстетикой – тембры сибирских инструментов отличались более округленным и менее мощным звучанием, но этим привнесли необычное звуковое богатство. Точность инструменталистов создала отличное слияние регистров, несмотря на трудную акустику храма, особенно для симфонического оркестра. Это заметное музыкальное отличие особенно выявилось в концерте №3 Рахманинова. Чудесно поддержанный симфоническим оркестром, ещё более тонким партнером, чем камерный оркестр, О.Соеренсен предложил нам очень западную версию концерта.

Когда ещё ивердонская публика сможет насладиться таким великолепием мастерства дирижёра оркестра! Точность, лаконичность его жеста ничуть не мешают живой выразительности, выдают его щедрость, которую он переносит на свой очень восприимчивый оркестр. Иван Шпиллер ко всему прочему – чудесный рассказчик, который отлично плетет нить драмы, поведанной симфонией №1»...

Наши любезные хозяева-швейцарцы организовали для маэстро поездку в город Люцерн, вернее, местечко под Люцерном, где на берегу озера находится имение Сергея Васильевича Рахманинова «Сенар». Очень хотелось Шпиллеру поклониться русскому композитору в годовщину смерти...

Здесь я должна сделать небольшое отступление, и вернуться в своём рассказе в 1927 год.

В конце двадцатых годов Сергей Васильевич Рахманинов много гастролировал в разных странах. В 1927 году – по пути в Европу - он остановился на несколько дней в Софии, чтобы повидать своих родственников. В доме светлейшего князя Андрея Ливена, который был женат на Софье Александровне Стахович*, на званом обеде Сергею Васильевичу был представлен молодой человек - Всеволод Дмитриевич Шпиллер. После беседы с юношей, узнав о мытарствах молодого эмигранта на чужбине, Рахманинов предложил ему стипендию для получения высшего образования.

- От стипендии папа с благодарностью отказался в пользу совсем неимущего молодого человека, так как к тому времени сам смог что-то заработать. Но эта встреча с Рахманиновым на всю жизнь запала папе, да и

мне в душу,- рассказывал маэстро Шпиллер, - я всегда считал себя обязанным Сергею Васильевичу за это предложение моему отцу. А музыку Рахманинова я очень любил, всегда с удовольствием её играл, и старался это делать по возможности лучше...

Не знаю, как именно продолжились отношения отца Всеволода с семьей Рахманинова, но есть одно свидетельство, что эти отношения – не с самим композитором, а с его дочерью, оставшейся в Европе,- у батюшки были. И перед поездкой в Швейцарию маэстро Шпиллер сделал ксерокопию письма Бориса Конюса*, чтобы подарить эту копию внуку Рахманинова - Александру, живущему в «Сенаре». Вот текст того письма:

Париж.

20 ноября 1980 года.

Борис Конюс - отцу Всеволоду.

«Глубокоуважаемый и очень дорогой сердцу моему отец Всеволод! Всегда вспоминаю Вас, всегда помню Вас и молю Бога, Господа Иисуса Христа, чтобы Он оплатил Вам за Вашу молитву о покойной моей жене Татьяне*, которая умерла в 1961 году. Я боюсь, что никто из моих друзей и знакомых не передал Вам мою любовь и благодарность, как я всегда просил.

Молитесь о рабе Божией Татьяне*, отец Всеволод, Бог Господь заплатит Вам.

Искренне и глубоко уважающий Вас - Борис Конюс»

На приглашение маэстро Шпиллера - посетить концерты Красноярского оркестра - Александр Рахманинов* (он же – Конюс) никак не откликнулся (может быть, его не было тогда в Швейцарии). Иван Всеволодович решил всё-таки поехать в имение, путь даже просто постоять у ворот этого дома, где жил и работал гений русской музыки.

На берегу озера нас ждала лодка, очень похожая на рахманиновскую. Оказалось, что моторист и хозяин её – внук лодочника, который работал у Рахманинова. Милый господин Вюрт* много и с большой любовью рассказывал нам о Сергее Васильевиче, как о своём близком и родном человеке. Подъехали к имению со стороны озера, посмотрели на дом. После прогулки по озеру – на территорию имения войти, к сожалению, было нельзя – мы постояли у памятника пианисту, дирижёру и композитору Рахманинову, который красиво расположен на берегу рядом с мачтами и парусами яхт. На зелёной лужайке у памятника швейцарцы ежегодно устраивают музыкальные фестивали, концерты – приношения одному из величайших композиторов XX столетия.

Тот же господин Вюрт, влюблённый во всё русское, предложил нам подняться в Альпы и заказал для нас по телефону обед в одной из хижин. Поднявшись за облака, мы увидели невероятную, сказочную картину: цепь

ледяных вершин среди альпийских лугов. Здесь звучал каждый ручеёк, играла красками каждая травинка, один домик не был похож на другой. Маэстро долго сидел на смотровой площадке, впитывая альпийский пейзаж и его звуки. По приезде из Швейцарии домой он сразу сыграет симфонию Чайковского «Манфред». И особенно прозрачной в этом исполнении будет часть, где резвится в альпийских горах фея водопада. Шпиллер не раз обращался к программной симфонии «Манфред», каждый раз добавляя в трактовку произведения что-то новое, вот и альпийская прогулка обогатила его звуковую палитру...

После окончания гастролей, когда оркестр уже улетел благополучно в Красноярск, а маэстро ещё несколько дней оставался в Швейцарии, Шпиллер был приглашен на приём к русскому послу в Берне. Перед поездкой в посольство мы сидели в крохотном кафе, ожидая пока Мариз и Реймонд, которые тоже получили приглашение, приготовятся к визиту. Маэстро много шутил, озорничал. Но его хорошее настроение чуть не испортило досадное недоразумение. Он как-то неловко взял стакан только что выжатого сока грейпфрута и опрокинул его себе на крахмальную, белоснежную рубашку. Времени до начала приёма оставалось немного, ехать переодеваться было некогда, а опоздать к послу – скандал!!! Мы стали (в ужасе) метаться по магазинам в поисках нужной рубашки. Наконец, маэстро был вновь подобающе одет, весел и радостен, и мы отбыли на дипломатический раут.

Описывать этот прием, думаю, нет особой необходимости. Шпиллер там был очарователен, его безупречные манеры произвели очень хорошее впечатление. Посол и служащие посольства были в большом восторге от него, от Красноярского оркестра, говорили много хороших слов, обещали всяческую поддержку в дальнейших зарубежных отношениях сибиряков со швейцарцами. Но время – беспокойное и ненадёжное время девяностых годов, когда каждый новый день приносил стране свои неожиданности, - оно быстро разметало людей в разные стороны. Дальше слов и намерений дело потом не очень двигалось. Многие тысячи километров - при почти абсолютном безденежье - преодолевать было невероятно трудно!

Берн запомнился ещё одной поездкой – в музыкальный магазин, где Шпиллер провел больше трёх часов. Он искал авторскую оркестровую редакцию небольшого произведения Сергея Васильевича Рахманинова «Вокализ» и вторую авторскую редакцию «Альпийской симфонии» Рихарда Штрауса, где состав оркестра значительно меньше, чтобы исполнить это сочинение в Красноярске. Было ещё какое-то – третье название, которое интересовало маэстро, но точно не помню какое. Служащие магазина, переходя от компьютеров к полкам, употели в поисках нужных ему партитур. Но эти ноты были собственностью отдельных зарубежных фирм, и маэстро приобрести их не смог. Он купил только авторскую редакцию сюиты из оперы «Кавалер роз» Рихарда Штрауса, она была мало известна в России (или совсем неизвестна, широко исполнялась сюита вальсов), но весьма заинтересовала Шпиллера.

Когда он стал рассчитывать за покупки, служащий магазина вдруг ему говорит:

- Вы знаете, у нас для профессионалов скидка, - и назвал какую-то приличную цифру. Маэстро тут же попытался показать удостоверение, что он действительно профессионал.

- Нет, нет, месье, документов не нужно. Характер Ваших вопросов и просьб уже говорит о Вашем профессионализме!

Реймонд, узнав о скидке, был очень огорчен.

- Почему-то мне они никогда не предлагали скидку!- сказал он обиженно Шпиллеру.

Поездка подходила к концу, наставала пора уезжать из столь приветливой и понравившейся Швейцарии. Оставался один обязательный визит – в Лозанну, к старушке, которая через московских друзей и знакомых искала Шпиллера.

Когда мы вошли в квартиру Ирины Борисовны Серезоль* – урождённой Чичериной, словно машиной времени перенеслись из двадцатого века в Петербург девятнадцатого столетия. С фамильных портретов на стенах на нас смотрели умные глаза вельмож, придворных дам. Даже японская ширма, времён войны за Порт-Артур, казалось, была удивлена нашему приходу. Только слепой пудель не обращал особого внимания на визитеров, хотя и поздоровался для порядка, чуть слышно тявкнув.

Принимавшая нас хозяйка не только была знакома с родителями маэстро Шпиллера, но и являлась близкой родственницей семьи Исаковых, то есть мамы маэстро Людмилы Сергеевны.

- Я думала, что уже никогда не смогу Вас увидеть и навеки останусь должником Янчика! – очень грустно сказала Ирина Борисовна, - Ваша мама в пятидесятых годах, когда семья переезжала в Россию, просила меня сделать некоторые покупки для подарков. Людмила выписала мне со своего счёта деньги. Но от покупок осталась небольшая сдача, которую я положила снова в банк. Прошло больше сорока лет с тех пор. Вот я и беспокоилась, что умру, не успев отдать Вам этого долга!..

Она вынула конверт и передала его маэстро. Конечно, по нынешним меркам каких-нибудь новых русских, сумма была ничтожна. Но совершенно поразительным был факт удивительного воспитания людей, теперь уже ушедших на небеса, но оставшихся в истории нашей страны. Людей другого, благородного воспитания, в котором не было мелочей!

Мы пили чудный кофе, неспешно разговаривали, пригревшись на солнышке, об оконное стекло билась оса, - и так не хотелось покидать этот мир, уходящий от нас навсегда, обитателей этой странной, какой-то ирреальной квартиры!

Словно в подтверждение сказанного выше, в записных тетрадочках маэстро нахожу такую запись по прочтении мемуаров князя Сергея Волконского:

« Любовь к прошлому – первый признак культуроспособности, потому что это есть любовь к тому, что не меняется. Поэт Шиллер* писал:

«Тройственен времени полёт:
Завтра медленно подходит,
Как стрела, летит наш миг,
Лишь прошедшее недвижно!»

В этой неподвижности тот покой душевный, который находим в соприкосновении с прошлым. И воспитательная сила прошлого в том, что оно учит уважать то, что не меняется. Отсюда воспитательная сила тех стран, у которых большое прошлое».

20 ноября 1993 года.

Красноярск.

Маэстро Шпиллер – Л.В.Бенвенутто* в Швейцарию.

«Дорогая, чудная Людмила Васильевна!

Знакомство с Вами доставило нам не только огромное удовольствие, но и счастье, от того, что в далёком от нас краю, мы нашли столь горячее, искреннее в наших делах участие. Ваше присутствие на концерте, Ваши беседы с нами - помогли нам. Мы чувствовали поддержку друга, родственную душу. Спасибо Вам за то, что Вы есть в нашей жизни.

Будем бесконечно счастливы, если наше знакомство продолжится перепиской, а, может быть, и увидимся, Бог даст, ещё раз.

Передайте от нас самые добрые слова и пожелания Вашему мужу лорду Нилу. Нам очень хочется, чтобы вы оба были здоровы, здоровы и здоровы.

Посылаем Вам маленькие сувениры от нашего берега вашему. Пьесы Михаила Булгакова, надеюсь, доставят Вам радость. А так как сэр Нил не читает по-русски, он сможет ещё не раз послушать наш оркестр: Петр Ильич Чайковский «Симфония №1 – Зимние грёзы». Здесь будет и русская зима, и русская душа, и некоторая грусть. Эта симфония была навеяна путешествием композитора на Валаам. Нам кажется, что для Рождества она подходит.

Обнимаем и целуем вас обоих. Будьте здоровы и благополучны. С глубоким уважением и признательностью – семья Шпиллеров».

(*Л.В.Бенвенутто – падчерица русского театрального режиссера Саннина, из русских эмигрантов первой волны – примечание автора).

20 ноября 1993 года

Красноярск.

Маэстро Шпиллер – Georges Murtez в Швейцарию.

«Многоуважаемый, милейший Юрий Романович!*
Надеюсь, Вы в добром здравии, а от Вашего кашля не осталось следа.
Наше пожелание и, если позволите, наказ: не хворать ни при каких
обстоятельствах. Договорились?

По приезде в Красноярск, мы вспоминаем наше замечательное
знакомство с Вашей семьей, прекрасный восточный ужин. Наверняка,
будем ещё много, много раз перебирать в памяти мельчайшие
подробности этого вечера. Так приятно встретить за тридцать земель
соотечественников. До слёз обидно, как далеко разбросала Россия своих
чад, но какой-то сверх естественной силой живы русские традиции,
язык, дух.

Мы хотим поздравить Вас и всё семейство с Рождеством и
наступающим Новым Годом. Пожелать всем и малым детям, и
взрослым здоровья, потому что здоровый человек – счастливый. А в
качестве сувенира посылаем Вам плёнку с записью нашего оркестра,
которая была сделана в 1991 году в Белграде, городе, по-своему очень
связанном с Россией. Это «Шехеразада» Николая Андреевича Римского-
Корсакова, нашего чудного русского сказочника. Слушая эту музыку, до
Турции вы не доедете, но на нашем русском Востоке побываете. Вы
услышите сказки «Тысяча и одной ночи», прелестные мелодии, увидите
яркие краски, может быть, они навеют Вам свои воспоминания.
Надеемся, что эти минуты доставят Вам и дому удовольствие.

Мы были бы рады новой встрече с Вами, и будем счастливы
мысленно оказаться у вашей ёлки!

Обнимаем Вас и всех домочадцев.

С глубокой признательностью - семья Шпиллеров».

(Georges Murtez – эмигрант первой волны. Революцией в начале XX века он
был вынесен из Петербурга в Турцию, а спустя годы, оказался в Швейцарии.
Судьба Юрия Романовича была во многом схожа с судьбой отца Шпиллера –
примечание автора).

Ноябрь 1993 года,
Красноярск.
Маэстро Шпиллер – Оливье Соеренсену*.

«Дорогой Оливье!
Благодарю Вас и Ваших чудесных родителей за всё и от всего сердца.
Так как директор болеет, деловую часть беру на себя.
Предлагаю Вам принять участие в наших рождественских вечерах в
одном концерте - с концертом Равеля соль мажор - 25 декабря 1993 года и
одном сольном концерте 26 декабря. Репетиции 24 и 25 декабря. Приезд –
23 декабря.

В Москве Вас встретят и пересадят в красноярский самолёт. Гостиница с питанием Вам будет заказана с 23 декабря.

Концерт ре минор я бы просил в этот приезд не играть. Мы можем к нему (или другому концерту) вернуться в начале февраля, после записи Рахманинова.

Позвольте мне ещё 7 или 8 дней не называть сумму гонорара, который мы в состоянии будем Вам предложить. Вы знаете о наших трудностях, поэтому не судите нас строго! Гонорар, достойный Вашего таланта, мы предложить не сумеем, но покрыть дорожные расходы и обеспечить некоторую сумму сможем.

Прошу Вас подтвердить Ваш приезд и сообщить сольную программу. Желательно передать с Пьером*, который вылетает в воскресенье, рекламный материал о Вас. Пожалуйста, сообщите, когда Вы хотите вылететь назад: сразу 27, или провести у нас день-два погостить?

На обратном пути в Москве Вас встретят и проводят в другой аэропорт.

С нетерпением жду Ваше подтверждение.

Жена и я Вас обнимаем и радуемся предстоящей встрече.

Ваш Иван Шпиллер».

(Письмо было написано по-французски, цитирую по русскому черновику. Примечание автора).

Той же осенью 1993 года, сразу после поездки в Швейцарию, приказом Министерства культуры России Красноярскому симфоническому оркестру было присвоено высокое звание – «Академический».

... «С успехом проходят Рождественские музыкальные вечера на Енисее – второй по счету праздник музыки в Красноярске, - писала газета «Вечерний Красноярск». В субботу и воскресенье в Малом концертном зале звучали произведения Бетховена, Равеля, Шопена, Рахманинова, а также замечательного русского композитора В.И. Ребикова, родившегося в нашем городе, но почти не известного сегодняшним слушателям.

На бис принимали слушатели выступления академического симфонического оркестра под управлением народного артиста России Ивана Шпиллера и великолепную игру швейцарского пианиста Оливье Соеренсена. Этот 36-летний музыкант и педагог, концертировавший во всех европейских столицах, а также в США и Японии, покориł сибиряков романтическим стилем исполнения. Не менее тепло были приняты и другие наши гости...»

1994 – 1996 годы.

Красноярск – Пусан – Москва...

«Я поднялся на холм,

*Полон грусти, - и что же:
Там шиповник в цвету!»**

Стенограмма репетиции.

С.Рахманинов «Симфонические танцы» 1 часть:

- № 14. Нельзя, чтобы Ля скисала. Это другая фраза получается.
- № 16. Нам бы с вами договорится, первые скрипки и виолончели. Три ноты перед № 16 – не очень большим звуком. Вычеркните крещендо, или не делайте его так старательно большим.
- Двухчетвертной такт – это протяжная песня, очень благородно, ровнее... Что это вы так переживаете?! Ми – очень певуче, ласково, женственно...
- Хорошо, молодцы!
- Третья и четвертая четверть звучит безумно громко. Левая рука вырывается (замечание вторым скрипкам и альтам).
- № 17. Первые скрипки играют точки, прерывая фразу, делая её рубленой. Играйте линию слитно, точек тут нет!
- Давайте найдём другой характер - трехчетвертной такт этого эпизода, чтобы было не легковесно, а таинственно.
- № 22. Сыграли правильно, но я бы вычеркнул фортиссимо и сыграл крещендо, а фортиссимо на последней заливочной ноте. Давайте так и попробуем.
- № 24. Сыграйте, пожалуйста, дерево. Не тяните восьмушки, вторые скрипки, гобой и рожок - фортиссимо, а то ничего не слышно. Везде, где у рожка пьяно, – играйте форте, а то не слышно! Бас-кларнет и кларнет – ярче.
- № 26. Эта тема – новая. Её не было раньше. Облегчите, прозрачнее, перенесите её в область воспоминаний о чём-то очень, очень дорогом...
- Здесь я просил бы валторны сделать пианиссимо. Можете спросить – почему? Но и сами понимаете...почему.
- № 28. Кларнеты, фаготы - не снимайте раньше, дыра получается.
- Последний такт не опаздывайте! Здесь в темпе строго!! (валторнам)
- № 32. Дайте на секунду аккомпанемент. (Играют). Пиццикато – тихо, но певучей! Дайте звуку плыть!
- № 34. Заторопили восьмушки, и такая дешёвизна пошла, ай-яй-яй! До этого всё было благородно...

7 марта 1994 года,

Женева.

Писатель Жорж Нива – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иван Всеволодович!

Я Вас очень благодарю за книгу о Вашем отце. Она очень интересна, и была как бы продолжением наших разговоров, и нужным, очень волнующим продолжением моего с Вами знакомства. Ваш визит в Швейцарию остался как важное событие, одно из тех радостных событий из чего соткана наша жизнь. Помню все детали нашего разговора втроём после Вашего выступления в Университете. С тех пор многое дальше прояснилось. И фантомы стали реальны, а реальность стала фантомной. Мне очень всё больно. Я не хочу, совсем не хочу, чтобы Россия стала «западной», но я очень надеюсь, что начавшееся «чудо» продолжится. Я отказываюсь думать, что Россия не способна к политической свободе. Я не говорю о внутренней свободе, на которую Россия способна в любых обстоятельствах – этому свидетель Ваш отец. Но и в области политики, Россия способна построить по-своему «новый град». Никакой Жириновский* не остановит этого.<...>

Дорогой Иван Всеволодович, я рад, что познакомился с Вами, что увидел Ваше чудодейственное дело в Красноярске, что общался с Вами и Вашей женой. За всё Ваши соотечественники должны быть Вам благодарны. Но не только они. Мы здесь, я здесь тоже. Ибо я верю в какую-то всечеловеческую «круговую поруку».

Желаю Вам и Вашей жене всех благ, продолжения Вашей удивительной энергии.

С глубоким уважением -

Ваш Georges Nivat»

23 мая 1994 года.

Вашингтон.

Иван Минас-Беков* – маэстро Шпиллеру.

«Мой дорогой Ян!

Извини, что так долго не отвечал. Дело в том, что когда получил твоё письмо, хотел Тебе сделать пасхальный подарок, но в продаже «Вокализа» Рахманинова нет. Я обратился к моим американским друзьям, и начались поиски. Аранжировок – куча, но то, что нужно не находилось. И как в детективном романе, стали обзванивать все библиотеки штат за штатом, библиотека за библиотекой, но оказалось – всё просто. В Вашингтоне библиотека Конгресса, и как ни странно, там всё есть. Очень помогли твои данные, нашли партитуру в течение часа. Пока искали партитуру, мы воткнулись в каталоги. Обалдеть!! Посылаю тебе партитуру, как получишь, дай знать. Если не получишь, не беспокойся. У меня есть копия, и я буду посылать тебе до тех пор, пока не получишь. Ян! Подумай, может быть, мы можем воскресить то, что потеряно, я это сделаю с большой радостью.

К нам приезжал Патриарх, и меня с моей пианисткой пригласили дать небольшой сольный концерт. Так вот, среди произведений, которые мы исполнили, была «Импровизация» Кабалевского*, ноты я нашёл в библиотеке Конгресса, но самое интересное то, что никто, и даже он сам не знал, что главная тема, это песня нищих, стоящих на паперти и просящих милостыню: «Подайте, Христа ради, копеечку»!

Вот так, дорогой друг! Из-за дали видится и слышится по-новому. В прошлую среду сыграли с моим трио, которое называется «The Washington trio», тройной концерт Бетховена в немецком посольстве, собираемся повторить. Жизнь напряженная и некогда подумать о том, сколько лет, то есть о возрасте.

Ян, дорогой! Целую и напишу подробнее, от всех нас объятия и поцелуи.

P.S: Писал Тебе письмо, и в последнюю минуту, что называется, нашёл молитву Оптинских старцев*. Ещё раз обнимаю.

Ваня»

« В двух последних концертах в этом сезоне Красноярского академического симфонического оркестра исполнялись сочинения, созданные Рахманиновым, Стравинским, Рихардом Штраусом в молодости, – писал музыковед Павел Юхвидин*.- То есть великие мастера предстали в таком же примерно возрасте, как их слушатели – преимущественно студенты, - заполнившие до отказа филармонический зал Красноярска в четверг и пятницу. Солист, сыгравший Первый концерт Чайковского и Третий – Рахманинова – двадцати двух летний студент Московской консерватории Николай Луганский*. Несмотря на молодость и внешнюю сублищность, он уже проявляет себя вполне сложившимся зрелым артистом – играет масштабно, свободно, поэтично. Будем надеяться, на X конкурсе имени Чайковского в Москве, который начинается 10 июня, и в котором Николай Луганский намеревается участвовать, он окажется лучшим. Не зря же студенческая публика его так восторженно принимает!

Академический оркестр, который выходит из подросткового возраста, - будет ему семнадцать – под руководством своего маэстро всё более приобретает вкус к тонким колористическим переливам, изысканной звукозаписи (особенно это было заметно в «Утесе» Рахманинова и симфонии Стравинского) и эффектным звуковым контрастам. Рихар Штраус, видимо, близок Ивану Шпиллеру пышностью оркестровых красок и элегантно ироничностью».

«Главным событием прошедшего года стало присвоение оркестру звания «Академический», - писала другая газета - «Евразия», - Новое звание не принесло коллективу никаких преимуществ – ни увеличения зарплаты музыкантам, ни улучшения материального обеспечения оркестра: появились лишь новые обязанности. Симфонический оркестр давно заслужил право

так называться. Заслужил хотя бы потому, что в сегодняшнее трудное время удержался на том высоком уровне исполнительского мастерства, который всегда был ему присущ. Заслужил ещё и потому, что в состав его входят замечательные музыканты, которые играют хорошую музыку на плохих инструментах и за мизерную зарплату...

Предстоящее лето для академического симфонического оркестра начинается опять же с работы. В июне коллектив приступает к записи компакт - диска. В него войдут произведения Чайковского, Рахманинова, полное собрание сочинений Лядова».

- Несмотря на очень скудное финансирование оркестра, мы предприняли вторую серию записей,- пояснял маэстро Шпиллер в одном из интервью.- Записали - Первую симфонию Сергея Васильевича Рахманинова, его симфоническую фантазию «Утес», несколько рахманиновских этюдов-картин в оркестровой редакции Респиги. Давно хотелось записать «Времена года» Чайковского, которые очень часто звучали у нас в концертах, оркестровую версию этих фортепианных пьес сделал мой учитель - Александр Васильевич Гаук, и сделал превосходно! По предложению некой голландской фирмы оркестр записал все симфонические произведения нашего замечательного русского композитора Анатолия Лядова. Дай Бог нам издать их!

- Прошлый Красноярский сезон был богат самыми разнообразными музыкальными вечерами, которые устраивал ваш оркестр, а нынешний?

- Продолжим циклы, начатые в прошлом году, будут у нас и русские вечера, и венские, и парижские, и будет звучать музыка уходящего столетия.

- За рубежом концерт классической музыки дорогое удовольствие и престижное. В нашем обществе такого почтительного отношения к симфонической музыке, кажется, нет?..

- Тому есть много причин. Я глубоко убежден, что широко бытующая на радио, особенно на телевидении, лающая музыка с её дикими интонациями совсем не безобидна. Её воздействие ужасно. Она превращает каждого из нас в жёсткое, недоброе существо.

Не знаю, надо ли об этом упоминать, но люди у нас стали говорить на каком-то странном языке. Я совершенно не имею в виду сейчас богатство речи, запас слов. Просто речь в быту встречается такая, будто люди не говорят, а ругаются, какая-то непрестанная ругань с утра до вечера. А это потому, что из интонации исчезли приветливость, искренность, присущая русскому человеку добросердечность.

В музыке одну-единственную ноту можно сыграть грубо, ласково, настойчиво, просительно. Если ноты две – возможности ещё больше. А если складывается целая мелодия, то тут и рождается тайна. Тайна музыки!

Я много слышал разных слов в адрес своего оркестра. Но самая большая для меня радость, когда говорят: «ваш оркестр имеет своё лицо»! Вы же узнаете по телефону голоса своих знакомых, по тембру, по интонации. Так узнаётся и оркестр. Вот над этим я все годы работаю изо всех сил. Хочу

разговаривать со слушателями своей интонацией, борюсь с хамством, которое широко бытует в разговорной речи, и, конечно же, лезет в музыку. Мы стараемся разговаривать в музыке с достоинством, уважая достоинство других.

*18 ноября 1994 года,
Москва.*

Наталья Шпиллер – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой наш Иоаннчик!

Случайно узнала, что Ты не получил письма, посланного сейчас же в ответ на Твоё поздравление.

Хочется сказать самые нежные слова любви, которая за длительное время нисколько не прошла. Думаем и много говорим о Тебе. Мы совершенно не собираемся обсуждать последствия столь долгого отчуждения. Мы только ещё и ещё раз хотим сказать, что Ты для нас родной и близкий Иоаннчик, которого мы, несмотря ни на что, любим, радуемся Твоим успехам и переживаем Твои тревоги, болезни и горести. Обнимаем, любим и всегда ждём.

Твоя тётя Ната, Мирра и Андрюша».

Это последнее письмо Натальи Дмитриевны Шпиллер маэстро Ивану Шпиллеру. Весной 1995 года, когда Иван Всеволодович был в Москве для записи диска концерта Рахманинова – опус 30 с Госоркестром и солистом Николаем Луганским, он провел с тётушкой вечер. В тихой беседе двух талантливых музыкантов и близких родственников было много нежности, воспоминаний и любви - такой запомнилась маэстро последняя встреча с Натой. Летом этого же года Натальи Дмитриевны не стало. Всё старшее поколение большой семьи Шпиллеров ушло...

*Красноярск,
26 октября 1994 года.*

Маэстро Шпиллер – Марине Черкашиной* в Киев.

«Дорогие ближнезарубежники!

Немногим позже Покрова получил письмо. Рад был. Спасибо! (Сегодня – Иверская).

Да, конечно, жизнь меняется, что невооруженным взглядом видно. Много хорошего? Да, конечно. Много плохого? Ещё бы... Значит, хочется подвести итог. Но этим апокалипсическим занятием человеку простому - (а к тому же до недавнего времени ещё и советскому) - заниматься

следует ли? Я и не пытаюсь. Пробую заниматься своим прямым делом. Пока дают. Вот-вот и уже будет нельзя. Я и пытаюсь, как можно больше успеть - даже какая-то жадность обуяла. (Да ведь, к тому же, и потерянного времени в жизни набегает...?!) Работа напоминает каторгу, но добровольную.

Детище моё называется теперь очень смешно: «Академический»...и т.д. Но у меня с ним связаны разные, в том числе и экзотические воспоминания: Камчатка, Владивосток, Хабаровск, Благовещенск (на Китайской границе), Норильск, Петербург, Москва, Белград, Женева и всякое другое...

Прошедшее лето было очень, очень трудным. Для работы – особенно. Но и не только. Много жизней унесло.

Москва... Я стал там бывать всё реже. Недавно был. Где? Извольте: в Лавре, в Донском монастыре, конечно, на кладбищах, в двух храмах (была как раз годовщина Агриппины Николаевны). Да ещё чуть занимался целью своей командировки – в связи со сделанными оркестром записями. Их будут, похоже, издавать, главным образом в Нидерландах. Впрочем, мне они не нравятся, где бы ни издавали.

На счёт Москвы - не знаю, а Сергиев Посад мне понравился многим. Да хотя бы тем, что он уже не «Загорск», по кличке коммуниста, чья настоящая фамилия была Лубоцкий, а не Загорский. Он, кстати, из Нижнего <Новгорода> был сослан... в Красноярский край. Сбежал в Женеву и т.д. В Посаде ведь мы немного жили – года полтора.

Вообще, тянет меня побывать в местах детства, отрочества. Очень хочу в Софию, в Пазарджик. Знаете чего это признак?... Хочу в Болгарию, а зовут в Корею. «Не так живи, как хочется...»

Ну вот, на сегодня, пожалуй, всё. Обнимаю вас и шлю самые, самые добрые пожелания.

Ваш И.Шпиллер»

Осенью 1994 года в жизни маэстро Шпиллера неожиданно произошло замечательное событие. Четырём известным и почитаемым жителям города Красноярска, в том числе маэстро, решением городского совета было присвоено почётное звание:

28 ноября 1994 года.

Свидетельство КРС № 04

ШПИЛЛЕРУ
ИВАНУ ВСЕВОЛОДОВИЧУ

Присваевается звание «Почётный гражданин города Красноярска» - за большие личные заслуги в развитии культуры и приумножении славы города.

Так был оценён огромный труд художественного руководителя Красноярского академического симфонического оркестра по культурному и музыкальному воспитанию сибиряков. Не скрою, Ивана Всеволодовича это звание особо порадовало, он понимал, что годы его самоотверженного служения в Сибири были нужны людям, и принесли свои плоды.

Красноярск,

19 декабря 1994 года.

Маэстро Шпиллер - Марине Черкашиной в Киев.

«Дорогая Марина!

Получил Твоё интересное письмо, но не имел физической возможности Тебе до сих пор ответить. Попытаюсь.

О записях. Мне редко нравится собственная продукция. Запись музыки – штука очень специфическая. Эта работа требует сноровки. Конечно, можно делать с концерта плюс дописки, но так (на сей раз) не получилось.

О вкусах, пристрастиях. Суди по программам сама. Правда, в этих программах многое не отражено. Во второй половине сезона предлагаются: Барток, Бриттен, Элгар, Шостакович, Прокофьев, Лютославский. Репертуар, конечно, расширился. А как иначе? Но репертуар – репертуаром. Это ведь рост - вширь, а главное – вглубь. (Что до Вебера, то мы в год 200-летия сыграли всё для оркестра).

О критике. Я газет не читаю. Никаких! Что-то говорят, пишут. Иногда мне читают, но я почти не слушаю.

В институте я с этого года не работаю. Не хочу больше. В Швейцарии играли Чайковского и Рахманинова, кажется, неплохо. Что до иностранцев, то их много в Москве и Питере, и у Вас, у нас – пока не очень. В музыке. А так – шастают.

Телевизор не смотрю, хотя на днях подарили мне маленький, но хороший, цветной. (Некоторый соблазн). Радио слушать перестал – скучно, да и отбивает охоту работать. Даже больше – жить. Хотя даже думать так – грех!

Кажется, я ответил на все Твои вопросы.

Очень интересные Ты мне прислала приложения. Хороши Харьковские ассамблеи. Жаль только, что не указаны произведения, а лишь композиторы. Музыкальный Харьков... Это хорошо. Впрочем, далеко, далеко.

Осталось мне приступить к поздравлениям. Желаю Вам, дорогие Губареши, доброго 95 года, счастливого Рождества. Сердечно Вас поздравляю.

Отправляюсь на концерт «Русские вечера» - Стравинский («Пульчинелла», скрипичный концерт), Рахманинов (Третья симфония). В этом году ещё один концерт «Венские вечера» (Шуберт, Малер). А там и праздники, и наши «Рождественские музыкальные вечера на Енисее». В этом году - южные корейцы у нас. Может быть, даст Бог ответить им заездом (скорее залётом) в марте? Это город Пусан...

Ну, вот и всё. Желаю вам всего самого, самого доброго.

Ваш – И.Шпиллер»

1995 год изобиловал разными событиями, и в жизни оркестра, и его дирижёра. Начинался год невероятно трудно, интересные творческие планы рушились из-за отсутствия должного финансирования, пришлось даже отменить несколько концертов.

У губернатора Зубова словосочетание «симфонический оркестр» вызывало откровенную долгую зевоту и скуку. Экономическое положение в стране и крае было очень тяжёлым. А тут – надоедают с каким-то оркестром. На все выступления маэстро в печати помощники губернатора ехидно отвечали: «Кто такой Шпиллер, и почему мы должны ему помогать?!» Особо рьяные в команде Зубова говорили даже о том, что оркестр вообще городу и краю не нужен. Лучше на эти деньги развивать сеть ночных дансингов для молодёжи и больше уделять внимание спорту.

Конечно, чиновники лукавили, рассказывая на всяких совещаниях и заседаниях о том, что знают вкусы и запросы молодежи.

Преподаватель университета и долгие годы популярнейший лектор в оркестре музыковед Евгений Андреевич Лозинский писал:

- Прожить жизнь и не знать, что такое симфония, - это преступление по отношению к самому себе. Хорошо помню собственный скепсис, когда Иван Всеволодович заявил о намерении исполнить все симфонии Бетховена в первые годы существования оркестра. Вскоре я понял, что Шпиллер был прав, поднимая планку на большую высоту. Прошли-таки все симфонии Бетховена, затем Рахманинова, Брамса, Чайковского. Исполнили все инструментальные концерты Прокофьева. «Реквиемы» - Моцарта, Верди, Керубини, Брамса с лучшими хорами страны...

На афишах оркестра в качестве солистов блистали имена Бермана и Башкирова, Власенко и Плетнёва, Третьякова и Пикайзена, Яшвили и Исакадзе – перечислить всех невозможно. Сколько замечательных концертов – скрипичных, виолончельных и фортепианных было сыграно. В нашем далёком от музыкальных центров таёжном крае публика познакомилась с произведениями Малера, Брукнера, Бартока, Равеля и Дебюсси, Франка и Рихарда Штрауса, Элгара и Уолтона...

Студенты готовят мне письменные работы, нет, не рефераты, а свободные сочинения после посещения концерта. Молодые люди, несмотря на житейские тяготы, осознают, что в мире есть Красота. Они заполняют по пятницам концертный зал, потому что тянутся к Вечному! Молодёжи нужна не только группа «Му!» или бригада «С».

Вот цитата из сочинения, поданного мне студенткой, после прослушанного симфонического концерта: «... ты не чувствуешь себя подавленным, сломленным. Хочется одновременно петь и плакать. Как жаль, что музыку нельзя выразить словами».

Но газеты, которые разделяли мнение губернатора – и как не разделять! – писали об оркестре уже совсем в других тонах. «Красноярский комсомолец» саркастически вопрошал:

«Звания дают за высокий профессионализм и крупные достижения в области исполнительства. Слова – «академический» и «симфоническая элита страны» - почти синонимы. С чего это вдруг наш оркестр наградили?!»

Материальное положение оркестра, и без того трудное, стало ещё больше ухудшаться. Маэстро Шпиллер вынужден был написать губернатору письмо, с которым решил предварительно ознакомить весь коллектив. Он надеялся, что бывший преподаватель университета - новый губернатор - вникнет в суть поставленных вопросов и попытается их решить.

Губернатору Красноярского края
господину В.М.Зубову

«Уважаемый Валерий Михайлович!

Отдав Красноярску около двух десятков лет напряженного труда, с полной готовностью служить ему до конца дней своих, дело своё я делал в тяжелейших и подчас безнадёжных условиях. И скажу без ложной скромности, худо или хорошо, но делал самоотверженно до сего дня. Того же неустанно требовал и от всего оркестра.

Но не все так могут. Люди не выдерживают. И винить их в этом – нельзя. Несколько человек не выдержали. И не мудрено, так как заработная плата музыкантов не только в соседних сибирских городах – вне зависимости от художественных достоинств их коллективов, но и в самом Красноярске выше нашей. Так, в более чем скромном в художественном отношении оркестре города Иркутска зарплата музыкантов от 400 до 800 тысяч рублей в месяц. У нас же – от 150 до 220 тысяч рублей в месяц. Ушедших артистов заменить нечем, и... оркестра нет. Есть ведь такие, пусть малые шестерёнки, без которых большие механизмы запустить невозможно.

Так называемый институт искусств, разваленный в конец, не справляется с задачей, ради которой он создавался: готовить кадры для симфонического оркестра, оперы, музыкальной комедии, училищ и т.д.

О приглашении музыкантов извне говорить можно ли, когда 17 оркестрантов, а ещё и члены их семей по многу лет по-прежнему живут в

весьма неважной гостинице? На это, кстати, уходит около 20 миллионов рублей.

Не моё дело кого-либо винить и решать: неумелая ли стратегия культурной политики, или злая воля, преднамеренно губящая истинные ценности культуры сегодняшней России и, в частности Красноярского края, тому являются причиной. Это решать не мне.

Я ведь не однократно излагал Вам и вашим помощникам, как и предшественникам, свою точку зрения на стратегически неверную, по моему глубокому убеждению, политику в области искусства у нас в Красноярском крае. Я давно говорю о необходимости вести дело не по принципу Тришкина кафтана или, если угодно, аварийно-спасательной команды, а на принципиально другой основе. Убежден, что, взвесив материальные возможности края, сделав серьёзную оценку того, чем край располагает в области искусства, необходимо ответственно определить приоритеты. Затем, по моему глубочайшему убеждению, надо – оставив отобранное – остальное решиться закрыть! Оставленному же - обеспечить возможность существовать достойно, как с точки зрения артистической, творческой, так и с точки зрения бытовой, то есть материальной.

Это сделать нелегко, как по-человечески (за ликвидацией любого коллектива – судьбы людские), так и профессионально: нелегко отказывать коллективам в художественной стоимости. Тем не менее, другого пути нет, если придерживаться принципа: «лучше меньше – да лучше!»

Но можно ведь иначе: «пожиже, да побольше!» Но ниже определенной ватерлинии – нельзя: корабль тонет, искусство превращается в свою карикатуру.

Трудно это сделать и этически: ответственность на себя взять бывает очень, очень сложно. Но ведь на то и власть, о которой Ключевский говорил, что она сильна «прочна тогда, когда держится на силе нравственной». А для выбора такая именно сила, на мой взгляд, и нужна, так как на весах с одной стороны – некоторое число живых людей, их судьбы, и с другой – обязанность не псевдоискусством потчевать публику, а способствовать духовному возрождению людей, используя великую силу большого искусства, способствовать художественному их воспитанию, формированию вкуса, культуры.

Вы не откажете мне в том, что, излагая эту точку зрения, я никогда не претендовал на вхождение с руководимым мной оркестром в число приоритетов в Красноярском искусстве. Это так, как и то, что Вы сами неоднократно публично называли единственный пока академический коллектив в крае – симфонический оркестр – его гордостью.

Я неоднократно просил, увещевал, умолял: «Не дайте погибнуть Красноярскому оркестру!» Сегодня обязан Вам со всей ответственностью сказать: ещё, кажется, можно было бы, правда ценой сверх усилия, но всё же можно ещё спасти Красноярский академический симфонический оркестр. Но именно – сейчас, или... никогда. Если экстренные меры не спасут дела, ни мне, ни, полагаю, кому-либо другому на моём месте не придумать, чем

можно занять остающихся без дела, квалифицированных музыкантов оркестра, бывшего ещё вчера заслуженно академическим.

Совесь моя – профессиональная и гражданская – полагаю – чиста.

С уважением - Иван
Шпиллер»

Но напрасно маэстро Шпиллер надеялся на понимание. В команде Зубова не было интеллигентных людей, и сам губернатор, видимо, таковым не был. Он даже не счёл нужным ответить на письмо Шпиллера. Но в телевизионных интервью губернатор с деланной искренностью недоумевал, почему симфонический оркестр испытывает трудности, ведь финансируют его так же, как всех остальных - то есть впроголодь! Как мы теперь знаем, даже в руководстве страной в те годы настоящих государственных мужей, да ещё интеллигентных, - не было.

Сложную ситуацию в оркестре на какое-то время всё-таки удалось разрядить за счёт деятельного вмешательства «союза товаропроизводителей». Валерий Иванович Сергиенко, руководивший тогда промышленниками города и края, нашел форму помощи оркестру. До конца концертного сезона удалось дотянуть.

В репертуарной книге маэстро Шпиллера в конце сезона нахожу забавную запись:

«19 мая 1995 года.

Элгар - концерт для скрипки с оркестром, солист – Степан Якович.

Бетховен – симфония № 4.

Аншлаг. Посла Германии не было, но букет от него был. На концерте присутствовал глава фонда Аденауэра».

По какому поводу были высокие гости в Красноярске – не знаю. Но запись сделана рукой Шпиллера. Возможно, их приезд был связан с проведением в начале лета 1995 года музыкального фестиваля стран Тихоокеанского азиатского региона, на который не пожалели денег ни администрация края, ни правительство страны. Оркестр тоже участвовал в фестивальных программах, но главным образом праздник предназначался для различных самодеятельных, танцевальных и фольклорных коллективов, которые устраивали свои шоу на улицах и площадях города.

3 июля 1995 года,

Женева.

Писатель Жорж Нива – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иван Всеволодович!

<...> Я очень опрометчиво принял предложение написать книгу «Куда идёт Россия!», то есть книгу для широкой публики. Я не политик и не

политолог. Так что это будет скорее книга об идеях, о болезнях, о ростках.

Я пишу Вам об этом потому, что я был бы очень признателен Вам за советы, за указание нужных – по - Вашему – чтений. Вообще, мне надобно знать, куда идёт Красноярск, Сибирь, Урал. То есть иметь пульс Вашего региона. А удастся ли ещё выбраться до Енисея?

Я помню наши разговоры, Ваш взгляд пессимистический и думаю, что этот взгляд не улучшился – я ошибаюсь?

Александр Исаевич* (Солженицын - примечание автора) частично (но только частично) меня разочаровывает. Слишком он обращён к прошлому, слишком опасается реформ, (а ведь он поклонник Столыпина).

Думаю всегда с большой эмоцией о Вашем приезде в Швейцарию. Повторится ли чудо?

Кланяюсь Вашей жене. Искренне Ваш –

Georges Nivat»

4 июля 1995 года.

Красноярск.

Маэстро Шпиллер – Марине Черкашиной в Киев.

«Шановна, пани профессорша!

Много дней пытаюсь до Вас дозвониться. Складывается ощущение испорченного(?) у Вас телефона.

Во-первых, - спасибо за трогательную посылку. Очень признателен за добрые слова. Как известно, они и кошке...- приятны.

Во-вторых, - в Москве было безумно жарко. Работать - невероятно тяжело. А так вышло, что половина работы (Рахманинов) перенеслась из-за воспаления лёгких моего Коли (Луганского-примечание автора). Его болезнь меня встревожила, а сам перенос – обрадовал.

В-третьих, - теперь жара здесь. Но я, как «рукомахатель», участвовал в фестивале на протяжении пяти минут, и это позади (антракт из «Раймонды»). Против моих ожиданий - очень хороший китаец из Сингапура, ещё лучше – итальянец (гость городского камерного оркестра), забавный живой американец (больше саксофонист, чем дирижер, джазмен), мой приятель по Белграду, а теперь шеф Пусанского оркестра во главе с их камерным. Это всё дирижеры. О других не говорю: нет на них никаких сил. Да и очень, очень жарко. Я это стал переносить с трудом. Не принадлежу к тем, кто говорит: « я возраста не чувствую».

Ну, вот, жду путёвки, а их что-то пока нет. Но хотел бы «улизнуть» до 15 июля во избежание...

*А получили Вы мои «комиксы» с Титимотей? Неужели не дошли?
Обнимаю и шлю самые-самые добрые пожелания.
Ваш Иван».*

Странички из моего дневника. Август 1995 года:

«Отпуск провели в Москве. После похорон Натальи Дмитриевны отдыхали в санатории «Подмосковье». Маэстро много занимался с новыми партитурами (симфонии Сибелиуса) и расшифровывал магнитофонные записи проповедей своего отца.

Совершили прогулку в Серафимо-Знаменский скит, который находился неподалёку. Святое место загажено! А какая славная и знаменитая история русской церкви связана с этим скитом. Ничего беречь не умеем!

В санаторий к нам приезжали парижские знакомые, семья русских эмигрантов Макаровых, они хорошо знали батюшку Всеволода по Болгарии. Оба очень милые, но теперь уже больше французы.

В Москве хотели заказать новый фрак для Шпиллера. Пришли в мастерские Большого театра. К нам вышел сухонький старичок и сказал, что ему по поводу маэстро уже звонили из Магадана (!?)

- Да, я там работаю начальником тюрьмы и по совместительству дирижирую! – отпарировал маэстро.

Видимо, вышло недоразумение, «портняжка», скорее всего, перепутал Красноярск с Магаданом, но на его лице – от комментария Шпиллера – появилось выражение такого неподдельного ужаса, что он тут же ответил:

- Я одеваю всех дирижёров Москвы, даже Светланова, поэтому Вам шить фрак не буду!!

Мы вышли из мастерских, и несколько дней хохотали до слёз, вспоминая сцену! Придётся теперь шить фрак самой, старый безнадёжно тесен, у нас заказать некому.

Маэстро начал готовиться к обменной поездке в Корею, отношения с которой завязались через «Самсунг» ещё три года назад».

10 сентября 1995 года:

«Сегодня открыли очередной концертный сезон. Рахманинов – симфония №2. Моцарт – увертюра к опере «Волшебная флейта», двойной концерт-симфония. Народу в зале полным-полно, море цветов. «Дядя Ваня был в ударе!» Концертом маэстро удовлетворён. Я успела сшить ему новый фрак. Он вполне приличен.

Всю ночь собирала чемодан. Мой глупый муж сбил кодовый замок, и мои многочасовые попытки открыть чемодан закончились только мозолями

на пальцах. Пришлось ломать замки, и упаковывать всё заново в другой. Провозилась до пяти утра».

Утро 11 сентября:

«Улетаем в Южную Корею. Американцы-летчики переводят нас в первый класс, показывают Ивану Всеволодовичу кабину самолета - «Дуглас». Маэстро счастлив, как ребенок, глаза горят. Летим как белые люди. Всё хорошо!»

12 сентября 1995 года:

«В 20 часов 40 минут вылетели из Москвы в Сеул. В аэропорту Шереметьево нам сказали, что багаж могут сразу отправить в Пусан, и о нём не нужно больше беспокоиться, только при пересадке на Пусан заявить талон. Через 12 часов мы поняли всю ненавязчивость русского сервиса. Летели сносно, на ИЛ-96, только очень долго. Спина не гнётся.

Маэстро всю дорогу задавал один и тот же вопрос: «Зачем мы летим в эту Корею?!» Озорничал, вел себя по-хулигански - от волнения, полагаю.

Подлетали к Сеулу утром. Панорама горных островков очень впечатляет. Аэропорт в Сеуле огромен, безупречная чистота – всюду. Мы переехали на автобусе на терминал «domestic», то есть местные авиалинии, пришли на регистрацию билетов в Пусан. И тут нам сообщают, что между Кореей и Россией нет договора об обслуживании пассажиров. Два корейца довольно вежливо и терпеливо искали наш багаж по компьютеру, объясняясь с нами с грехом пополам на английском языке - (говорят они очень непонятно, больше – по-птичь). Мы начали носиться, как угорелые, с одного терминала на другой в поисках чемодана, бесконечно выясняя, где же он находится. С немалым трудом добились, наконец, чтобы нам его выдали. На регистрацию самолёта в Пусан прибежали в последние минуты, заплатив шесть долларов за услуги корейцам.

Полетели в Пусан. Через 45 минут полёта открылся величественный вид: море и островки в нём, много пароходов, катеров, лодок... Ни с чем не сравнимая графика. Аэропорт в Пусане не менее привлекателен. Дождь, не жарко, но в отличие от Сибири – все же лето!

Нас встречали: менеджер Пусанского оркестра и болгарский валторнист Ванчо, работающий по контракту в Корее. Ванчо с букетом хризантем, менеджер с зонтиком для нас.

Город тянется по побережью. Много небоскрёбов, но опять – таки всё застроено островками. Всю дорогу маэстро и Ванчо болтают по-болгарски. Валторнист жалуется на коварство корейцев и сложности жизни. Но так как в Болгарии большие трудности с работой, и переходный период от социализма не дает возможности прилично существовать, он вынужден ездить на заработки. За разговором подъезжаем к гостинице «Корона». Она не на берегу, там отели очень дороги. «Нумерочек» у нас - скромн, но стоит 66

долларов в сутки. Он как-то по-восточному неуютен, хотя обставлен в европейском духе. Мы все-таки привыкли жить по-другому. Очень давит совсем низкий потолок.

Часа три-четыре отсыпаемся после 15 часов полета (в общей сложности).

В 19 часов пришёл Чавдарский*, дирижёр и наш знакомец по Белграду, теперь здесь руководит оркестром. Идём ужинать в корейский ресторан в гостинице. Еда очень специфическая, выбор большой. Шведский стол. Но мне - мало что по душе. Маэстро лопал всё подряд, очень хвалил, но, уверена, что больше из вежливости. Знаем мы его штучки!

После ужина гуляли по городу. Он весь в цветных огнях рекламы. На улицах полно народу, масса лавчонок-фургончиков со всякой снедью, товарами. Но всё для европейца какое-то чужое, холодное, отстраненное. Преследует запах морской капусты смешанный с едкими корейскими приправами.

Наконец, падаем в постель. День, слава Богу, прошёл, он начался для нас в Москве 12 сентября, а закончился 13 - в Пусане».

14 сентября 1995 года:

«Утром, за кофе мы обнаружили, что напряжение в гостинице 110 вольт и система электричества другая. Но Чавдарский, оказывается, ещё накануне попросил принести нам переходник. У нас бы принесли?! А тут – пожалуйста. Шпиллер заметно нервничал перед первой репетицией. И опять тот же вопрос: «И зачем мы приехали в эту Корею?!»

В 8 часов 40 минут за нами приехал господин Парк*. Концертный комплекс состоит из трех залов. Архитектура своеобразная, но вполне современно и красиво. От крыльца открывается панорама на город и море. Чудный вид! Воздух! Всё невероятно ухожено. Нам бесконечно кланяются, поклон у них – норма.

Репетиции проходят не в зале, как у нас, а в специальном помещении. Оно большое, без окон, кондиция не очень хорошая. Душно!

Концертмейстер оркестра – молоденький кореец, выучен в США. Он задает немало вопросов по партитуре Второй симфонии Рахманинова, чувствуется его большая подготовка. Сверяют тексты изданий, нашего и того, что в Корее.

Маэстро улыбается, но прилично нервничает, путает очки, берёт другие, опять что-то перекладывает.

В 9 часов 30 минут репетиция начинается.

Вторая симфония Рахманинова труднейший материал для русских музыкантов, а корейцы?..

Вступили кто – куда, но дальше текст играют точно. Чувствуется, что репетировали. Но Шпиллер начинает тут же менять звучности у групп, чтобы выстроить свой баланс.

Оркестр больше нашего, неплохой, даже в чём-то профессиональнее. Но привыкли играть громко и крупным помолом. Шпиллер требует тонкой длинной фразировки, все время убирает большие звучности. Оркестр его понимает хорошо, но разговор на английском языке им труден, лучше реагируют на итальянские обозначения.

Иван Всеволодович выкладывается, как на концерте. В первый же час рубака – хоть выжми. С музыкантами не заигрывает: строг, точен, всё по делу. Останавливает много, но пытается прочесть симфонию до конца. Оркестр очень старается выполнить все его замечания, тут же делают пометки в нотах, дисциплина прекрасная. Инструменты в оркестре есть очень богатые, звучание более сочное, красивое. Но ритмические музыкальные эпизоды даются корейцам с трудом. Видимо, у них другой ритмический рисунок.

После репетиции оркестранты угощают нас ланчем, принесли в комнату отдыха в разовых коробочках из фольги. Мы благодарим, но гадость – невероятная! Давимся (особенно я), но едим.

Первым репетиционным днем дяденька доволен, но весь, как из бани, распарен.

Днём я бегала в магазин, искала тесьму для фрачных лампасов, но в огромном универмаге так и не нашла, обегав 16 этажей. На вопрос: «где такой отдел?» – эти «дуньки» отвечают одно: «здесь нет, не знаем». Мой английский желает много лучшего, а они – вообще «чурки».

У всех корейцев (включая детей), мобильные телефоны. В России это такая редкость, очень дороги, и нам не по карману.

Вечером едем в гости к Чавдарскому. Он пригласил на балканский ужин нас и болгарина Ванчо. Три Ивана на краю географии, в азиатской стране устроили «Славянский базар», отведя душу на болгарской мове.

Живёт Чавдарский на берегу моря, очень дорогой квартал с южной пышной растительностью. С балкона открывается великолепие бухты с мириадами цветных огней от рекламы. Возвращаемся в гостиницу по набережной. Бьет волна, невероятно красочен город. И в этой ночной суматохе больше чего-то человеческого тёплого. Прогулка по берегу доставила истинное удовольствие. Маэстро даже рвался остаться на пляже, где много парочек сидело. Но не купались, уже холодно. Пляж с привозным песком».

15 сентября 1995 года:

«Вторая репетиция начинается с финала симфонии. Все замечания, которые были сделаны вчера, – забыты. Ритмически опять бестолково. В помещении душно. Маэстро дышит как рыба, выброшенная на берег. Весь мокрый! Первый час звучат громко, особенно медь и ударные. Скрипки пищат.

В антракте «дядя Ваня» ругается последними (ему присущими) словами: говнюки! Конечно, его раздражение от оркестра тут же выливается на меня...

Фактура симфонии не получается так, как это замечательно звучит у нас. Нет той трепетности и чувственного переживания. А главное, им – азиатам не понять, что есть в симфонии эпизоды, которые нужно сыграть с любованием чисто христианским, в котором и предстояние перед Господом, и благодарение, целый комплекс православных чувств. Что и отличает музыку Рахманинова от Бетховена и других. Корейские музыканты пытаются рвать страсти, получается грубо, суетливо, нет смысла жизни, нет предстояния перед Богом и людьми, нет покаяния, в чём загадочность, и русской души, и русской культуры, в частности, музыкальной.

Кстати, церквей здесь много. Но они какие-то ни на что не похожие. Почему-то зеленый крест, или белый! Протестанские?..

Хорошего певца отличает от другого прежде всего умение дышать, и дышать длинно, переходя от одной фразы к другой незаметно. Хороших музыкантов – тоже, фраза не должна быть рваной. Но это зависит от дирижёра, который руководит оркестром. Гастролёр за четыре дня научить этому не может. Его цель выстроить контуры произведения, то есть форму. Конечно, без содержания – форма никого не затронет, будет мертвой, скучной. И тут всё или многое зависит от класса оркестра и его подготовленности к данной программе. Хотя, национальный менталитет, вероятно, тоже – дело не последнее.

Болгарин-валторнист, при всей его симпатичности, нашему в подмётки не годится, хотя свой и такой... (не буду употреблять того слова, которое он заслуживает).

На втором часе немного репетировали Рахманинова, и перешли к Моцарту. Все-таки ритмически они бестолковы. Ну, и конечно, орут опять в полный голос, маэстро приходится многое переводить в *molto* пианиссимо... Но Моцарт им, вроде, больше по зубам, чем Рахманинов. Думаю, что к концерту дойдут и в Рахманинове.

Вечером гуляли по городу. Зашли поужинать в малюсенькую харчевню. Нам принесли на подносе несколько горшков с рисом, приправами и морскими гадами: раками, моллюсками. Тут же на другой половине харчевни ужинали корейцы. Они сидят на полу по-турецки. Мы с палочками едва-едва справляемся, они лопают очень ловко.

Маэстро ужином был доволен, попросили принести ещё, но не тут – то было. Хозяйка долго кланялась, затем взяла с нас двойную цену (явно ободрала дураков - иностранцев), но больше ничего не принесла. Мы вышли из харчевни, плутали по стареньким проулкам, совершенно узеньким, заставленным всяким добром от гвоздей, до машин, которое продаётся здесь всю ночь. В гостиницу приплелись без сил. Ещё два слова об ужине. Мне эти моллюски совершенно не понравились, хлеба не дают, он здесь редкость и очень дорогой. Таким ужином, на мой взгляд, только кошек травить! Но, слава Богу, хоть чем-то доволен маэстро».

16 сентября 1995 года:

«Утро очень нервное. Шпиллер проклинает наше пребывание в азиатчине. Говорит, что впервые в жизни не хочет идти на репетицию, мечтает, чтобы всё поскорее закончилось. «Зачем мы приехали в эту Корею?!» Я в довершении всего не посмотрела - на месте ли его очки. Конечно, мы их забыли. «Пилил» он меня всю дорогу до зала, но не решился сказать господину Парку, чтобы вернулись. Когда репетиция началась, я упростила какого-то оркестранта свозить меня в гостиницу за очками. Села в машину и заплакала, такая жуткая тоска от всего! К тому же запретили курить в дирижёрской, хотя в первый день кивали головами: «можно, можно!» Эти азиаты начинают очень раздражать.

Приехала на репетицию. Играют Рахманинова. Плохо. Всё время орут, грубо! Корейцы впервые играют Рахманинова – для них всё в диковинку! Здесь любят большие развлекательно-эстрадные программы. Публика на серьёзную музыку, говорят, не идёт, она корейцев мало интересуется. Зато в других репетиционных залах корейский оркестр бьёт в свои барабаны с удовольствием. Они (барабаны) скорее всего пользуются спросом у публики. Это и понятно. Своё.

По итогам этих репетиций можно сделать вывод, что в музыкальном отношении здесь глухая провинция – то есть дыра! Прав был маэстро, когда не хотел сюда ехать. Они нам неинтересны по большому счёту, а мы со своим аристократизмом не нужны им. До тонкостей они просто не доросли.

Последний час на Моцарте маэстро начал гонять оркестр за интонацию так, что сразу был сдвиг и результат. Он с ними слишком вежлив.

После обеда пошли гулять по городу. Недалеко от отеля есть лавочка, в витрине которой аквариум. Мы решили зайти туда поужинать. На пальцах объяснила хозяину, чтобы нам выловили рыбу и приготовили. Он это вполне уразумел, только вместо одного блюда притащил нам весь ассортимент. Харчевенка уютная. Мы поглощали строганину из рыбы, только не мороженой, как у нас на Севере, а свежей, - вкусно! Затем принесли две ракушки, положили их на тарелку с сухим спиртом и зажгли. Экзотично! Мы ещё съели краба, какие-то крохотные яйца. (Маэстро говорил, что они черепахи, я думаю иначе – выясним!) Потом подали орехи, какую-то похлёбку, много приправ, салата. Объелись так, что еле выползли из харчевни. Весь ужин корейцы наблюдали за нами, они смеются, видя, как мы едим. На улице мы представляем собой двух мамонтов, даже я. А маэстро при своём росте и комплекции – тем более. Корейцы – худенькие, маленькие. Мы же – полная им противоположность. На улице европейских лиц, практически, не встретишь, поэтому на нас так обращают внимание.

Сегодня дует сильный ветер, где-то в Японии – циклон, здесь только отголоском. Но бывают и тут сильные штормы, даже ураганы.

Вечером смотрим телевизор, что для нас совсем не характерно. Тоска!»

17 сентября 1995 года:

«Воскресенье. В оркестре выходной. В 11 часов утра за нами приехал Чавдарский.

Мы поехали на смотровую башню, с которой открывается вид на город, море со всеми бухтами, крупнейший морской порт. Погода была отличная, видно на многие, многие километры. Башня эта – в национальном парке, народу в воскресный день – масса: старики в национальных костюмах играли в какую-то национальную игру типа нардов, много детей, ещё больше голубей. Их огромные стаи. Растительность в парке – пышная. На верхушке башни – кафе, ещё выше – на самой обзорной площадке стоят телескопы, чтобы лучше можно было рассмотреть детали города. Видны прекрасные автомобильные дороги, миллионы машин, очень комфортабельных – местное производство. Крыши домов, особенно этажной застройки, используются как цветники, солярии и прочее.

После прогулки поехали обедать в отель. Подали пиццу, такие огромные порции, что одному съесть трудновато. Были ещё спагетти с морскими продуктами, но их в основном поглощал Чавдарский. Обед был хорош, настроение – тоже. Маэстро поднялся в номер отдыхать, я пошла в магазин. После двух часов моего отсутствия, Шпиллера было не узнать. Он лежал на кровати – охал, стонал, как будто очень болен. На мои вопросы отвечал только одно: «Хочу домой! Только бы добраться до самолёта!» В таком настроении он пребывал весь вечер, и совершенно отравил существование себе и мне. Я пыталась, как могла его уговаривать, но его хандра не так быстро проходит. Конечно, гостиничный номер наводит жуткую тоску. Но ему вообще пребывание в Корее не в радость, он себя ещё дома так настроил. За последнее время ему любые поездки стали тяжелы. Он считает, что зря тратит время, которого осталось не так у него много».

18 сентября 1995 года:

«Репетиция началась с Рахманинова. Играют собраннее, толковее, не так орут и ритмически гораздо лучше. Но он к ним уже потерял интерес, просто делает своё дело, без нервов и трепета. Иногда для него это лучше, да и для оркестра тоже. Эмоции придут на концерте.

Ритмическое воспитание оркестра, наряду с чистотой строя, основа всей работы главного дирижера. Но это кропотливый, ежедневный труд до седьмого, а может, сорок седьмого пота. Не у всякого хватает сил и терпения.

«Флейту» сегодня исполняли – лучше интонируя, но врут ритмически. Начали репетировать концерт Моцарта. Приехала пианистка. Бьёт по клавишам, будь здоров! А всё-таки Моцарт... Маэстро говорит оркестру: «пианиссимо». По-моему её можно особо и не выделять, деликатного звучания в рояле нет – громко, и не так, чтобы технично. Но хвалы ей было столько!.. В оркестре всё тяжело и грубо. Маэстро только успевает делать замечания: «Пьяно, меццо форте» и т.д.

Чавдарский так возносил оркестр, что можно было подумать – класс его значительно выше. А он нормальный. Солистка такая же, как оркестр – нормальная, без особых тонкостей и высот, из неё «барыни» не выйдет. Но ей маэстро замечаний не делает, всё-таки у них в Корее она считается одной из лучших. Он только улыбается.

В перерыве репетиции я ходила в лавочку, купить какой-нибудь еды. Квартал около культурного центра частной застройки. Архитектура в восточном стиле, домики в два-три этажа, с очень оригинальными двориками, в которых обязательно есть лестница на второй этаж, много цветочных горшков, машина. У всех домов разные ворота, часто с перламутровой инкрустацией (вероятно китайские). Корейцы обычно делают чеканку. Так мне показалось, может быть, я и не права.

В городе – большая редкость увидеть собаку, особенно крупную. Маленькие собачки иногда встречаются, но не бегают без хозяина, как у нас – целые стаи бездомных собак. Выгуливать их можно только в определенных местах, в обозначенное время.

Не увидишь в Корее и нищих. Только один раз мне встретился такой человек на лестнице городского перехода, но он всё время озирался, словно боялся, что его заметят. Не шляются, шатаясь, пьяные. Хотя, вероятно, они есть, как в любом другом городе, но в глаза не бросаются, как в России.

Автомобильное движение на улицах большое, дороги – три-пять рядов в одну сторону, но ездят очень аккуратно, внимательны к пешеходу. Если на дороге линия сплошная, то на ней вечером горят лампочки, и никто не переезжает эту линию. Не бьёт в глаза и обилие битых машин, все они кажутся новенькими, только с конвейера. Говорят, за дорожные нарушения здесь очень дорогой штраф.

Корейцы чем-то похожи на муравьёв. Всё время их видишь за работой: то чистят, то метут, то моют, то жарят. Делают они всё в нитяных перчатках или резиновых. Праздных людей почти не встретишь.

Погода стоит солнечная, но не жарко, дует холодный ветерок с моря.

Вечером, часа через три после репетиции, разразился жуткий скандал. Я его ждала. Напряжение перед генеральной репетицией и концертом – всегда велико. И, обычно, я виновата в том, что в оркестре всё звучит не так, как хочется маэстро. «Цунами» этот бушевал часа два, потом начал стихать, и мы отправились гулять по вечернему городу. Обошлись без лишних слов».

19 сентября 1995 года:

«Сегодня утром нет репетиции. Генеральная назначена на 14 часов, что для маэстро неудобно, так как не сможет поспать перед концертом. Я не поеду – нужно приготовить всё к концерту, собрать чемоданы – утром улетаем очень рано. Сейчас идём гулять по городу.

Как прошла генеральная, я не спрашивала, чтобы не вызывать огонь на себя. На концерт зачем-то привезли за час до начала. Маэстро совсем не отдохнул.

Зал большой – почти две тысячи мест, полон. Публика особо восторженно приняла Рахманинова, хотя я думала, что симфония здесь будет трудной для восприятия. Тем не менее, слушали хорошо, была буря оваций. Оркестр не приучен кланяться, почему-то сидят. Маэстро выходил несколько раз, но ни одного цветочка! Видимо, – не принято. Господи, даже не верится, что всё закончилось в этой Корее!!!

После концерта была небольшая посиделка - минут 40 - в ресторанчике рядом с залом. Чавдарский расстроен, дуется. Сказал, что у него струнники никогда так хорошо не играли и не звучали. Глупый! На стол поставили сок и сладости, мне принесли порцию мяса, которую мы разделили с маэстро. У нас оркестровые азиаты и сам Ванчо после концерта и пили, и ели очень хорошо! Один Бок Су (помощник концертмейстера) выпил две бутылки водки. А здесь сидели жеманились, словно нетронутые барышни».

20 сентября 1995 года:

«Уезжаем. Машина быстро мчит по почти пустынному берегу. Утро серое, сырое. Вот и аэропорт. Принесли наши посадочные талоны, всё в полном порядке с багажом. Дарим господину Парку два русских сапога – рюмки, и идём на посадку. Прощай Пусан! Через час мы уже в Сеуле - солнечно и сухо. На сей раз - нет проблем с нашими вещами.

Ходим по лавкам в порту. Маэстро увидел заводную обезьяну, которая машет хвостом и дразнит. Для него эта игрушка была такой радостью!

- Купи мне обезьяну, я тебя прошу, купи! Мне нравится, как она дразнит!

Купили. Мне приобрели корейскую куклу с корзинкой, директору оркестра – музыкальную игрушку пастушок с лютней.

По пути в Москву самолёт болтало девять часов, потряслись прилично. Вот и Москва. По сравнению с сеульским, аэропорт «Шереметьево-2» грязен, темен, хамски криклив. Пограничники неприветливы невероятно. Кажется, сейчас тебя отправят по этапу, так они на тебя смотрят. Москва – мрачная, тем не менее - мы рады, что вернулись домой. Ура!

Идем ужинать на Тверскую к Мирре. Осталось добраться до Красноярска».

21 сентября 1995 года:

«Утром рано отправились на службу в церковь батюшки. Он начинал служить в Кузнецках как раз в день «Рождества Богородицы».

День прошёл суматошно – в сборах и звонках разным людям. Вечером одурели от «сервиса» аэровокзальных служащих. Полёт был трудным, ТУ-

154 тесен, народу битком, вещи поставить некуда. После четырех часов полёта выжаты, как лимоны, оба».

22 сентября 1995 года:

«В 7 часов утра прилетели в Красноярск. Нас встретил директор Ермошкин*, он болтал без умолку всю дорогу, затем пили кофе у нас дома. В 10 часов маэстро начал репетицию, хотя ночь не спал, толком не завтракал. После репетиции приехал только в 17 часов. Я его очень за это ругала. Он вдруг разболелся, температура 38 градусов. Видимо, перемерз по дороге в Красноярск и очень устал. Дома – холод собачий, нет горячей воды, как и в Москве. А впереди юбилейный концерт, программы с В.Третьяковым, много приглашенных солистов. И маэстро надо будет записать в октябре диск в Москве. Вот наша жизнь...»

Красноярск, филармония, Шпиллеру.

Правительственная телеграмма:

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ ВСКЛ ПРИМИТЕ
МОИ САМЫЕ ИСКРЕННИЕ И СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ВАШИМ
СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ ТЧК ВАШЕ ТВОРЧЕСТВО МНОГИЕ ГОДЫ
РАДУЕТ ВСЕХ ПОЧИТАТЕЛЕЙ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЗПТ
НЕИЗМЕННО ДЕМОНИСТРИРУЯ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ МАСТЕРА
И НАСТОЯЩЕГО РЫЦАРЯ МУЗЫКИ ТЧК ЖЕЛАЕМ ВАМ
УВАЖАЕМЫЙ ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ СЧАСТЬЯ ТВОРЧЕСКОГО
ДОЛГОЛЕТИЯ И НОВЫХ ИНТЕРЕСНЫХ СВЕРШЕНИЙ = МИНИСТР
КУЛЬТУРЫ РОССИИ= СИДОРОВ*

Красноярск, ул. Белинского, Шпиллеру.

Телеграмма:

СЕГОДНЯ В ЭТОТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ ЗПТ КОГДА ВАМ
ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ ЗПТ АДМИНИСТРАЦИЯ КРАЯ СЕРДЕЧНО
ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС = ТАЛАНТЛИВОГО ДИРИЖЕРА ЗПТ
НЕУТОМИМОГО ТРУЖЕНИКА ВО СЛАВУ РОССИЙСКОГО
МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА = ГОРДОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
ЗПТ ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ТЧК

ЖЕЛАЕМ ВАМ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ СВЕРШЕНИЙ ЗПТ ЗДОРОВЬЯ
СЧАСТЬЯ РАДОСТИ ЖИЗНИ ТЧК
КРАСНОЯРСК БЛАГОДАРНО ЖДЕТ БЛИСТАТЕЛЬНОГО ПОЛЕТА
ВАШЕЙ ДИРИЖЁРСКОЙ ПАЛОЧКИ НА ПРЕДСТОЯЩИХ ПРАЗДНИКАХ
= ВАШИХ КОНЦЕРТАХ=
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ КРАЯ = КУЗЬМИН*

Красноярск, филармония, Шпиллеру.

Телеграмма:

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ ВМЕСТЕ
ПОЗДРАВЛЕНИЯМИ ВАШИМ ЮБИЛЕЕМ ПРИМИТЕ ПОЖЕЛАНИЯ
ЗДОРОВЬЯ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ СВЕРШЕНИЙ
БЛАГОДАРНОСТЬ ВАШ ВКЛАД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ ПОПРИЩЕ
БЛАГОРОДНОГО СЛУЖЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ БУДЕМ
ПРИЗНАТЕЛЬНЫ ДАЛЬНЕЙШЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО= КУТУЗОВ*
ПРЕЗИДИУМ ПРАВЛЕНИЯ ВМО

Красноярский академический симфонический оркестр, народному артисту
России Ивану Всеволодовичу Шпиллер.

Телеграмма:

ДОРОГОЙ ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ ПРИМИТЕ САМЫЕ СЕРДЕЧНЫЕ
ПОЖЕЛАНИЯ СВЯЗИ ВАШИМ ЮБИЛЕЕМ ПУСТЬ КРАСНОЯРСК И
МУЗЫКАНТЫ ЕЩЕ МНОГИЕ ГОДЫ ГОРДЯТСЯ СВОИМ ПОЧЕТНЫМ
ГРАЖДАНИНОМ ТЧК ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ ЖИЗНИ МУЗЫКИ
ЖЕЛАЮТ = ВИКТОР ТРЕТЬЯКОВ МИХАИЛ ЕРОХИН*

Красноярск, Шпиллеру.

Телеграмма:

ПО СЛУЧАЮ ЛЮБИМ И ЗНАЕМ ОПЯТЬ ОБНИМАЕМ= ОПЯТЬ МЫ =
МОСКВИЧИ*

(от родственников – Шпиллеров, Кнушевицких и Рапопортов – примечание
автора)

«Поздравляя от всей души с 60-летием народного артиста России
Ивана Всеволодовича Шпиллера, газета «Красноярский рабочий» решила
спросить поклонников его таланта: «Что значит Шпиллер для Красноярска?
Для России? Лично для Вас?»

Профессор, заведующая кафедрой сольного пения и оперной подготовки Красноярского института искусств, заслуженный деятель искусств России Екатерина Иофель*:

- Когда я приехала в Красноярск создавать кафедру, я знала, что здесь живёт племянник моего научного руководителя Натальи Дмитриевны Шпиллер. Но с ним самим мне видеться не доводилось. Первая же встреча с Иваном Всеволодовичем произвела на меня большое впечатление: необычайно красив, строен, элегантен, аристократичен. Услышав в исполнении его оркестра музыку, я поняла, что в этом человеке существует аристократизм внутренний. В течение 16 лет я бываю на его концертах, и всегда это глубинное проникновение в суть музыки, никогда ничего поверхностного. А как изменился коллектив музыкантов под влиянием этой незаурядной личности! Теперь любой дирижёр может требовать самого тонкого понимания всякого произведения, и исполнение превзойдёт ожидания.

И то, что маэстро Шпиллер работает в Красноярске, - это наше богатство и наша гордость. Таких оркестров, как у Шпиллера, единицы в России. Бывая за рубежом и слушая самые замечательные коллективы, я вижу, что Красноярский оркестр на одном уровне с ними. Любит Шпиллера и наша публика. Об этом говорят полные залы на всех его концертах. А как любят его оркестранты! Каждая встреча со Шпиллером обогащает и духовно, и творчески. Дай ему Бог здоровья и долголетия!

Руководитель студии декоративно-прикладного творчества школы №4 Надежда Захарченко*:

- С 1982 года я страстная поклонница уважаемого маэстро. Это дирижёр высочайшего класса. Обожаю наш оркестр, знаю всех музыкантов. Слушаю все программы без исключения.

Композитор Олег Проститов*:

- Оркестр Шпиллера – это наше чудо. Он каждый год одаривает нас новыми творческими программами: Барток, Стравинский, Шостакович, любимый его Рахманинов... Сегодня оркестр на подъеме. И то, что они существуют не в столице, а в Сибири – в этом и есть гордость России.

Архитектор Арэг Демирханов:

- Это прежде всего близкий мне по духу человек. Меня связывает с ним большое творческое событие – Малый концертный зал филармонии. То, что он есть у нас в Красноярске, мы обязаны Ивану Всеволодовичу. Для архитектора вообще большая удача, когда он видит личность, которая станет хозяином его творения. Мне повезло. Для Красноярска Иван Шпиллер – один из мостов, связывающий нас с высокой традиционной музыкальной культурой.

Художник Алла Орлова:

- Это счастье, что он у нас есть. Мы с мужем вчера испытали потрясение и от Шостаковича, и от Рахманинова. Иван Шпиллер – натура страстная, экспрессивная, это большой мастер. Муж хочет написать его портрет и портрет Третьякова.

Народный артист СССР, скрипач Виктор Третьяков:

- Ему удаётся всё! В нём существует уникальный сплав качеств, необходимых и для музыканта, и для художественного руководителя, и для главного дирижёра оркестра. Это обаятельнейший человек – очень живой, непосредственный, большого ума и энциклопедических знаний, с превосходным чувством юмора. И конечно, это замечательный музыкант и потрясающий организатор. И личность, притягивающая к себе лучших людей. Он как будто аккумулирует в себе высокую культуру, и, мне кажется, буквально все испытывают к нему самую большую симпатию.

Дай Бог ему долгих лет, здоровья и благополучия. Сожалею только об одном – не могу принять участие в торжествах, посвященных юбилею маэстро Шпиллера».

60 лет Шпиллеру исполнилось летом 1995 года. И свой юбилей Ивану Всеволодовичу праздновать совершенно не хотелось. Он всё откладывал его, словно предчувствовал, что ничего хорошего из праздника получиться не может. Но маэстро надеялся, что юбилей привлечёт общественное внимание к нуждам оркестра, положение которого оставалось по-прежнему тяжёлым. В международный день музыки – первого октября 1995 года был назначен концерт, посвященный дате Ивана Всеволодовича. В этом концерте прозвучали три фортепианных произведения:

Моцарт – концерт № 24 - c moll

Лист – концерт № 2 - a dur

Рахманинов – концерт № 4- g moll

Солировала в них давняя знакомая маэстро Шпиллера, замечательный и тонкий музыкант, сыгравшая в разные годы в Красноярске немало произведений для фортепиано с оркестром - Ирина Плотникова*.

Были на юбилейном концерте и «блистательный полет дирижёрской палочки», и здравницы, и цветы, и подарки. Вот они-то, главным образом, и обсуждались со вкусом ещё дней десять по всем телевизионным каналам. Руководитель «Красэнерго» подарил маэстро на сцене свою визитную карточку, на которой было написано 30 миллионов рублей! (Хотя, в те годы миллионы, как во времена НЭПа и гражданской войны, мало что стоили. Одно название!) Союз товаропроизводителей вручил Шпиллеру ключи от машины «Жигули». Широкая общественность не знала, что подаренные миллионы были выданы потом оркестру на зарплату, так как официальные деньги приходили с большим опозданием, оркестровых музыкантов этот факт тоже несколько не удивил. Злоба и зависть уже затаились за пазухой. Нужна была только подходящая ситуация, чтобы негативное отношение выплеснулось наружу.

В конце октября маэстро улетел в Москву записывать диск с Госоркестром России и Николаем Луганским Четвертого концерта Рахманинова. Шпиллеру нравился этот молодой музыкант, они явно симпатизировали друг другу, у них было немало интересных разговоров,

встреч, им хорошо дышалось вместе на концертах. Иван Всеволодович это очень ценил.

Не успев прилететь из Москвы, маэстро получает приглашение для оркестра из Белграда, в котором коллективу предлагалось ещё раз участвовать в международном музыкальном фестивале, теперь «Бемус-95». С невероятными трудами, в очень короткий срок собрали какие-то средства для поездки (использовали остатки тех же подаренных миллионов). Организовано турне было из рук вон плохо, так как ни денег, ни времени на это почти не было. И всё-таки в начале ноября оркестр отправился в путь.

Страницы из моего дневника. 7 ноября 1995 года:

«Сидим в поезде Красноярск-Новосибирск. Едем на перекладных в Белград. За неделю до этого все переругались, так как поездка не вытанцовывалась – слишком поздно сербы прислали приглашение. Несмотря на проблемы, с самолётами, билетами, визами и т.д. и т.п. – едем. Слава Богу! Оркестру это нужно! На фестивале - две программы. Концерт Бриттена для фортепиано с оркестром будет играть Наташа Труль* (её заберем в Москве), затем Восьмая симфония Шостаковича, Стравинский – концерт in D, Первая симфония Рахманинова и Концерт Моцарта № 21 с сербским солистом. Кроме Белграда есть выездные концерты в Нови Сад, там очень приличная публика, своя консерватория и очень хороший зал.

Мы едем в чистом и теплом купе, проводница очень предупредительна – сам начальник дороги распорядился. В Новосибирске переседем на самолёт, а в Москве будем проходить таможенную и границу.

P.S: в поезде оркестровые музыканты употребили лишнюю рюмку, и в Новосибирском аэропорту начались неприятности. Чуть не сорвали всю поездку из-за того, что несколько человек (мягко говоря) были не транспортабельны, их забрали протрезветь! Пришлось ходить выручать. Шпиллер в бешенстве!!! Но, увы, – это неистребимая оркестровая традиция».

9 ноября 1995 года:

«В Белграде теперь такая же нищета, как в России, так «разбабахать» цветущую страну! Но фестиваль организован хорошо. Наш оркестр выступил сегодня с первой программой. Многие европейские телекомпании снимали концерт на плёнку, и, кажется, была прямая трансляция. Успех большой! Мне пришлось сидеть на полу балкона, так как мест (даже стоячих) в партере было не найти. Бедный маэстро устал – безумно, ему нездоровится. А симфония такая огромная и трудная. Грандиозно и технически безупречно прозвучала «пассакалья». Сербский пианист был несколько манерен, но в целом неплох, на маэстро смотрел с обожанием! Ещё три концерта – и домой».

11 ноября 1995 года:

«Голова болит чудовишно! В поездке всё нервно, Шпиллер на пределе, но концерты проводит замечательно. Сегодня выездной в город Нови Сад. Прошёл снег, на улицах слякоть, в гостинице у нас в номере не топят. Холодно!!! Был Боба Атанаскович – грустный. У них жизнь – совсем не сахар, Зина его в Париже на заработках. Безумно хочу домой, опротивели все поездки, люди - наши и не наши!!!»

14 ноября 1995 года:

«Из Белграда добирались на таких перекладных, с такими трудами – не приведи Господь больше! Маэстро захворал».

Москва, 26 ноября 1995г.

Наталья Труль – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иван Всеволодович!

Совершенно не могу Вам дозвониться, соединяют с Красноярском только когда у Вас глубокая ночь. А так - всё время занято.

Волновалась, как Вы долетели, по счастью узнала от Люды Гросс* (она звонила из Белграда), что всё благополучно и самолётом закончилось.

Надеюсь, что Вы в добром здравии, отдохнули и уже работаете, со свойственным Вам энтузиазмом.

У меня остались самые замечательные воспоминания о поездке в Югославию и вообще, после встреч с Вами и оркестром у меня поднимается настроение. Спасибо Вам огромное за всё, за Ваше внимание ко мне.

«Diversions»* ищутся, обращаться к родственникам Бриттена* отсоветовали, они дерут бешеный процент. Так что обратилась к друзьям (моим, не Бриттена). Правда, речь может идти только о партитуре, не об оркестровых партиях. Взяла ноты Бартока...

С нетерпением жду встречи с Вами, как за инструментом, так и просто за столом (обещаю праздничный), когда Вы будете в Москве.

Огромный привет и пожелания здоровья, ещё здоровья и хорошего настроения Любе.

С уважением и искренней любовью – Наталья Труль»

(*Люда Гросс – певица, часто приезжала на концерты в Красноярск.
*«Diversions» - произведение Б.Бриттена, которое было заказано маэстро Шпиллером для исполнения, – примечание автора).

*Харьков, осень 1995 года.
Галина Веркина – маэстро Шпиллеру.*

«Дорогой Ян! Спасибо, спасибо, спасибо! За сердечное письмо и книжечки. С глубоким волнением прочитала Ваши «Воспоминания». Они написаны прекрасно: сердечно, тепло, с глубокой любовью. Душа моя всё это время жила в Вашем доме, который я бесконечно люблю и дорожу каждым мгновением, прожитом в его стенах! Я снова и снова обращаюсь к Вашей книжечке, перечитываю и дополняю собственными ощущениями мира Вашего дома, мира удивительного. Особенно, до слёз трогают письма отца Всеволода к Людмиле Сергеевне. Я бесконечно любила Людмилу Сергеевну, и чувствую их всем сердцем.

Хотелось бы эту часть «Воспоминаний» расширить и написать больше о Людмиле Сергеевне. Наверное, сохранились и её письма к о. Всеволоду? Это было бы бесценное свидетельство необыкновенной силы любви двух выдающихся личностей, двух индивидуальностей, которые составляли единое целое и прожили долгую красивую жизнь в полном взаимопонимании и глубоком уважении.

Свидетелями такого единения был каждый, кто хоть раз побывал в Вашем доме. Невыразимо благодатно и радостно было быть вовлеченным в это русло неторопливого разговора при полном согласии душ и мысли. Не хотелось говорить – хотелось слушать, «внимать» и радоваться нежной сердечной радостью феномену – отец Всеволод и Людмила Сергеевна.

Дорогой Ян! Вы мне сделали бесценный подарок! Снова ожили в моём сердце встречи с Людмилой Сергеевной, то возвышенное состояние души, которое никогда меня не покидало, а теперь нахлынуло с новой силой! Книга об отце Всеволоде – ценна, не хочется с ней расставаться. Каждое слово дорого и проникает глубоко в сердце. Мы с Сашей читаем её параллельно: я – днем, он – вечером, и ничего другого читать не хочется!

Бесконечно благодарна. С любовью – Г. Веркина»

1996 год, как всегда, начинался с многочисленных телеграмм, открыток, пожеланий всяческих благ и успехов, которые приходили не

только из разных городов нашей страны, но и от зарубежных корреспондентов.

21 января 1996 года,

Англия.

Елена Ллойд* (княжна Ливен) – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иоаннчик!

Только что вернулись из Испании, где провели английское Рождество в семье дочери, а дома нашли твоё письмо и книгу о твоём Папе. Я тут же начала читать её заново, только что кончила и села отвечать тебе. Я нахожусь под ещё более сильным впечатлением сейчас, чем когда прочитала книгу в первый раз. Твои родители были действительно подвижниками. Правильнее и лучше написать ты не мог. Вся книга дышит любовью - твоей к ним, их друг к другу. А я очень хорошо помню, как и когда всё началось, хотя мне было всего 14 лет. Помню, как моя мать и твоя любили друг друга. Может быть, нам удастся ещё когда-нибудь встретиться, и тогда я расскажу тебе, что помню. Писать об этом трудно.

Ты пишешь, что нашёл в Москве у вас на квартире стихи. Это, вероятно, стихи моего отца, которые я тебе дала, когда была в Москве, в «Метрополе». До сих пор они не были изданы, а вот теперь я, наконец, этим занялась и издаю их в Москве. Кроме сборника «Лирика», есть ещё сборник «Жития святых» (в стихах). Это тоже будет издаваться, а также и третий сборник «Три шага». Он состоит из трех частей: «Юлиан отступник», «Лютер» и «Ленин» - три шага в сторону от церкви. Если тебе будет интересно прочитать их, я постараюсь тебе переслать, хотя они ещё не изданы, но напечатаны мною на машинке.

Спасибо тебе за книгу об отце. Маша* прочитала её, очень хочет иметь, я ей одолжила свою, но я тоже не хочу с ней расставаться. Сестра Маша живёт на юге Испании, в городе Венидорм у моря. Мы созваниваемся, но нам друг друга не хватает после стольких лет жизни в одной стране.

Мой муж тоже прочитал твою книгу, и на него она произвела сильное впечатление. Большое дело сделал! Завидую тебе, я бы не смогла этого сделать, хотя и люблю своего отца свыше меры. Может быть, издание его стихов мне зачтётся? Я их издаю без ведома сестер. (Ольги - в Софии и Даши - в Нью-Йорке. Обе - монахини). Они считают писание стихов отцом – грехом, так как он был священник. Поэтому никому об этом не говори, чтобы, не дай Бог, не дошло до них, а то тогда мать Серафима* (сестра Ольга в Софии) мне запретит издавать их, а я не смогу послушаться её и будет разрыв. Но я с ней не согласна, и не могу

позволить стихам пропасть. А после моей смерти никто этим заниматься не станет.

Ты пишешь, что был в Белграде, и тебе не удалось попасть в Болгарию. Не знаю, писала я тебе или нет, что мы с мужем и сестрой Машей ездили туда три раза, когда только кончился коммунизм у них. Мы целый год собирали всякую помощь и собрали 11 тонн (или 13 – не помню), одежды, еды, лекарства и отвезли туда. А там раздали по больницам, школам и детским домам, прямо из рук в руки, так что ничего не было раскрадено. Мне необходимо поехать туда ещё раз – повидать матушку Серафиму, пока не поздно. <...>

Вот, милый Иоанчик, пока всё. Надеюсь, что это письмо дойдёт до тебя, а не потеряется. Твоё письмо и книга дошли удивительно быстро. А первое письмо шло долго.

Обнимаю и люблю, муж кланяется,

Твоя Кака* (Елена)»

(по-болгарски «кака» - старшая сестра, мальчик так звал княжну в детстве – примечание автора).

В январе Шпиллер сыграл утончённую французскую программу:

Дебюсси – два Ноктюрна.

Сен-Санс – Концерт для фортепиано с оркестром №2,
солистка И.Осипова (Москва).

Равель – Благородные и сентиментальные вальсы,
Сюита №2 «Дафнис и Хлоя».

В начале 1996 года маэстро репетировал с оркестром и очень серьёзную Пятую симфонию Малера, которую давно хотел сыграть. Репетиции проходили очень интересно, исполнение обещало быть большим художественным событием. Много грандиозных планов строилось и на следующий концертный сезон в Красноярске, на дальнейшее развитие зарубежных музыкальных отношений...

Но в феврале в оркестре произошла драма, которая обрушила всё, как снежная лавина. На свадьбе двух наших музыкантов покончил жизнь самоубийством жених. Этой бедой и решила воспользоваться первая скрипка оркестра Павленко, чтобы свести со Шпиллером все счёты (знала, что сойдёт с рук, так как уже имела выездные визы в Израиль). Маэстро в эти дни был болен, и репетировать должны были по группам. Первая скрипка и профсоюзница самовольно отменила репетицию, и в филармонии устроили поминки, на которых слёз было гораздо меньше, чем водки. (На похороны мальчика пришли потом единицы!) «Гулял оркестр от души». На следующий день директор объявил Павленко выговор за самоуправство и срыв репетиции. И тут – начался бунт. Доподлинно не известно, откуда в оркестр зачастил некий господин Джонсон, который предложил нашим музыкантам выступить против Шпиллера и поставить во главе американского дирижера,

за что компания «Кока-кола» якобы брала на себя обязательство, по словам этого Джонсона, организовать оркестру полугодовые гастроли по Соединенным Штатам. «Даешь - Америку!» «Вон - Шпиллера!» - вопили «оскорбленные» в своих чувствах сострадания оркестранты, веря любому аферисту и шарлатану. Когда маэстро вышел на работу и появился за пультом, часть оркестра демонстративно отказалась репетировать, встала и ушла из зала.

Местная телекомпания в выпуске новостей бойко и радостно сообщила о скандале, и опять был оглашён подробный список подарков на недавнем юбилее «зарвавшегося» дирижёра! Началась откровенная травля мастера. Нет, никто не подвергал сомнению его высочайший профессионализм и талант, но мы каждый день из телевизионных выпусков узнавали новые подробности о «жутком» характере «диктатора», который «присвоил себе государственный коллектив» и буквально «изнуряет музыкантов работой», да при этом подвергает их «оскорблениям и унижениям».

К Шпиллеру для разговора пришёл начальник управления культуры Геннадий Леонидович Рукша*, который стал объяснять маэстро, что надо бы найти с оркестром общий язык.

- А Вы увольте меня, если есть за что? Если я так плохо работал восемнадцать лет! – отвечал Шпиллер.

- Вы прекрасно знаете, Иван Всеволодович, что увольнять Вас - нет причин. Но губернатор не может Вам простить письма, которое Вы написали ему, предварительно ознакомив с посланием весь оркестр. Не может простить, что Вы потом обратились к товаропроизводителям.

- Если власть меня не поддерживает, мне не зачем искать общий язык с оркестром. Его я могу найти в несколько минут, но мне нечего будет предложить людям, которые загнаны в угол тяжёлым материальным положением. Они обвиняют меня в том, что у них трудная работа, а зарплаты маленькие, что нет квартир ... Я не распорядитель кредитов, и взять всё это мне неоткуда...

Шпиллер не стал разбираться с оркестровым «стачкомом», который трудился, не покладая рук, «поливая» маэстро. И чем абсурднее демонстрантами выдвигались обвинения, тем радостнее сообщали об этом журналисты. Подобных скандалов в городе раньше не случалось – для жёлтой «свободной» прессы появилось поле безграничной деятельности!

Городской народ – практически «безмолствовал», пребывая в растерянности. У нас перестал звонить телефон, словно мы умерли. И я стала собирать коробки, укладывая многочисленную библиотеку. Желание было одно – поскорее увезти маэстро из этого кошмара! Не могу сказать, что в данной ситуации Иван Всеволодович был на сто процентов прав. Вероятно, и сам он понимал, что где-то в своих жёстких требованиях к оркестру перегнул палку, поэтому (после некоторых размышлений) он решил сделать публичное заявление:

«Красноярск, 19 февраля 1996 года.

В редакцию газеты «Красноярский рабочий», руководителям телерадиопрограмм.

Уважаемые господа!

Позвольте просить вас опубликовать прилагаемый текст моего письма коллективу Красноярского симфонического оркестра. Заранее благодарю. Ваш И.Шпиллер.

Прощаясь с вами, хочу, во-первых, поблагодарить вас за те незабываемые мгновения творческих взлётов, которые нами были пережиты, и дома, в Красноярске, и во многих других городах и странах. Это святые мгновенья. Благодарю судьбу, благодарю вас за них.

Желаю вам от всего сердца не забывать: нельзя служить Богу и Мамоне. Для нас, музыкантов, это означает выбор жертвенного пути беззаветного и бескомпромиссного служения людям Красотой истинно великой музыки. Это стало чрезвычайно трудно. Но ведь не хлебом единым жив Человек.

От всей души желаю вам, невзирая на невероятные трудности и грядущие соблазны, удержаться на высоте ответственности миссии русского академического симфонического оркестра.

И ещё: гоните от себя прочь, и поскорее, увлечение всяческими экстрасенсами. Если не повести с этим беспощадную борьбу, то имевшие место два самоубийства окажутся завтра явлением нормальным, заурядным.

И, наконец, последнее.

Мы в предверии «Прощеного воскресения». Как ваш руководитель на протяжении 18 лет, у каждого, кто работает в оркестре сегодня, и у всех, кто работал в нём раньше, я со всей искренностью прошу прощения во всех своих грехах перед вами, и делом, и словом, и помышлением... И в свою очередь каждому, кто хотел бы это сделать по отношению ко мне, я чистосердечно говорю: ни на кого ни зла, ни обиды не таю, и желаю всем всего самого доброго.

Ещё раз благодарю за всё.

Иван Шпиллер»

После этого открытого письма оркестру, которое было передано по всем местным телеканалам, «униженные и оскорбленные» выглядели жалко и непристойно, хоть их было и «большинство». Воинствующее большинство!

Даже газета «Красноярский комсомолец» в марте 1996 года опубликовала письмо С.Зорькиной* из города Дивногорска «Голос из зала по поводу бунта...»:

«Скоро исполнится месяц с того дня, как не только постоянные слушатели симфонических концертов, но и весь город узнали о неслыханном

событии: музыканты прекрасного оркестра восстали против прекрасного дирижёра.

Маэстро Шпиллер «груб и плохо заботится о материально благополучии своих коллег». Следовательно, мы можем сделать вывод: вместо грубого руководителя, который, однако, создал высокочеловеческий, широко известный оркестр, уважаемые музыканты хотели бы иметь вежливого и умелого снабженца. У ТАКИХ музыкантов ТАКОЙ уровень притязаний? Очень хочется, чтобы они знали: если и сочувствует им кто-нибудь, то и очень много осуждающих.

Господа! Неужели публичного извинения Шпиллера мало? Кого вы хотели бы видеть своим дирижёром (не снабженца же, в самом деле)? Может быть, ваши притязания мог бы удовлетворить кто-нибудь вроде Тосканини? Так ведь он был ужасный тиран и грубиян. Вы говорите о бесперспективности дальнейшей работы со Шпиллером. Как это понимать нам, вашим слушателям? Идёте на поводу у неподготовленного слушателя? Сужаются музыкальные связи?

Претензий к Шпиллеру как профессионалу вы не выдвинули, а все другие причины менять дирижёра – неуважительны. Ясно одно, кто-то хочет получить под своё начало коллектив со сложившейся репутацией, и даже понятно, кто.

Конечно, рано или поздно возобновится работа оркестра со Шпиллером (хотелось бы надеяться) или с новым дирижёром. Подумали вы о том, с какими чувствами и настроением придут на ваши концерты люди, для которых музыка не пустой звук? Вместо того, чтобы погрузиться в прекрасное, мы будем думать, на чьей стороне наш сосед по креслу.

В моём письме одни вопросы. Какой ответ даст время?»

5 марта 1996 года из Москвы пришёл Указ Президента России о награждении – по иронии судьбы Ивану Всеволодовичу Шпиллеру за большие заслуги в развитии музыкального искусства был вручен второй орден - «Дружбы». В этом же указе трём музыкантам оркестра были присвоены звания «Заслуженный артист России». Вручал награды и маэстро Шпиллеру, и музыкантам сам губернатор Валерий Михайлович Зубов, даже говорил при этом какие-то хорошие слова.

Но вскоре, маэстро получил от комитета по делам культуры края и приказ о расформировании Красноярского академического симфонического оркестра!!! Формально, Ивана Всеволодовича никто от работы не отстранял, даже подсластили пилюлю орденом. У него просто отняли оркестр.

На пресс-конференции – накануне нашего отъезда - губернатор цинично заявил, что он не вмешивался в конфликт, так как «хотел дать возможность самим музыкантам найти приемлемое решение вопроса. Но они с маэстро зашли в творческий тупик...» Чудовищное враньё! Никакого творческого тупика не было и быть не могло. А вот материальный, финансовый, а отсюда и нравственный – конечно...

«Недоговорённая истина звучит, как ложь, а недоговорённая ложь звучит как истина» - записал Иван Всеволодович в записную тетрадочку по прочтении «Воспоминаний С. Волконского*».

*2 апреля 1996 года,
Верхний Назарет.
Виоль Симкин* – маэстро Шпиллеру.*

«Милые Любовь Фёдоровна и Иван Всеволодович! В эти весенние дни примите с Земли Обетованной искренние приветствия в связи с Пасхой Ветхозаветной и Христовой! И самые искренние пожелания многих лет здоровья и счастья Вам, всему вашему прекрасному оркестру! Привет всем! – Виоль»

(*В.Симкин – бывший альтист оркестра Шпиллера, уехал жить в Израиль - примечание автора).

Холодным утром восьмого июня Шпиллер покидал Красноярск, казалось, навсегда. У гостиницы «Октябрьская» проводить зашельмованного артиста и почётного гражданина города собралось несколько человек. Арэг Саркисович Демирханов – многолетний соратник и друг – читал шутливые стихи о барже, которая застряла на середине Енисея. Но весёлого смеха они ни у кого не вызвали. Пришёл проводить нас и «культурный» начальник - Геннадий Рукша, стыдливо пряча глаза, (ведь несколько лет он считал себя нашим другом). Постоянно оглядываясь, он боялся, что его кто-нибудь увидит. Прощание было коротким. Машина уносила нас по заспанным улицам города в аэропорт, буйно цвели розовые яблони, похожие на сакуру, нас обоих почему-то не оставляло ощущение недосказанности...

Прилетев в Москву, маэстро выступил по радио и поведал о ситуации в оркестре, о его ликвидации. Он не был заинтересован губить своё детище, поэтому хотел привлечь к нему общественное мнение в столице. На это выступление Шпиллера откликнулся ряд известных деятелей искусства.

Считаю нужным процитировать здесь одно письмо, написанное Никитой Михалковым* губернатору после нашего отъезда:

«Уважаемый Валерий Михайлович! С некоторым внутренним замешательством и чувством скорби узнал о решении комитета по делам культуры о ликвидации Красноярского академического симфонического оркестра. Скорбь вызвана неумирающим в «советском бюрократе» желанием решать тонкие и сложнейшие задачи образования культурного пространства быстрой «революционной» атакой. Замешательство же вызвано тем, что это происходит в конце второго тысячелетия от Рождества Христова, в городе, с которым я связан не только кровными узами, но и уважением: за сделанное в крае многими поколениями талантливейших людей.

Не вдаваясь в подробности, могу сказать одно – решение о ликвидации два десятилетия действующего и имеющего международную известность коллектива музыкантов – решение неверное, более того, по сути преступное! Мы должны ясно понимать, что подобные решения исходят из желания удовлетворить свою внутреннюю неустроенность руководителей комитета по культуре края, их эфемерную надежду «построить новый мир», предварительно, как поётся в «интернационале», «разрушив старый мир»...

Представьте себе на мгновение, уважаемый Валерий Михайлович, что в Италии, например, закрыли театр «Ля Скала» и открыли в Милане при мэрии новую оперную труппу. Не можете? Отчего же в Красноярске – центре культуры огромного сибирского и дальневосточного пространства России – такое возможно? Отчего в крае руководители бюрократической организации по культуре хотят войти в историю малограмотными и от этого невежественными «комиссарами-разрушителями», а не заботливыми помощниками уже созданного их отцами и дедами, что с гордостью они могут передать своим потомкам.

Уважаемый Валерий Михайлович, повторюсь: считаю решение комитета по делам культуры не только не верным, но и преступным, буду бороться всеми доступными мне силами против него...»

Никита Сергеевич метал стрелы в начальников от культуры, а решение о ликвидации оркестра принадлежало губернатору, и сделано это было для того, чтобы сломать Шпиллера. Так что «уважать» Валерия Михайловича (с моей точки зрения) было решительно не за что!

Стачком оркестра начал судебные тяжбы против управления культуры и его руководителя Г.Л.Рукши, собирал подписи, устраивал пресс-конференции. Работа кипела...

В сентябре решение о ликвидации, как и следовало ожидать, - отменили. Но извиниться перед маэстро Шпиллером (хотя бы формально) никому в буйную голову из руководства края не пришло. «С глаз долой – из сердца вон!»

1996 – 2000 годы, Москва.

*«Отчего я так сильно
Этой осенью старость почувал?
Облака и птицы»**

*«Дорогой, бесконечно дорогой Иван Всеволодович! Здравствуйте!
Не считите сие послание за дерзость, но за ещё одно выражение Вам
любви и благодарности. Увы, письмом в полном смысле слова открытку
не назовешь (даже этого толком делать не умеем), а потому прошу*

простить корявость мыслей, - писала в декабре 1996 года скрипачка оркестра Алла Долговых*, - Если бы можно было передать словами, какая тоска в душе, в жизни, то есть в работе наступила без Вас! Видимо, самое страшное чувство – бессилие, невозможность что-либо изменить. Но и смириться с тем, что произошло и происходит, отдать всё на откуп «профсоюзным музыкантам» тоже невозможно! Я ещё тогда объявила им свою маленькую войну. Единственным оружием, какое имею, но самое для них «неприятное» - собственная игра на инструменте.

Когда-то, после отъезда Юленьки Довгяло*, я думала о месте концертмейстера вторых скрипок. Да, в Вашем оркестре это была бы и школа, и возможность быть ближе к Вам, к золоту Вашего таланта, опыта, знаний, вкуса, к Вашему миру чудес, который Вы дарили нам столько лет...

...Господи! Мою мечту сыграть с Вами любимую «Пятую» симфонию Малера они украли, прямо из рук...

Теперь я могу только благодарить судьбу и Вас за то, что были ТАКИЕ Рахманинов, Малер, Штраус и всё-всё, что не перечислить! Спасибо Вам!!!

И вот, сыграла конкурс на место концертмейстера группы вторых скрипок. Я понимаю, всю относительность «конкурса». Первый худсовет тут же меня отрезвил. Ведь то, чем заняты сейчас некоторые «лидеры», могу определить лишь военным термином – «окапываться». Но и они слишком привыкли за годы работы с Вами к хорошему, чему цену чувствуют теперь, чтобы не понимать, что имеют. Абсолютное большинство осознали своё недостойное поведение, только исправить, вернуть уже ничего невозможно.

Но жизнь продолжается. И мне хочется в канун Рождества пожелать Вам всего самого лучшего: здоровья, прекрасных музыкантов и концертов, благополучия, мира, радости. Мы Вас очень любим! А главное, Вы нас во многом воспитали, и не всё мы отдадим просто так! Моя маленькая победа на конкурсе – Вам, для и за Вас, Вашим именем. С Рождеством!

Огромный привет, поздравления и пожелания самого хорошего Любви Фёдоровне. Здоровья, благополучия ей и всегдашней энергии, благодаря которой существуют записи нашего оркестра. Ещё раз поздравляю Вас и Любовь Фёдоровну с Новым годом и Рождеством. Прекрасного Вам праздника!

Всегда Ваша – Долговых Алла.

P.S: Как хочется видеть Вас всегда в 10 утра за пультом, каждый день и тысячу лет! И Вы с нами всегда, потому что мы Вас любим, помним, и всё, что играем, сделанного с Вами, – с Вами!»

Мы переехали жить в Москву, где сохранялась родительская квартира и крохотная дача в Подмоскovie. У меня начались работы по устройству того и другого, ремонт и прочие хозяйственные заботы. А маэстро решил вплотную заняться архивом своего отца. Ему хотелось к 100-летию батюшки опубликовать не только проповеди священника Всеволода Шпиллера, которые готовили к изданию ещё в Красноярске, но и обширную переписку с самыми разными, как духовными, так и светскими лицами. Переписка представляла собой определённый пласт истории церкви и государства, русской культуры.

Своими гастрольными концертами Иван Всеволодович практически не занимался, находясь в Красноярске, поэтому никаких предварительных заделов в этом направлении не было. Настойчиво предлагать себя в качестве гастрوليрующего дирижёра после переезда в Москву он не мог и не хотел. Маэстро стал упорно налаживать отношения с компьютером, которым раньше не владел. Месяца полтора он пытался «обуздать Мустанга» и вскоре стал просиживать за письменным столом весь световой день. Трудился он над архивом педантично и добросовестно...

28 декабря 1996 года.

Роль (Швейцария).

Князь Георгий Васильчиков* – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иоанн? Иван? Ваня?

Мы не знакомы, однако, я - твой троюродный дядя – сын Лари и Дилки Васильчиковых, и я был очень близок с твоим дедушкой, дядей Серёжей Исаковым, которого мы все очень любили, и который был посаженным отцом на свадьбе сестры Татьяны («Берлинский дневник княжны Мисси» издан в журнале «Наследие»), Ты, возможно, его читал.

Твоя мать, тётя Буля была любимой родственницей моих родителей, и отец поддерживал с ней контакт через Патриархию до самой своей смерти в 1969 году. Я так рад, что благодаря Марине Боски*, я тебя нашёл, и надеюсь, уже не потеряю. Как жаль, что я раньше о тебе и о твоих ничего не знал...

Марина говорит, что ты – дирижёр! Какая это, должно быть, радость, тем более, что это позволяет тебе много разъезжать по стране. До моей аварии, я тоже немало ездил, особенно по Сибири и Крайнему Северу, куда почему-то меня особенно влекло. И музыкальный ваш мир я тоже порядочно узнал, так как моя фирма «Де Бирс» - попечительница программы «Новые имена» Российского фонда Культуры, именно молодых музыкантов, программой которых я много

занимался, даря им несколько роялей и т.д. Они даже выступали у меня на дому, в Ролле! Они прелестны и молодцы. Я рад, что Спиваков* возвращается в Россию. Я его слышал неоднократно в Москве, где начинал тогда карьеру уникальный Евгений Кисин*. Многие плачут по поводу «утерянных (сбежавших) талантов». Но ведь Россия – такой неиссякаемый питомник молодых талантов, что всем хватит...

Буду тебе звонить, т.к. из-за праздников, ты это письмо раньше Нового года не получишь. Марину поразил твой «19 века» чистейший французский язык! И меня в начале поразила уцелевшая культурная элита. И тем более радовала праздность и тщетность попыток тогдашних правящих кругов низвести всё и всех до собственного уровня. Вообще, что меня в СССР всегда удивляло, – это не то, что столько безобразия (после 70 лет ленинизма я ожидал этого), а то, что там столько достойных уважения и преклонения подвижников. И это теперь в меня вселяет оптимизм за будущее страны.

Обнимаю и желаю тебе и близким всех благ в Новом году.

Георгий Васильчиков».

(*Марина Боски – кузина маэстро Шпиллера, проживающая в Канаде.

*Спиваков В.Т. –скрипач, дирижёр. *Е.Кисин – пианист – примечание автора)

Москва, 1997 год.

Маэстро Шпиллер – Георгию Васильчикову.

« Дорогой дядюшка Георгий! На днях встретил одну знакомицу, которая рассказала мне о Твоём пребывании в Москве и сообщила, что Ты искал меня по телефону. Очень сожалею, что не встретились, но мы живём на даче и только иногда приезжаем в город. <...>

Но как бы там ни было, у меня к Тебе несколько вопросов. Если бы Тебя это не очень затруднило, был бы чрезвычайно Тебе признателен.

- 1. Где похоронен дедушка Сергей Николаевич? Не говорил ли он Тебе о месте погребения бабушки, то есть его жены? А его родителей?*
- 2. Моя бабушка – Людмила Яковлевна Тарновская* была, как я помню, в родстве с князьями Радзивиллами. С Карлом или его женой, урождённой...? Я был совсем маленький, когда меня возили из Болгарии в имение «Манкевичи» к Радзивиллам, где дедушка Сергей Николаевич катал меня в коляске (есть фотография).*
- 3. Моей тети Анны, у которой умер дедушка, вероятно, уже нет в живых? А где и когда она скончалась? Её фамилия Ракович? Её муж – Лаврентий Ракович? Кто это? А дети у них были?*

Мне совестно засыпать Тебя таким числом вопросов, тем более что писать или печатать Тебе иногда бывает затруднительно? Но, может быть, проще наговорить на кассету и прислать мне? Я не уверен, что

мне в обозримом будущем грозит быть в Швейцарии. Поэтому, упустив случай повидаться в Москве, о чём жалею несказанно, я и обращаюсь к тебе с вопросами.

Если надумаешь ответить письменно, можно воспользоваться факсом.

От души желаю крепости, жена ко мне присоединяется, и мы оба желаем Тебе всего самого доброго.

Обнимаю – Твой Иван».

Письмо князя Георгия натолкнуло Ивана Всеволодовича на мысль заказать в Федеральной архивной службе России справку о родословной Исаковых, так как сам маэстро этими сведениями не располагал. При советской власти, когда семья переехала в 1950 году в Москву, «лишние знания по этому вопросу» могли очень сильно повредить мальчику, и мама всячески оберегая его, хранила многое в тайне. Но, наконец, наступили времена, когда можно было узнать правду, не из тщеславия, а чтобы восполнить сведения о своих родственниках.

Через какое-то время после запроса, действительно, пришёл ответ из Российского Государственного Военно-Исторического Архива (РГВИА), в котором сообщалось, что прадедушка Ивана Всеволодовича по линии мамы – **«Исаков Николай Васильевич родился 10 февраля 1821 года, происходил из дворян Московской губернии, вероисповедания был православного.**

Воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе. Слушал курс в Императорской Военной Академии. Был женат на дочери надворного советника Лопухина девице Анне Петровне Лопухиной. Имел пятеро детей. За свою безпорочную службу Государю в различные периоды (за военные действия на Кавказе и в Крыму – Севастополь, в Венгрии) награждался многими орденами: св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», св. «Анны» 3 степени с бантом, золотой полусаблей с надписью «За храбрость», орденами св. Владимира 4, 3 и 1 степени, орденом св.Станислава 1 степени, орденом Белого орла и орденом св. Александра Невского, получил алмазные знаки ордена св. Александра Невского.

За содействие, оказанное по устройству вюртембергского отдела политехнической выставки, бывшей в 1872 году в Москве, получил от императора Германского орден Красного орла 1 степени, от императора Австрийского орден Железной короны 1 степени.

На принятие и ношение сих орденов последовало Высочайшее соизволение.

Николай Васильевич Исаков был награжден и орденом св.Андрея Первозванного при Именном Высочайшем рескрипте – 4 сентября 1889 года. Помимо указанных выше наград имел различные медали и знаки отличия.

Он был попечителем Московского учебного округа, главным начальником военно-учебных заведений. Основал «Педагогический

сборник», создал музей прикладных знаний. Добился перевода в Москву Румянцевского музея и выделения для него Пашковского дома (открытие состоялось в 1862 году). Собирал коллекцию гравюр и рисунков русских мастеров.

Генерал-лейтенант Николай Васильевич Исаков умер 25 февраля 1891 года. Похоронен на кладбище Данилова монастыря».

Младший сын генерала – Сергей Николаевич Исаков (дедушка маэстро Шпиллера по линии мамы) родился 22 июля 1859 года. В звании камер-юнкера состоял в ведомстве иностранных дел. (Более подробных сведений о Сергее Николаевиче Исакове не давалось).

Известно (со слов Марии Николаевны Шпиллер - Буси), что линия Шпиллеров начиналась с немецкого генерала, барона фон Шпиллера, который служил в России по военному ведомству ещё при императрице Екатерине.

Дедушка Ивана Всеволодовича по ветви отца – «Дмитрий Алексеевич Шпиллер – был потомственным дворянином, надворным советником, инженером отдела Гражданских сооружений Управления Юго-Западной железной дороги. Дмитрий Алексеевич происходил из дворян Черниговской губернии. Родился в 1868 году. Среднее образование получил в Киевском реальном училище, высшее – в Институте Гражданских Инженеров, каковой окончил в 1892 году. По окончании института поступил помощником начальника дистанции Лозовая - Севастопольская, где оставался до 1899 года.

Принимал участие в постройках Лозовского и Харьковского вокзалов, им была построена часть харьковской железной дороги в Киев. Параллельно со служебной деятельностью Дмитрий Алексеевич занимался частным гражданским строительством. Состоял постоянным архитектором женских гимназий ведомства Учреждений Императрицы Марии в Киеве. Имел высочайшие награды: ордена св.Станислава и св.Анны 3 степени.

Был женат на оперной певице Марии Николаевне Поляковой, которая после венчания со Шпиллером Д.А. навсегда оставила сцену. Имел троих детей».

Отец маэстро – Всеволод Дмитриевич Шпиллер - за своё многолетнее служение

Церкви также был неоднократно отмечен наградами: в 1948 году – получает (в Болгарии) крест с украшениями, в 1950 году – награждение (в России) палицей, в 1963 году – митрой, в 1965 году – орденом св. Иоанна Рыльского, в 1973 году – получает право служения Божественной литургии с отверстыми царскими вратами до «Отче наш», в 1979 году – второй наперстный крест, в 1982 году – орден св. Сергия Радонежского.

Из этих архивных документов следует: что, как в роду Исаковых, так и Шпиллеров мужчины верой и правдой (несмотря на их родовые титулы) служили России, и труд их (каждого по-своему) оставлял

заметный след в истории государства. Они не были тривиальными, себялюбивыми прожигателями жизни.

Их потомок – Иван Всеволодович Шпиллер – не менее добросовестно служил своему Отечеству. Музыкой он не только «успокаивал души человеческие», но и приобщал людей к великим ценностям мировой культуры. За это и он неоднократно был удостоен наград.

Но вернёмся в начало 1997 года, к нашему повествованию.

«Дорогой Иван Всеволодович и Любовь Фёдоровна! От всей души поздравляю Вас с Рождеством!- писала скрипачка оркестра Лариса Фурса,- Пусть этот праздник принесёт Вам много света и добра, спокойствия и удачи, приятных воспоминаний. Пусть всё плохое и злобное сойдёт и сойдётся, а останется любовь и радость жизни. Многие Вам лета и огромного здоровья. Мы все Вас очень любим, помним и очень скучаем. Оркестр стал не интересным, т.е. не стало души, а без неё – это просто «нормальный» рядовой коллектив. Довольствуемся просмотром старых записей оркестра по видео. Робко надеемся, что Вы нас тоже вспоминаете каким-нибудь словом. Дай Бог Вам всяческих благ.

С уважением к Вам – Фурса Лариса*.

P.S: Даже в такой большой открытке не хватает листа, чтобы выразить все чувства, которые мы все, и я в частности, к Вам питаем. Без Вас нам очень скучно и безрадостно!»

Наша дачная жизнь прерывалась редкими наездами в город, но мы, практически, нигде не бывали, и сами никого не принимали. Для визитов и встреч не было душевной расположенности. Маэстро никогда не жаловался, но я знала, что свой отъезд из Красноярска он переживает болезненно. В таком финале не было завершённости, какой-то осмысленности. Иван Всеволодович стал замкнут. Бывали дни, когда мы друг другу не говорили даже нескольких фраз, и уж, конечно, не обсуждали красноярские события. Эта тема была внутренним табу - запретной. Письма от оркестровых музыкантов прочитывались молча, без комментариев. Они нас не удивляли и не радовали, несмотря на их необыкновенную трогательность.

Только время, кропотливая работа над архивом отца и окружающая природа постепенно топили лёд душевной окованности.

Маэстро не раз в эти дни говаривал: «Я родился под Покровом Божьей Матери, и она всегда со мной. А испытания!.. у моих родителей они были куда серьёзнее, чем у меня!.. На всё – воля Божья!»

27 февраля 1997 года,

Красноярск.

Татьяна Малащенко* – маэстро Шпиллеру.

«Здравствуйте, дорогие Иван Всеволодович и Любовь Фёдоровна! Мысленно пишу Вам письма каждый день, а к реальному приступила только теперь. Для меня написать Вам – не просто. Хочется выразить всё своё уважение, любовь, благодарность, а также горечь разлуки. Но в одном письме всего не скажешь. Наша жизнь делится на «раньше» и «теперь»».

Первые 18 лет моей жизни в Красноярске прошли с Вами, была ли я студенткой, слушателем или артисткой Вашего оркестра. Это были лучшие годы моей жизни. Мы многому учились, встречались с замечательными солистами, приобщались к лучшей музыке, многие произведения стали любимыми, благодаря Вам. Вы для нас – путеводная звезда, маяк в нашей серой провинциальной жизни. В занятиях с детьми мы использовали Ваши слова и выражения, старались их научить тому, чему нас учили Вы. Я думаю, что это относится не только к поклонникам Вашего таланта, но и к этим мерзавцам! Отца, который их воспитал, вынуждал, дал им хорошие манеры – прогнали, теперь живут с отчимом, который учит обратному. Многие это поняли, но некоторые ещё считают, что при теперешней сложной жизни лучше, что нет такой дисциплины, таких строгих требований к исполнению, можно больше бегать по «халтурам», и не тратить столько нервов, вообще не тратить нисколько. Играть поперёк своей души. Некоторые солисты стараются освободиться от половины программ, и счастливы, когда не заняты. Оркестр ещё живёт старым жиром, но быстро деградирует. Сергей* раньше не пропускал концерты, а теперь не захотел слушать «Симфонические танцы» в чужом исполнении, а последний концерт раскритиковал в пух и прах. Так и сказал: «бедный Грибанов не дорос до Брамса». Очень обидно, до слёз, когда он берёт Ваши программы, перекраивает их на свой лад, а мы вынуждены это кушать большой ложкой! Особенно больно за любимые в Вашем исполнении произведения Рахманинова, Малера, Брамса, Бетховена. Хорошо, что не добрались пока до Стравинского. Зато покушаются на Девятую симфонию Бетховена. Раньше можно было с гордостью сказать, что мы сыграем в оркестре Ивана Шпиллера, пусть даже за пятым пультом вторых скрипок. А теперь упоминание об оркестре связано со скандалом на телевидении. К сожалению, Сережа связан с Красноярском слишком тесными узами, нет никакой возможности отсюда уехать.

Прошедший конкурс среди струнной группы не принёс мне особых результатов. За мной сохранилось моё старое место. Но последние два месяца жизнь была подчинена изучению сольной программы, была цель и смысл существования. Мне удалось преодолеть страх сцены и реализовать почти без потерь свои возможности. У меня нет крепкой скрипичной школы, зато - я получила хорошую - оркестровую. К сожалению, оркестровая игра в данном конкурсе не учитывалась совсем.

Прошлый год был одним из самых печальных в моей жизни. Сереже легче переносить уход из оркестра, потому что нет Вас, потому что уже другой оркестр, плохой, и напоминает больше клубок змей...

У нас небольшая передышка между грибановскими наездами. Неделя будет с английским дирижёром, потом несколько программ с Линь Тао. Пока жизнь не перестала нас «лихорадить». Эти «шарики» дорвались до власти и чувствуют себя героями. А мы остаёмся потерпевшими со всех сторон. Корабль наш тонет не только в городском масштабе. Остаётся надеяться только на чудо.

Поздравляю Вас с прошедшими новогодними праздниками, а также с наступающими весенними. Желаю Вам прилива свежих сил, бодрости духа, веры в удачу, творческих поездок, любви и взаимопонимания.

Остаёмся верные Вам и любящие Вас – семья

Малашенко».

(*Таня и Сергей Малашенко – музыканты Красноярского оркестра – примечание автора).

«В демократии страшная мощь разрушения, но когда примется она создавать, она теряется в ученических опытах, в политических этюдах... Действительного творчества в демократии нет». (Герцен – «С того берега») - записал маэстро Шпиллер в своей записной тетрадке.

10 мая 1997 года.

Лондон.

Юлия Довгяло* – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иван Всеволодович! Здравствуйте! Давно мне хотелось написать Вам, но у меня не было Вашего московского адреса, на днях мне прислали его из Красноярска.

А написать хотелось потому, что мне Вас очень не хватает. И особенно остро это ощущаю после тех редких репетиций и концертов с Гилфордским симфоническим оркестром, на которые меня приглашают.

В России мне повезло с педагогами, с учебными заведениями и с работой, я имею в виду Красноярский симфонический оркестр. То, чему меня учили в детстве и юности, не имело никаких разногласий с тем, что требовали Вы, Иван Всеволодович, в оркестре. Это была стройная, очень логичная система.

Тут же я столкнулась с полным отсутствием какой-либо системы, даже с отсутствием оркестровой грамоты! Особенно это заметно у струнников. Духовики тут, в основном, сильные, играют на очень хороших инструментах. Почти не бывает проблем со строем. Но построение фраз, нюансировка – на редкость странные. Я имею в виду не Гилфордский оркестр, а английские оркестры вообще, т.е. оркестры,

которые мне постоянно приходится слушать во время Колиных концертов. Некоторые хуже, некоторые лучше, кто-то больше старается, кто-то меньше, но в целом очень заметна разница между уровнем духовиков и струнников. Левые руки, как правило, вялые, то ленивое качание, которое считается вибрацией, на звуке не отражается...

Конечно, есть здесь и приличные оркестры, но их очень мало, качество игры и дисциплина сильно меняются в зависимости от того, кто ими дирижирует. Когда дирижировал Ю. Темирканов, то «Лондон филармоник» было не узнать, хотя это и так хороший оркестр. <...>

Недавно Коля играл «Третий» концерт Рахманинова с оркестром BBC города Манчестера. От первой репетиции он просто был в ужасе! Оркестр не плохой, но дирижёр! Некий Ричард Хикокс – ничего не понимает ни в музыке, ни в Рахманинове, ни в дирижировании. Маэстро элементарно не знал партитуры этого концерта! Коле пришлось указывать на неправильные ноты, неточный ритм. Этот Ричард Хикокс очень известный в Англии. Он сделал самое большое количество записей (по сравнению с более достойными дирижёрами). Здесь дирижёры - приветливые, с улыбками до ушей, занимаются гимнастикой под музыку. Останавливают оркестр только тогда, когда кто-то пропустил вступление, но никаких других требований! Ничего общего с тем, что было в Красноярском оркестре!

Тут как-то не принято работать над музыкой. Зато принято приходить на репетиции с едой, с питьём. У каждого под пультом стоит баночка, или бутылочка, лежат бутерброды, хрустящая картошка, орехи! Всё это грызётся, пьётся, кусается в паузах, во время репетиции! И это во всех оркестрах!!! Почему-то тут принято держать футляр от инструмента рядом со стулом, а пальто вешать на спинку стула. Более того, оркестровые тетки выходят на концерте на сцену с огромными сумками, чуть ли не с авоськами! Зрелище отвратительное!

Конечно, у меня мало радости в Англии. Ничего общего со счастливой жизнью в Красноярске. Там я провела 11 наихудших лет моей жизни! Однако, счастье не может быть вечным. Я не хотела сюда ехать, но сейчас я бы не хотела оказаться и в Красноярске. Мне пишут оттуда. Всё перекраивается, исчезает то особенное, что отличало Ваш оркестр, и звучит всё «нормально, то есть никому не нужно!». Это обидно.

Солисты почти не приезжают. В основном в оркестре играют красноярские «звёзды». Однажды приезжал «пианист» Александр Ардаков* из Лондона - «профессор Лондонской музыкальной академии». Играл этот Ардаков «Второй» концерт Рахманинова, постоянно путаясь в тексте, забывая и не выигрывая пассажи. Это было настолько незабываемо, что мне из Красноярска сразу три письма пришли, от совершенно разных людей, но все писали одно и то же. <...>

Коля брал меня в Израиль в марте прошлого года. Мне удалось там разыскать Мишу Буянера*, хоть и с огромным трудом. Он ничуть не изменился, очень рад был нас видеть. В Израиле ему несладко. Тяжёлый климат, язык он толком не освоил. Миша очень скучает по России. При нас в Израиле было два взрыва с огромным количеством жертв. Даже один из Колиных концертов пришлось перенести. <...>

Очень многие музыканты сейчас живут в Лондоне - (я имею в виду русских музыкантов). Довольно часто приезжают сюда русские оркестры, театры. В прошлом году приезжал Новосибирский оркестр. Я мельком видела Новикова*. Он еле волочил ноги со сцены – музыканты были безумно уставшие, почти все ночи после концертов они проводили в автобусах. После концерта в Лондоне они опять садились в автобус и ехали на юг Франции. На следующий день концерт у них был там. Проклинали они эти гастроли от всей души! <...>

Очень хорошо понимаю Ваше наслаждение тишиной, свежим воздухом, пением птиц. Мы ведь тоже живём почти в поле. Наша улица последняя в Гилфорде. Перед окнами иногда бегают олени, зайцы, лисицы... До центра Гилфорда три километра, которые я предпочитаю проходить пешком. Хотя после Красноярска, где по выходным дням я проходила по сорок километров по лесу в любую погоду, такие спокойные прогулки по аккуратным тротуарам не приносят мне ни малейшей пользы. Возможно, это лучше, чем сидеть в машине совсем без движения.

Не буду больше отвлекать Вас от серьёзной работы. Большой привет Вам от Коли, и всего, всего Вам хорошего, Иван Всеволодович! Главное – здоровья!

До свидания – Юля».

(*Юля Довгяло – жена пианиста Николая Демиденко, работала в оркестре Шпиллера концертмейстером группы вторых скрипок. *Михаил Буянер – бывший концертмейстер оркестра, *Новиков – бывший гобой оркестра, в разные годы уехавшие из Красноярска, - примечание автора)

Весенняя капель застучала по осевшим сугробам, зазвенела «капельками времени», заискрилась на ярком солнышке и принесла в дом радость. В нём снова стала звучать музыка. Маэстро решил откликнуться на некоторые приглашения из оркестров. И в марте 1997 года Шпиллер гастролитовал в Минске с Белорусским Госоркестром, где сыграл Третью симфонию Рахманинова и концерт № 5 для фортепиано с оркестром Бетховена (солировала Наталья Трулль), а в ноябре этого же года Иван Всеволодович был в Швейцарии, концертировал с камерным оркестром Ньё-Шателя. Для швейцарской программы он учил никогда им не исполняемые «Юморески» Яна Сибелиуса – пьесы для скрипки с оркестром и «Флорентийский секстет» Петра Ильича Чайковского. Балет Стравинского

«Аполлон Мусагет» Шпиллер знал прекрасно, неоднократно дирижировал этим произведением. Элегантность балетной музыки Игоря Стравинского маэстро очень привлекала, поэтому в разные годы Иван Всеволодович включал балеты в свои программы, неизменно получая удовольствие и наслаждение от работы с данным материалом.

Мне не докучали заботы о гастролях, потому что отлично знала, дирижёр Иван Шпиллер ещё многое может сказать в музыке. Хотя основным занятием в 1997 году была всё-таки работа над двухтомником из архива отца. Большую часть года маэстро провёл на даче, досконально изучая переписку, статьи и документы, оставленные батюшкой Всеволодом.

Август 1997 года,

Москва.

Маэстро Шпиллер – дочери Маше.

«Машенька, моя дорогая! Вот уж лето прошло, Тебе вот-вот в университет, студентушка моя любимая. Желаю Тебе в нём учиться так же, как Ты училась в школе. Ещё раз поздравляю Тебя и с окончанием (школы), таким блестящим, и с поступлением, не менее блестящим!..

Я очень, очень Тебя ждал. Не дождался... Ты вряд ли понимаешь, какая это для меня мука – разлука с Тобой. Их, этих разлук с Тобой и с Севой, было немало. Все они мне были... такой болью! А сейчас прибавилось и другое: чувство, что и Ты, и Сева меня избегают. Нет, не сужу вас, не корю, но это очень больно.

Помимо всего, просто человеческого, мне хотелось с Тобой посоветоваться и о Тебе, и о Севушке. Для этого надо повидаться, посмотреть друг другу в глаза. Очень жалею, что на Твоём, да и Севином пути ко мне всё ещё есть, видимо, немалые препятствия. Если я правильно их понимаю, то время их преодоления, как мне казалось, уже должно было наступить, а вот... не наступило. Думаю, что это очень не справедливо и, наверное, не только по отношению ко мне, но и по отношению к вам обоим.

Мне приходится подбирать выражения деликатно, т.к. я действительно никого не хотел бы обидеть. Но, Машенька, моя дорогая, добавлю одно: не дай Господь, чтобы в своё время Твои детки причинили Тебе такую же боль.

Когда я вас довёз до дедушкиного дома, и мы все решили спросить мнения старших, их разрешения на Твою и Севину поездку ко мне, мне так ясно виделось, что и Ты, и Сева этого хотели. Уверен, что не ошибся. Как жаль, Машенька, моя любимая, что этим летом этого не состоялось. Но, наверное, не обязательно именно летом? На лете свет клином не сошёлся? Да только время уходит так быстро! Его с какого-то момента... не будет! Пока я жив, знай: я Тебя очень, очень жду, всегда! Я Тебя, детка моя дорогая, очень-очень люблю. Знай это.

4 сентября.

Это письмо я, было, написал под «Успение», но не отправил, все думал взять да поехать хоть на часок-другой в Ярославль. Но тут беда вышла: перебои с бензином! Такого давно не было. И я отложил поездку, не отменил, а отложил, И надеюсь, не надолго.

Ты уже начала свою студенческую жизнь. Поздравляю Тебя ещё раз, моя ненаглядная! Дай Тебе Бог всего самого, самого доброго! Очень надеюсь на Твоё благотворное влияние на Севу. Ему надо очень помочь. Думаю, что это в Твоих силах. Поцелуй его от меня крепко-крепко и пожелай от папы: учиться усерднее.

*Всем кланяюсь, желаю здоровья и всего доброго.
Крепко-крепко Тебя обнимаю. Храни вас Господь!*

Любящий папа»

17 октября 1997 года,

Красноярск.

Татьяна Черникова* – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иван Всеволодович!

Я решилась вам всё-таки написать. Почему-то мне это было очень непросто сделать раньше. Как жаль, что нет возможности Вас увидеть, а ведь так о многом хочется поговорить. Нет, не жаловаться! Всё, что у нас сейчас происходит – это, на мой взгляд, даже бумаги недостойно. Простите, если грубо. Я так чувствую. Но самое главное, о чём я всегда хотела Вам написать и хочу, чтобы Вы знали. Вы остались в нашем Малом зале. Аплодисменты Вам! Недавно играли «Вокализ» Рахманинова. Оркестр играет «по-вашему», а дирижёр не чувствует этого, и я увидела, что люди прячут глаза, словно Вы проишли мимо каждого. Вы сделали оркестр, который скрывает недостатки дирижёра. Как-то странно получается.

Думаю, что ко мне присоединились бы многие, чтобы пожелать Вам всего, всего самого наилучшего. Как-то раз у меня сидели наши девчонки, и мы слушали Ваш компакт-диск с Луганским. Что Вы думаете? Да просто очень друженёк, по-бабьи, разрыдались! А уж Ваши «летучие» фразы...

Дорогой Вы наш, Иван Всеволодович! Берегите себя! А мы Вас помним и очень любим! Когда я играла на конкурсе, я им мысленно говорила: это получите за Ивана Всеволодовича, а вот этот пассаж получите за Игоря Яковлевича*. Ну, как? А! Так - то же. А кто меня учил?! Моё оружие – мой альт (кстати, новый и очень хороший). Вот теперь иногда отстреливаюсь (находится от кого...) А победа была наша общая!!! Низкий Вам поклон!

Передайте, пожалуйста, Любовь Фёдоровне самые добрые пожелания!

С уважением к Вам и большой благодарностью – Татьяна Черникова»

(*Игорь Яковлевич Флейшер – альтист оркестра, профессор института искусств в Красноярске – примечание автора).

Осень 1997 года.

Валентина Майстренко* – маэстро Шпиллеру.

Красноярск.

«Здравствуйте, Иван Всеволодович!

Какая-то печаль осталась у меня после Вашего отъезда из Красноярска. Может, потому, что главного я так и не сделала, за рецензией на Вашу книгу должна была последовать беседа с Вами об отце Всеволоде, но всё смешалось и в моей жизни. И в Вашей. А теперь мы уже далеко друг от друга. Но мне не хотелось бы, чтобы связь с Вами прервалась.

Теперь я не работаю в газете «Красноярский рабочий». Сейчас мы выпускаем с друзьями приложение к газете «Аргументы и факты». Кроме того, мы намерены выпускать толстый журнал «Новое и старое» - литературно-публицистическое и религиозно-философское издание, на страницах которого мы рады были бы увидеть и Ваши публикации, и труды учеников отца Всеволода...

Надеемся на Ваш ответ. Очень хотелось бы, чтобы Вы дали согласие и вошли в состав редколлегии нашего журнала.

Поклон Вам и Любви Фёдоровне.

С самыми добрыми пожеланиями Валентина Майстренко»

18 ноября 1997 года,

Красноярск.

Валентина Майстренко – маэстро Шпиллеру.

«Иван Всеволодович! Рада очень Вашему письму, тому, что согласились на редколлегию, на московское представительство от красноярского журнала. Так бывает. И хорошо, что бывает. Из Пскова Валентин Курбатов* тоже дал согласие, и выслал уже статью. Вам для начала, я думаю, лучше обратиться к эпистолярному тому. Поскольку содержания его не знаю, лучше выберете отрывок сами, имейте в виду, что публикация возможна в нескольких номерах. И лучше – переписка с известными лицами (возможно, и с одним лицом, например, с таким удивительным человеком, как владыка Серафим). Так как у нас по

замыслу должны содержаться сведения об авторе, то Вам следует коротко изложить свою биографию, а также написать и небольшое вступление к публикации – от автора. Нужны краткие сведения об участниках переписки. И по возможности, хорошо было бы снабдить их photographиями.

Дерзну высказать ещё одно пожелание. Это очень деликатная и трогательная тема. Изумительным подарком для нашего журнала стала бы переписка Вашего отца и Вашей мамы, опять же с Вашим вступительным словом. Чувствует моё сердце, что Вы храните этот драгоценный клад. Но решитесь ли обнародовать?.. А какая потрясающая была бы история любви, так необходимая сердцу молодого читателя.

Если Вам позвонит монах Арсений из наших краёв – не удивляйтесь. Он – человек, близкий к журналу, и с ним можно передать рукописи. Будем ждать их (почтой ли, нарочным ли).

Поклон Вам, поклон Любви Фёдоровне от меня и от Людмилы Винской*.

С самыми добрыми пожеланиями – Валентина Майстренко»

(Винская Людмила Андреевна – журналист, Валентин Курбатов - писатель – примечание автора).

Вот что писал в предисловии к публикации в этом журнале сам маэстро Шпиллер:

« 10 лет тому назад я закончил небольшую книжечку воспоминаний о моём отце. Она тут же вышла в свет в одном московском православном издательстве, и даже раза три переиздавалась. Попала она, между прочим, и в Красноярск.

Да простит мне читатель – не могу удержаться и не сказать: мало что в жизни могло доставить мне радость, сравнимую со словами подходивших ко мне на улице и в Москве, и в Красноярске людей, зачастую совершенно не знакомых:

- Мы читали ваши «Воспоминания»... Спасибо Вам!

Никакой шумный успех после концерта, ни в Красноярске, ни в наших, ни в других столицах, ни близко, ни далеко за рубежом меня так не волновал, как эти слова – до самой глубины души... Я благодарно кланялся и старался быстрее удалиться, чтобы скрыть слезу.

Журнал «Новое и старое» продолжает в этом номере публикацию подготовленного мной к грядущему 100-летию моего отца эпистолярного тома под названием: «о.Всеволод – жизнь в сохранившихся письмах».

Я уверен в том, что эти страницы из будущей книги заинтересуют очень многих, самых разных людей, с живым чувством сопричастности к судьбам русской культуры».

13 ноября 1998 года.

Дача.

Маэстро Шпиллер – Марине Черкашиной в Киев.

«Дорогая пани профессорша!

Давно известно, что «умом Россию не понять...» Некоторые тезисы Твоего письма наглядно показывают, что ридна Украина – та же Россия, и самостоятельность – иллюзия. Приведу два таких подтверждения.

1. Тотальный кризис, зарплаты задерживаются, они мизерны и всё... плохо. Но! Не успев проникнуть в тайны Валгаллы в самом эпицентре вагнеризма, как люди отправляются в Элладу. Это хорошо, но дюже непонятно...

2. Как у москалей столица – другое государство, так и хохлов – Киев живёт всё же по другим законам, чем ридна Украина у цэлом. Как живут люди (Твои ученики), не получая зарплату по семь месяцев? Как и те, о которых вы слышите по программе «Время». Нет, эту территорию умом не понять.

Рад, однако, за Тебя – я про Афины. Если, конечно, у Тебя на них хватит времени. Жду доклада. <...>

Поздравляю неутомимого Виталия. Был бы весьма признателен, если бы можно было как-нибудь послушать «Монологи».

Крайнев? Фестиваль? В Киеве? А ещё и очередной... А, простите, зачем? Впрочем, не мой вопрос – я этих принципов построения, организации концертной жизни не понимаю. <...>

Пытаюсь расшевелить музыкальные клетки. Они, похоже, не совсем в состоянии атрофии. Реанимация возможна, хотя и требует усилий. Я для этой цели взял то, чем заниматься в жизни почти не пришлось - симфонии Сибелиуса. Увлёкся. Да, и пришла мне в голову такая аналогия: раньше, в молодости, тянуло на море, на солнышко, на юг; пришла пора, когда тянет, если не на север, то в тишину снежных лесов... вот как сейчас здесь – сегодня выпал обильно снег и очень красиво!

Между прочим, у Сибелиуса удивительно интересные формы, начиная с финала третьей симфонии и далее (хронологически). Это, как мне кажется, почти везде крепкий орешек для желающего разобраться в них. Загадочно, конечно, и его почти 30-летнее «молчание». Оно немало мыслей порождает. Каких? Ну, например, по аналогии: а почему Станиславский приумолк? Не потому ли, что публика – зал! – изменились?

А что, пани профессорша, Ты мне как профессор истории музыки (если я не ошибаюсь) скажешь. Или Твой предмет - другой? Нет, я нисколько не нападаю, а спрашиваю: имеешь ли Ты, что сказать по этому поводу, или сошлешься на кого-либо? (Желательно мне по-русски, французский, или болгарский). Нет, спасибо, по - немецки не разумею, и уже не успею выучиться. К сожалению! Ещё

Гаук мне советовал, лет 40 назад, но...я не удосужился выучить немецкий. Да! – Дурак!.. (А разве это новость? – Для меня нет!!!) Будь я по умнее, то и творения Вагнера были бы мне (в их театральной части) и понятнее, и роднее. Мой же теперешний статус не вызвал бы сочувствия у Мамы. Она бы с горьким сожалением подумало о сыне: «Ну и необразованный!.. А точнее: Хом и необразованный!» (Почему «о» не «а» - не знаю, но это цитата – удостоверяю!)

После прошедшей ночи проснулся и наслаждаюсь: вокруг зимний пейзаж красоты неопишуемой, в доме тепло, тихо – терапия, лишь собачки дают о себе знать...

Люба хворала и довольно долго (и сильно), так что мы давно не были на даче. Красиво невероятно! Вспоминалась Руза...

Ну, вот я опять разболтался. Пора прикусить язык и ждать стихи из Афинской тетради. А как рука и прочее самочувствие? Губареше шлю сердечный привет, а вам обоим самые добрые пожелания от нас.

Обнимаем вас – подмосковные Шпиллеры»

Из концертов 1998 года – такого трудного и нищего для всей страны, нас в том числе, мне запомнился концерт в Большом зале консерватории, посвященный 90-летию со дня рождения Давида Фёдоровича Ойстраха. Шпиллер принял приглашение дирижировать этим концертом памяти с огромной радостью, так как не только помнил Давида Фёдоровича, но и относился к выдающемуся скрипачу XX века с большим пиететом.

25 ноября 1998 года:

«Бабука! Я, кажется, согласился проаккомпанировать концерт памяти Д.Ойстраха («благотворительный»...) с оркестром консерватории. Отправился то ли репетировать, то ли за нотами.

Целую. Дядьку-у»

(Эта записочка адресована мне. Вероятно, меня почему-то не было дома в это время – примечание автора).

Из разных стран мира приехали в Москву (хотя и далеко не все) ученики великого скрипача, ставшие сами знаменитыми музыкантами: Виктор Пикайзен, Лиана Исакадзе, Олег Крыса...

Оркестр Большого зала консерватории с удовольствием работал над программой с маэстро Шпиллером. Некоторые педагоги консерватории даже стали с беспокойством звонить Ивану Всеволодовичу и спрашивать:

- Что ты там с нашими студентами на репетициях делаешь? На оркестровые занятия их нужно было загонять чуть ли не силой. Теперь все бегут туда с удовольствием!

У маэстро в это время произошёл разговор и с ректором консерватории Овчинниковым* о том, чтобы Иван Всеволодович набрал летом свой дирижёрский класс. Не знаю, кто постарался сделать так, чтобы набор в этот класс в последствии не состоялся, но теперь это уже и не важно, хотя для консерватории, на мой взгляд, была потеря. У Ивана Всеволодовича было чему поучиться будущим дирижёрам во всех отношениях. И уверена, что учил бы он превосходно.

14 декабря 1998 года,

Москва.

Маэстро Шпиллер – Марине Черкашиной в Киев.

«Шановна, пани профессорша!

<...> Твоя компетентность в Сибелиусе меня несколько не удивила. Это, впрочем, не упрёк, именно так и было поставлено дело в нашей хвалёной «сфере музыкального образования». В результате мы все – неучи. Ну, не совсем все, – исключения можно по пальцам перечесать. (Но мы с Тобой туда не попадаем!..)

Ты спрашиваешь, по заказу ли я заинтересовался Сибелиусом. Нет. <...> Просто для расширения кругозора, ликвидации части белых пятен безграмотности. В Красноярске при мне прошли первые две симфонии, я начал заниматься последней – седьмой и уехал. Композитор он – замечательный. Жаль, что я это понял поздновато...

Напоминает Тебе, говоришь, итальянского обжору-весельчака? Но ведь Россини ещё дал В.Телля, если я не ошибаюсь? У Сибелиуса этого либо не было, либо осталось неизвестным.

*Твой подробный рассказ об Афинах (спасибо, интересно) навёл меня на мысль. Тебе следовало бы стать чем-то вроде постоянного консультанта, gest-professor у них. Правда, язык... Ох, уж эти языки! Незнание их, или плохое знание – остаточное явление, наследие «железного занавеса». Опять же, как и то, что мы неучи... В этом людей винить почти нельзя (виноваты не столько они, как система «образования»). Таковы, дорогая пани профессорша, мои доцентские соображения. Извини, если что – не так!
И.Шпиллер»*

10 марта 1999 года.

Большой зал консерватории.

Мария Кнушевицкая – маэстро Шпиллеру.

«Мы Тебя поздравляем, целуем и очень, очень счастливы!

Мирра, Оля, Андрюша»

В этот день в Большом зале консерватории Магнитогорская хоровая капелла и Большой симфонический оркестр имени Чайковского исполняли Реквием Дж.Верди. Дирижировал произведением - Иван Шпиллер. Пятью днями раньше эта же программа была сыграна маэстро и оркестром в Челябинске.

1999 год был «урожайным» на концерты, так как заканчивалась работа по созданию книг. Шпиллер сыграл пятнадцать интересных программ в разных городах: Челябинске, Москве, Санкт-Петербурге, Белграде... Замечательный концерт был 17 марта в Большом зале консерватории с Виктором Третьяковым. Он посвящался 90-летию со дня рождения профессора Янкелевича, воспитавшего плеяду талантливых скрипачей России. Немало добрых слов заслужила программа с Дмитрием Алексеевым и консерваторским оркестром, в том же Большом зале консерватории 29 марта - было сыграно два концерта Равеля для фортепиано с оркестром и две рапсодии: Рахманинова – «на тему Паганини», Гершвина – in blues.

27 мая 1999 года.

Ярославль.

Сева Шпиллер – маэстро Шпиллеру.

«Здравствуй, дорогой мой Папа!

Как прошли Твои Питерские концерты? Уверен, что с успехом и, надеюсь, с очень большим. Поздравляю и жду подробного отчёта.

Мне тоже есть, что Тебе хорошего рассказать. Позавчера, во вторник 25 мая 1999 года я провёл своё первое дело в суде, арбитражном. Представлял истца по доверенности (как это обычно и оформляется). Этот суд пока не закончился, но это моё первое судебное разбирательство, где я один выступал в качестве стороны в гражданском процессе. Взыскивал убытки с одного предпринимателя в пользу другого. Я очень этим фактом доволен, и с радостью спешу с Тобой поделиться.

Работа юрисконсультom на кирпичном заводе тоже, Слава Богу, движется. Вот такие у меня дела.

Приближается июнь, а с ним и университетская сессия, предстоит встретить пять нелёгких экзаменов. Пока сдаю зачёты, осталось два (сдал тоже два, плюс защитил курсовую работу по гражданскому праву - на 5).

Маша сдала экзамен по английскому языку - на 5, и ей осталось четыре экзамена, тоже в июне. Времени сейчас очень мало.

Передаю Тебе привет от Маши, желаю дальнейших успехов в работе, будь здоров, не болей (плюс худей)! Всем кланяюсь.

Сева.

Р.С: Телефон Твой, к сожалению, не отвечает, очень хотел услышать Твой голос. Спасибо за звонок, дедушка передал».

Август 1999 года - в размеренную московскую жизнь маэстро Шпиллера «стремительной атакой ворвался» генерал Александр Лебедь. Когда раздался телефонный звонок из Красноярска, и из приёмной губернатора сообщили, что Лебедь* приглашает Ивана Всеволодовича для разговора, я с большим недоверием отнеслась к известию. Уж очень оно было экстравагантным! Конечно, мы знали, что публичный политик Александр Иванович Лебедь выиграл губернаторские выборы в Красноярском крае, что там происходят большие перемены. Но мы совершенно не связывали эти события с нашей жизнью. Шпиллер и Лебедь были так не похожи друг на друга, что казались антиподами, которые не могли иметь ничего общего.

Тем не менее, билеты на самолёт были присланы, и маэстро полетел в Красноярск. Вернулся он оттуда через два дня возбужденным и очень весёлым, каким уже давно не бывал. Оказалось, что генерал был с Иваном Всеволодовичем доброжелателен, даже - ласков. Шпиллера поразила широта взглядов Лебеда, его целеустремленность, яркость натуры. Надо сказать, что «дядя Ваня» имел свойство: прежде видеть в человеке доброе, хорошее. У него самого никогда не было «второго дна», он быстро влюблялся, и за своим очарованием кем-то не всегда мог разглядеть реальное. Маэстро был открыт и искренен, часто в ущерб себе, как дитя. Рассказывая мне о поездке, о разговоре с губернатором Лебедем, он для себя уже решил принять предложение генерала - дать концерт в Красноярске.

А в это же самое время нам в Москву пришёл факс из Белграда. Для филармонического оркестра сербам нужен был новый главный дирижёр, и они приглашали Шпиллера не только на концертную программу, но и для подписания долговременного контракта.

Не скрою, мои симпатии были на стороне сербов: их филармонический оркестр – по - европейски профессионален, расстояние от Москвы меньше, чем до Красноярска, но главное – я не хотела возвращаться в Сибирь, несмотря на то, что это были мои родные края, потому что знала, опять будет только работа – наизнос.

22 октября 1999 года маэстро вышел на сцену Малого концертного зала в Красноярске, поклонился университетской публике – все, как по команде, встали, приветствуя артиста аплодисментами. Эта встреча со студенчеством города была очень трогательной и волновала до слёз. Свободных мест в зале не было, люди сидели даже в проходах на полу. Балкон был готов обломиться от переаншлага...

На следующий день программа концерта повторялась для общегородской публики. В филармонии собрались многие известные горожане. Перед концертом на сцену вышел Александр Иванович Лебедь и сказал несколько напутственных слов:

«Дорогие друзья! Города скучают без любимых имен. И город Красноярск ощутил разлуку с Иваном Всеволодовичем Шпиллером. 18 лет Иван Всеволодович был художественным руководителем Красноярского симфонического оркестра. Эти годы принесли коллективу славу и радость сотрудничества с самыми известными и самыми знаменитыми музыкантами России. Профессиональный цех оценил заслуги Ивана Всеволодовича званием народный артист России, а жители Красноярска титулом «Почетный гражданин города». Сегодня город и гражданин встречаются снова. А оркестр встречается со своим дирижёром. Я абсолютно уверен, что нас с вами ждет совершенно особенный, замечательный концерт, где будут звучать и струны скрипок, и струны души! С Богом, Иван Всеволодович!»

Появление маэстро на сцене вызвало буквально шквал аплодисментов, и публика опять встала. Шпиллер долго не мог начать программу. Да, это был необычный, памятный концерт – во всех отношениях. В конце его, когда были сыграны все заявленные произведения и две пьесы на бис: из «Времен года» Чайковского – «Подснежник» и «Осенняя песнь», маэстро решил пошалить. Он дал вступление оркестру, зазвучал «танец маленьких лебедей» - Шпиллер медленно пошёл со сцены, оркестр исполнял номер без дирижёра. Овациям не было конца!!!

Но я, сидя в зале, глядя на восторг публики, удовлетворение оркестровых музыкантов, множество букетов - слишком хорошо помнила и другое. «Хвалу и клевету приемли равнодушно*...» Нет, не хотелось мне оставаться в этом городе, хотя и прекрасно понимала, что для маэстро такой приём очень важен.

Лебедь не торопил Ивана Всеволодовича с ответом. И мы улетели из Красноярска в Белград.

«Дни поздней осени бранят, обыкновенно, но мне она мила*...» Мы радовались яркому, но не жаркому солнышку и неспешному течению Дуная, сидя на пустынном берегу. (После американской блокады и бомбежки по реке не двигалось ни одной, даже махонькой лодчонки). Но в этой пустынности была своя поэзия, и мы почему-то старались не думать о завтрашнем дне, не строить планы. Как замороженные, смотрели на одинокую чайку, которая с криком вилась над водой, и каждый из нас молчал о своём.

С Белградским филармоническим оркестром работать маэстро Шпиллеру было приятно, музыканты стремились выполнить все его требования и реализовать замыслы. Особенно удалось в концерте исполнение «Картинок с выставки» М.Мусоргского в оркестровой редакции М.Равеля. Они прозвучали красиво и мощно. Иван Всеволодович, как никто, умел искусно нагнетать звучность, подходя к кульминации эпизода. Соотношение частей произведения было досконально продумано. Мусоргского сыграли блистательно, с интересными динамическими контрастами.

Когда настал момент обсуждения с дирекцией условий контракта, то маэстро с «прямотой римлянина» заявил, что принял предложение Лебеда, и

возвращается в свой оркестр, а с Белградской филармонией - готов сотрудничать.

Из Белграда наш путь опять лежал в Санкт-Петербург. Там Шпиллер должен был со вторым филармоническим оркестром сыграть Бетховенский вечер: тройной концерт и симфонию №7. И только в конце ноября мы улетали работать в Красноярск.

Наше возвращение в Сибирь совпало с визитом Святейшего Патриарха Алексия* (Второго) в Красноярскую епархию. По приглашению архиепископа Антония* и того же генерала Лебеда Патриарх совершал не столько инспекторскую поездку по краю, он прибыл для освящения вновь возведенных храмов.

На приеме, устроенном в честь церковного деятеля, было много гостей, в том числе и маэстро. Некоторые чиновники из администрации города и края, произнося тосты и здравицы, бесконечно путались в обращениях к Святейшему Патриарху, так как не имели опыта общения с Первосвятителем – сказывалось почти вековое атеистическое воспитание.

Когда начальник управления культуры Татьяна Алексеевна Давиденко* подошла к Ивану Всеволодовичу и попросила его сказать несколько слов, маэстро не был особенно удивлён. В своём слове он поблагодарил Патриарха за то, что тот прибыл в Сибирь в знаменательный день – праздник «Введения во храм Пресвятой Богородицы». Что теперь, и все присутствующие как бы введены во храм Главой православной церкви. К великому сожалению, я не смогла записать тогда речь Ивана Всеволодовича, хотя и сидела с ним рядом. Но прекрасно помню реакцию собравшихся на очень учтивое, великолепно сказанное слово, – столбняк! Когда маэстро подошёл к Патриарху Алексию, то услышал в ответ тёплые слова о своём отце и пожелание многих лет служения великой музыке. (Это была не первая встреча маэстро с Патриархом Алексием-Вторым). Иван Всеволодович воспринял благословение Святейшего Патриарха очень серьёзно – как промысел Божий!

Еженедельник «Аргументы и факты на Енисее» в эти дни (декабрь 1999 года) публикует с маэстро Шпиллером большое интервью Татьяны Бочаровой, где обсуждаются различные вопросы. Мнения Ивана Всеволодовича, высказанные в этой беседе, с моей точки зрения, очень интересны, приведу здесь лишь небольшую часть интервью:

«Всё возвращается на круги своя. Иван Всеволодович Шпиллер снова работает с коллективом. У 64-летнего маэстро ярко-голубые, как у ребенка, глаза. Шпиллер полон сил, энергичен и бодр. Каждый его жест, каждая реплика поразительно артистичны.

- Красноярский симфонический оркестр – ваше дитя. Какие чувства вызывает у Вас оркестр сегодня?

- Моё дитя радует меня тем, что оно до сих пор, несмотря ни на что, живое. Сохранило высокое отношение к музыке, общее понимание фразы. Две программы у нас уже позади. Без лишних слов вспомнили, что к чему, и

теперь репетиционный процесс идёт своим чередом. В оркестре много новых лиц. Они вписываются в контекст. Это ценно. Среди новичков есть очень толковые музыканты... А что огорчает? Нищета. Не беспросветная, но невероятная.

Географическое положение здесь просто жуткое. До границы хоть на восток, хоть на запад безумные тысячи километров. Это накладывает отпечаток на образ жизни, на людей – даже на власть! Есть дорога с оживленным движением. Но мы, к сожалению, от неё далеко.

- Многие российские оркестры сотрясают конфликты. В чём их причина?

- Не в склочности, не в сутяжничестве, не в скандальности музыкантов. Боже упаси, так думать. В основе всех шероховатостей лежит момент экономический: либо нищета, либо приближение к ней. Если человеку плохо, кого он винит? Ближайшего начальника. У оркестрантов начальник один – дирижёр.

- Как, на Ваш взгляд, должны складываться отношения между исполнителями и маэстро? По принципу диктата, товарищества, демократии?

- Художественное руководство творческим коллективом – будь оркестр, театральная труппа, танцевальный ансамбль, съемочная киногруппа или редакция – по определению не может иметь никакого отношения к демократии. Оно может быть только авторитарным. Осуществляется одна художественная идея. Её можно критиковать, не принимать душой, сердцем, мозгами. Но всё равно ей надо следовать, понимая, что в этой идее, выношенной, выстраданной дирижёром, режиссером, постановщиком, есть высший смысл. Да и вообще, у нас слово «демократия» слишком часто употребляется.

Что касается моего разрыва с Красноярским симфоническим... Никаких разбитых горшков в этой истории нет. Я уехал не из-за неладов с музыкантами. Люди попали в сложную ситуацию, там и провокации были. Если бы дело было только в трениях между нами, я бы решил это за восемь минут. Ситуация была с губернатором Зубовым. Он только изображал человека, который болеет за искусство. Как же – профессор, интеллигент! На самом деле он ничего в этом не понимал.

Вместо того чтобы спасти то, что определяло лицо культуры и искусства Сибири, он затеял такую глупость, как Тихоокеанский фестиваль, который никому не был нужен – кроме лиц, получающих хорошие деньги в штабе фестиваля. И самого Зубова, имевшего с фестиваля политические дивиденды. Колоссальные деньги и тратились попусту! Я был категорически против. Мы вошли с Зубовым в очень серьёзную конфронтацию. Именно это, а вовсе не разлад с оркестрантами, определило мой отъезд...

- Традиционная сентенция: художник должен быть в оппозиции?

- Какая оппозиция, помилуйте! Разве может руководитель коллектива, находящегося на обеспечении государства, не быть в отношениях с представителями этого государства?.. Даже гениальный Бетховен, который не нуждался ни в чём содействии для того, чтобы вписывать в партитуры

звуки, рвущиеся из глубины души, поддерживал отношения с властями, порой был любезен, более того, в дипломатических целях некоторые свои произведения посвящал герцогу. Вежлив с коронованными особами был и Моцарт, который служил при дворе. Что говорить о Бахе, который всю жизнь препирался с муниципалитетом, прося денег то на оркестр, то на хор. Переписка Баха привела меня в изумление – оказывается, у великого Баха были те же проблемы, что и у нас.

Было время, когда я работал в атмосфере полного понимания - при Павле Стефановиче Федирко. Если бы не было искреннего стремления этого замечательного человека превратить Сибирь в край высокой культуры, здесь никогда не было бы ни симфонического оркестра, ни оперного театра. После Федирко краем руководили, мягко говоря, не подарки. И вместо того, чтобы думать о музыке, мне приходилось ходить и просить – новые инструменты, зарплату, жильё...

Много лет я смиренно нёс этот груз. А потом просто уехал.

Нынешний губернатор сам заинтересовался оркестром, проявил хорошую инициативу. С чего же мне вставать в позу? <...>

- Как Вы относитесь к авангарду в искусстве?

- Такого я вовсе не принимаю. Есть люди, которым это очень нравится. Пусть. Я не вхожу в обсуждение этих вещей.

- Вы не сторонник авангарда?

- Я его убежденный противник! «Квадрат» Малевича для меня не произведение искусства. Так же, как произведения Губайдулиной и «Герника» Пикассо. <...> Лучше всего на этот счёт высказался глубоко мною уважаемый и почитаемый Сергей Васильевич Рахманинов: «Модернистов не играю. Не дорос!..»

- Следите ли Вы за политическими событиями в России? Раньше Вы принципиально не смотрели ТВ, не читали газет?

- Газет в доме до сих пор нет. А с телевизором я, к сожалению, дал слабинку: новости иногда посматриваю. Но редко. Меня больше интересует, как прошла репетиция, понятны ли мои идеи музыкантам. Но поскольку в цирк я не хожу, прямые трансляции из парламента мне иногда любопытны.

- Говорят, что искусство в России переживает не лучшие времена. Всё в упадке, всё гибнет. Вы с этим согласны?

- Ну, в гибели я не уверен, совсем не уверен. Хотя времена, действительно... Искусство определяют личности!..»

На восстановление Красноярского оркестра ушёл целый сезон. По распоряжению губернатора коллектив «был одет, обут и поставлен на довольствие». Больше никто не задавал вопроса: «Кто такой Шпиллер, и почему ему нужно помогать?!» В оркестре появились не только новые смокинги, но и новые духовые инструменты, оформлялись документы на получение нескольких квартир, выросла (пусть ненамного) зарплата, и выдавалась она регулярно.

Губернатор Александр Лебедь в различных интервью не раз подчёркивал, что разрушать, как человеку военному, ему пришлось немало. Настала пора созидать. Он сумел повернуть колесо истории оркестра и, дав ему большие материальные возможности, без которых немислимы были творческие успехи, вдохнул в коллектив новую жизнь.

В Красноярск опять зачастили знаменитые исполнители. В программах выступали Николай Луганский, Вадим Руденко*, Денис Мацуев – новые лауреаты престижных музыкальных конкурсов. Появились и давно знакомые публике имена Игоря Гаврыша*, Натальи Трулль, Владимира Селивохина, Ирины Плотниковой...

Сам «дядя Саша» постоянно бывал на концертах маэстро Шпиллера. Между ними возникла симпатия, которая объединяла талантливых людей. Нет, Александр Иванович не считал себя меломаном, наоборот, он говорил о том, что ему нужно «врастать и врастать» в этот малознакомый мир, губернатор не стеснялся признаваться маэстро в том, что какое-то произведение ему не понравилось, или было ему непонятно. Далеко не каждый публичный политик позволит себе такое откровение. Но постижение законов Гармонии и Красоты ещё никогда никого не обедняло, и повоевавший вдоволь генерал понял это раньше многих. Он-то точно знал, что в XX веке, который теперь стал историей, был востребован человек с ружьём, и ружьё это безотказно стреляло, в том числе по нашим душам! Только генералу больше не хотелось стрелять, ему хотелось жить, любить, слушать музыку...

5 июля 2000 года,

Вашингтон.

Иван Минас-Беков – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Ян! Поздравляю! Всё, как и должно было быть. Прослушал все твои записи, которые ты мне послал. Слов нет, как хорошо, какой оркестр ты сделал! За четыре дня, как получил твоё письмо, видел сон: ты, я и Лебедь сидим и разговариваем. Вот так-то, и ничего мы не знаем.

Извини, что с опозданием поздравляю с Пасхой. У меня был инсульт, но как будто выскочил. Продолжаю возиться с моими детишками в музыкальной школе, а там дальше – как Бог даст.

Целуем, обнимаем – Ваня».

«С днём рождения, маэстро! – писала газета городские новости 18 июля 2000 года.

На днях художественному руководителю и главному дирижёру Красноярского академического симфонического оркестра, народному артисту России Ивану Шпиллеру исполнилось 65 лет!

История развития профессионального искусства города невозможна без имени Ивана Всеволодовича. Имя этого человека стало синонимом высокой музыки в Красноярске. Поистине замечательным событием этого года явилось возвращение маэстро в родной оркестр. Прошедший творческий сезон стал для академического коллектива сродни второму рождению.

Редакция газеты «Городские новости» от всей души поздравляет маэстро с юбилеем. Желаем долгих лет жизни и творческих успехов!»

Из крупных ораториальных произведений в новом Красноярском сезоне была исполнена оратория «Иван Грозный» Сергея Прокофьева со сводным хором города и «Фауст-симфония» Листа. А ровно через год после возвращения маэстро Шпиллера красноярцы принимали у себя камерный хор «Бон-Тон» (Нидерланды). Вместе с хористами педагогического колледжа голландцами (объединенный хор), солистами и оркестром публике была представлена оратория И.Гайдна «Сотворение мира».

В этом концертном сезоне Шпиллер впервые исполнил симфонию № 7 Яна Сибелиуса. Летом на даче он продолжит занятия с симфониями финского композитора, чтобы в следующих концертных программах сыграть их все. (Музыка Сибелиуса очень интересовала Ивана Всеволодовича и была ему близка).

В Москве в Большом зале консерватории в апреле 2000 года с БСО имени Чайковского маэстро сыграл роскошную французскую программу, в которой солировал Вадим Руденко.

4 сентября 2000 года маэстро Шпиллер был вновь награжден - почётным знаком отличия «За заслуги перед городом Красноярском» - рубиновым крестом с украшениями, на одной из сторон которого выбиты слова: «дело, честь и слава». Глава города Петр Иванович Пимашков* вручал этот знак после концерта, на сцене, публика стоя приветствовала награждение, бурно аплодируя! (Знак вручается только почетным гражданам города, но далеко не всем).

Дерзаю высказать мнение, что для Ивана Всеволодовича это была самая дорогая награда, которой он по-настоящему гордился (хотя гордость, как свойство, ему была не присуща).

2001 – 2003 годы.

Москва – Красноярск.

*«В пути я занемог.
И всё бежит, кружит мой сон*

Рождество 2001 года.

Красноярский академический симфонический оркестр летит с концертами в Санкт-Петербург, Нарву и Талин. Этим гастролям предшествовал месяц тщательной подготовки в чудовищных условиях. Декабрь 2000 года в Красноярске выдался наособицу морозным. Температура достигала 43-45 градусов мороза. Мы жили в промёрзшей гостинице, где, практически, не было постояльцев (и даже закрыли ресторан), в филармонии тоже было очень холодно, по улице передвигались перебежками. Но, несмотря на морозы, люди в оркестре не роптали, к репетициям относились добросовестно, потому что всем очень хотелось поехать – гастролей не было с 1998 года.

Программа намеченных выступлений была не самой лёгкой:

1. Бетховен – концерт для фортепиано с оркестром №4
солист Николай Луганский (Москва).
Лист – «Фауст-симфония» (в Санкт-Петербурге - с хором
«Смольного»
собора, в Талине – хором Эрнесакса).
2. Рахманинов – симфония №1.
Шуман – концерт для виолончели с оркестром – солист
С.Словачевский
(С.Петербург).
- Рихард Штраус – сюита из оперы «Кавалер роз».

На первом концерте оркестра в Большом зале Дворянского собрания Санкт-Петербургской филармонии губернатор Александр Лебедь присутствовал с несколькими своими заместителями, так как подписывался ряд документов о сотрудничестве между Красноярским краем и городом на Неве. Губернатор Владимир Яковлев* тоже приехал на концерт сибиряков. И не без гордости Александр Лебедь рассказывал в антракте своему коллеге о возрождении оркестра, назвав его «Фениксом, восставшим из пепла». Не знаю, правомерно ли было подобное сравнение, но то, что власть повернулась к музыкантам лицом, стараясь быть рачительным хозяином государственного коллектива, было очевидно. За четверть века существования оркестра ни один руководитель края не бывал на концертах столько раз, сколько генерал А.Лебедь. Причём, как публике, так и музыкантам было видно, что это не «политические игрушки», а проявление подлинного интереса. Лебедю действительно удалось в короткий срок возродить оркестр, вернее, перевести его в новое качество.

Гастроли были хорошо организованы и прошли очень успешно. Проводив оркестр в аэропорту «Пулково» домой в Красноярск, мы с маэстро остались в Петербурге. Шпиллеру предстояло сыграть два концерта с

Заслуженным коллективом Санкт-Петербургской филармонии. Он должен был открывать абонемент «Исторические концерты», через 100 с лишним лет повторялась программа, которой дирижировал Петр Ильич Чайковский за девять дней до своей кончины:

Чайковский – симфония №6.

Ларош – увертюра «Кармозина».

Чайковский – концерт в - moll для фортепиано с оркестром.

Моцарт – два танца из оперы «Идоменей».

Во втором концерте увертюра Лароша была заменена на «Элегию» из третьей сюиты Петра Ильича Чайковского, остальная программа повторялась.

Шестую симфонию Петр Ильич написал стремительно (в эскизах в течение трех недель). С 20 июня 1893 года начал её инструментовать, а 12 августа полностью закончил работу. 16 октября 1893 года состоялось первое исполнение симфонии в Большом зале Петербургской филармонии – это был и последний концерт композитора.

Историческая программа – замечательно сыгранная 20 и 21 января 2001 года – чуть не стала последней и в жизни маэстро Шпиллера.

3 февраля 2001 года.

Москва, больница.

Маэстро Шпиллер – директору оркестра

Хустику*.

«Дорогой Юрий Романович!

Неожиданно для себя я попал в больницу. И хотя в последнее время явно нуждался во врачебной помощи, думалось, что обойдётся без стационара. Питерские концерты дирижировал через силу, от Московского отказался по сотовому телефону уже из больничной палаты, куда попал после одного исследования 31 января. Из поликлиники, не выпуская на улицу, меня поволокли в клинику. Что делать? Аргументы веские, сопротивление бесполезно. Я сдался.

Чтобы не писать одно и тоже несколько раз, если Вас что ещё интересовало про моё нездоровье, спросите у Ефремова* (концертмейстера оркестра - примечание автора), которым я писал и просил их показать Вам письмо, буде Вы захотите. Я же сам себе надоел, и прошу Вас без обиды меня простить за эпистолярную лень.

Надеюсь, все же вернуться в строй, и с Божьей помощью продолжить работу. В конце концов, заболеть имеет право каждый; и мы с Вами – тоже.

По большому счёту у меня к Вам одна просьба: не дайте оркестру «просесть» ощутимо за время моего отсутствия. Сказать легко, а сделать – не совсем. И в первую очередь - это зависит, вероятно, от стоящих за пультом, частично от солистов. Мне никакой радости не доставит, если из-за моего отсутствия сговоры с солистами начнут отпадать под предлогом переноса сроков до моего возвращения. Но не исключаю этого, если Вам не удастся пригласить хороших дирижёров. Я бы порекомендовал воспользоваться, то есть попробовать - из прилагаемого списка. Можно действовать и иначе.

Желаю Вам здоровья и успеха в этом, а также и в других делах, в том числе - издания звукозаписей (т.е. CD и кассет). 25-летие оркестра очень близко – эта дата слишком важна для судьбы КАСО. И, я думаю, каждого его музыканта. Но, поверьте, я очень хочу и надеюсь провести этот юбилей на посту. Конечно, как Бог даст...

И, наконец, ещё одна просьба, именно к Вам: обдумайте форму, время и, конечно, содержание своего короткого слова оркестру от моего имени. Я бы хотел, чтобы оркестру (всему!) были переданы мои поздравления с весьма серьёзным успехом гастролей, благодарность за очень хорошую, нет – прекрасную работу, собранность, отдачу, думаю – и за достойное поведение (правда?). Выражаю надежду на своё возвращение – хотелось бы поскорее – и дальнейшую, ещё более плодотворную работу.

Вот, пожалуй, и всё. Обнимаю. Ваш И.Шпиллер.

P.S: Представления на звания приняты?..»

Маэстро нездоровилось давно. Осенью 2000 года, когда открывали очередной концертный сезон, он чувствовал себя скверно. Устав уговаривать, волевым порядком взяв за руку, отвела его сделать рентген и кардиограмму. Но результаты обследования от Ивана Всеволодовича временно скрыла, потому что прекрасно знала своего мужа и понимала, что от гастролей оркестра он не откажется ни при каких условиях! Мне не хотелось пугать и расстраивать его до времени, тем более что диагноз, хоть и был высказан, находился всё-таки под вопросом. За своё молчание я выслушала от красноярских эскулапов самые неллицеприятные слова и выражения в свой адрес. Им же разговаривать со Шпиллером категорически запретила, решив взять всю меру ответственности за ситуацию на себя. А пока оркестр готовился к гастролям, отослала рентгеновские снимки в Москву, и просила Мирру Кнушевицкую устроить консультацию для маэстро в Московском онкологическом центре. После нашего возвращения из Питера, ничего толком не объясняя Ивану Всеволодовичу, я и отвела его на Каширку. Вышли мы из онкоцентра «после консультации» только через полтора месяца.

Москва, 4 февраля 50 года,

Нет, 2001 года.

Маэстро Шпиллер – Екатерине Иофель.

«Дорогая Екатерина Константиновна, я ошибся в дате письма неслучайно. Вспомнил этот день – нашего переезда (перелёта) в Москву из Болгарии, из Софии. А пишу Вам из больницы, куда попал неожиданно, хотя последнее время и были некоторые проблемы со здоровьем. Слава Богу, попал я в очень серьёзные руки, в превосходно оснащённую клинику, и нахожусь в хорошей палате один. Собственно, она одиночная. Это важно мне. Вчера был о.Александр (Куликов* – примечание автора) – никто нам не мешал, и мы никого не смущали...

Когда Господь посылает испытание в виде болезни, задаешь себе иной раз вопрос:

«За что»? или «для чего»? За что – даже нечего спрашивать – за грехи! Но, может быть, и для чего-то. Это - воля Божья, и не каждому она открывается, тем более, сразу. Надо принимать её со смирением и, по возможности, с благодарением. Я так и стараюсь. И было бы неправдой говорить, что мне это с трудом даётся, и уж тем более неправдой было бы себя за это хвалить. Мне было послано столько милостей за последнее время, да и посылается теперь! Слава Богу, за всё!

Мы идём уже к Сретенью: «Ныне отпускаеши*...» Нет, не дерзаю я сравнивать себя со старцем Симеоном*, но думаю, что Господь послал мне маленькую долю того состояния человека, в котором находился великий старец ветхозаветный при встрече-сретении Христа, Мессии. Великая милость мне, и нет достаточных слов для благодарения!..

Я совсем не хочу сказать, что внутренне распрощался с миром, с жизнью, да и с работой моей, с оркестром, который так достойно себя показал. (А ведь детище-то моё!)

Я очень бы хотел вернуться и трудиться дальше. Но, если на то не будет воли Божьей, я бесконечно благодарен за такое окончание пути. Не столько в большом успехе дело, а в сознании выполненного долга, сделанного дела. В этом смысле – почти что «ныне отпускаеши...»

Знаю, что в Красноярске опять очень холодно. Думаю о Вас с содроганием. Но о Вас я думаю совсем не только тогда, когда холодно...и молюсь, как умею. Помогите Вам Господь! Вам трудно передвигаться, стоять. А Вы попросите, чтобы кто-то из батюшек к Вам пришёл. Вы ведь можете об этом попросить Владыку, и он, конечно, пришлёт к Вам хорошего батюшку. Кого? А хоть того же архимандрита Серафима, который теперь настоятель Покровского собора. А ещё хороший священник о. Александр в Благовещенском храме. Если Вам с ним не приходилось иметь дела, то можете сказать Валерию или Лиле Ефремовым*, что я прошу о.Александра Вам позвонить и прийти в оговоренное с Вами время. Он не откажет, а Ефремовы с ним общаются и, конечно же, передадут. Я сам у него, бывало, исповедовался. Хороший он священник, чистый человек.

Желаю Вам крепости! Ваши испытания куда труднее моих – мне очень помогает Люба. Дай ей Господь здоровья!

Кланяюсь Вашим и желаю всего доброго. При случае – мой поклон В.Ефимову* и Якобсону*. Я с ними собирался иметь дело в конце марта на почве Рахманиновской «Весны», да вряд ли это возможно было бы в самом, что ни на есть, лучшем случае. Как Бог даст!..

Мои ребята трогательны. Правда, у Севы ветрянка. Она хоть идёт на убыль, но решено было Машеньке пока ко мне не ехать, хотя она по телефону говорила: «хочу тебя обнять!» Да и с Любой у ребят, слава Богу. Сева в этом году заканчивает университетский курс, Машенька – через год. Тоже – слава Богу!

Обнимаю Вас. Храни Вас Господь! Помолитесь за меня.

Ваш И.Шпиллер.

P.S: Сердечный привет Илье Лазаревичу*».

(*Илья Лазаревич Клеймиц – работник филармонии, многолетний соратник маэстро Шпиллера - примечание автора)

«4 февраля 2001 года. «Патриаршья служба в Соловецком подворье в Замоскворечье. Святейший дарит мне через о.Николая Кречетова образ священо- мученика архиепископа Петра (Зверева). Служит с двумя архиереями, в том числе и обо мне недостойном молятся», - записал маэстро в больничной тетрадке.

Патриарх Московский Алексей-Второй, узнав от сослужащих священников о тяжёлой болезни маэстро Шпиллера, прислал ему икону с дарственной надписью и пожеланием скорейшего выздоровления.

Иван Всеволодович отправил в Чистый переулоч Святейшему Патриарху благодарственную телеграмму.

ЕГО СЯТЕЙШЕСТВУ СЯТЕЙШЕМУ
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ
РУСИ АЛЕКСИЮ ВТОРОМУ

Телеграмма:

ВАСЕ СЯТЕЙШЕСТВО ГЛУБОКО ТРОНУТ И БЕЗГРАНИЧНО
ПРИЗНАТЕЛЕН ВАМ ЗА ДИВНУЮ Икону ЗПТ ПАМЯТЬ И СТОЛЬ
ВЫСОКОЕ ЗПТ НИЧЕМ МНОЮ НЕЗАСЛУЖЕННОЕ ВНИМАНИЕ
ПЕРВОСЯТИТЕЛЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ТЧК ЗЕМНО
КЛАНЯЮСЬ ГЛУБОЧАЙШЕ БЛАГОДАРНЫЙ = ИОАНН ШПИЛЛЕР

Москва, больница,
7 марта 2001 год.
Маэстро Шпиллер – Арэгу Демирханову.

*«Дорогой Арэг Саркисович!
Ещё и ещё раз – уже в который! – не сожаление выражаю, а просто скорблю от того, что Ваш радикулит лишил нас общения с Вами в Питере и по дороге туда, а Вам доставил столько боли и дополнительных хлопот. Но, надеюсь, «и это прошло?» Вам, думаю, лучшие. И уверен, Тамаре Ивановне* – тоже. Очень ей кланяюсь и желаю поправляться, соблюдая рекомендацию классика: «поспевай не торопясь!» («Торопясь» для меня здесь синоним «суется»).*

Жаль мне и того, что Вы не были на наших концертах в Большом зале филармонии, который, полагаю, Вам знаком далеко не во всех подробностях. А даже, если я ошибаюсь, то пройтись по лестнице шестого подъезда (царского в Дворянском собрании) ещё раз – никогда не лишне... Но, конечно же, дело в другом. Сыграв два питерских концерта, я отчитался и перед людьми, и перед собой за весь красноярский период моей жизни. А, может быть, и больше – за всю жизнь. И хотя очень бы хотелось сделать ещё и ещё, и то, и другое, но если не судьба, то знаете... не стыдно. Нет, не то, чтобы самому себе сказать - «молодец» (помните: «Ай, да Пушкин»?!), но и того - «мучительно больно»*... избежать. Всё же подойти к рубежу не с пустыми руками: вот это сумел. Больше не сумел, к сожалению, но это всё же - сумел. Удалось – слава Богу! И мне очень жаль, что среди тех, кого судьба послала принимать мой отчёт, одного из самых уважаемых мной людей - не было.

После гастролей оркестра (Питер-Эстония) я с Любой остался в Питере ещё на два концерта с питерским первым оркестром, который во времена Мравинского был, конечно, лучшим в стране. Он и теперь очень хорош. Одна из двух программ в точности повторяла ту, которой дирижировал сам Чайковский в этом же зале, за девять дней до своей смерти. А, приехав в Москву, я попал в руки эскулапов – Люба, оказывается, это заранее...подстроила, даже рентгеновские снимки переслала. Начали обследовать, и после одного из обследований в поликлинике онкологического центра («там аппаратура лучше» и т.д.), меня попросту перевели в стационар. Теперь я живу в башне, мимо которой столько раз ездили по дороге в Домодедово (или из аэропорта в город) и, что касается меня, то я на неё всегда косился и думал: вот куда бы хорошо не попасть...

«Не так живи, как хочется». Сначала меня готовили к операции в отделении с мудрёным названием «торакальное», кажется. Потом, отказавшись от идеи операции по каким-то «общим» показателям, меня

с 11 этажа «повысили» - сейчас я на 19-ом. Это химическая терапия. Я посмотрел в окно – всего здесь 23 этажа. Если меня ещё повысят на пять этажей, то невольно спросишь себя: а следующее повышение куда? И мысленно начинаешь готовиться. Правда, поговаривают и о радикальном понижении до первого этажа с выходом на волю, как о теоретически существующей возможности. Более того – нам с Вами, как людям, побродившим по Матушке сырой земле больше полувека, нам известны такие случаи. Но мы с Вами знаем, что «понижение» бывает и ниже первого этажа. Я ходил этими подвальными переходами в разных больницах и знаю, что один из них – дальний, как правило, на отшибе – ведёт в такое место, где нынче для удобства опечаленных родных стали торговать грустными предметами.

Так, что есть разные возможности, и гадать, которая предназначена тебе, дело пустое. Как Бог даст, так и будет! И слава Богу за всё!

Я часто мысленно брожу по Красноярску или объезжаю его на удобном и приятном автомобиле. Я люблю этот город. Хотя в его внешний облик, в отличие от Вас, я ничего не внёс. Но в том-то и дело, то, что воспринимаешь глазом - застывшую музыку – не является лишь внешним обликом, а в этих формах сокрыто нечто другое. Слово «внешнее» никак здесь не подходит. А что же это? Душа? Красота? Но это категории метафизические, то есть за пределами физически воспринимаемого, т.е. духовные. Так что Вы – смею надеяться – проводник, медиум, жрец, служитель мира Горнего, высшего, воплощающий в камне ли, в дереве ли вечную Красоту, Гармонию. Как? В силу и в меру данного, ниспосланного таланта, и, конечно же, ниспосланного Свыше. Спасибо Вам, низкий поклон за содеянное. И низжайший Вам поклон за филармонию, за созданную в первую, вторую и третью очередь Вашим талантом прекрасную возможность людям общаться с Красотой в звуках, искать и творить её земное воплощение.

Дорогой Арэг Саркисович! Я прекрасно понимаю, что Вам некогда эпистолярничать – хорошо, если есть время прочитать, не то чтобы написать, письмо. Но есть в Вас то, что бьёт родником и не считается ни с чем: ни с какой занятостью, ни с какими обстоятельствами. Вот если бы Вы кому-либо поручили снять копию, или наговорили на плёнку в магнитофон какой новый, а то и старый стих, я был бы Вам чрезвычайно признателен.

Обнимаю Вас, Тамаре Ивановне целую ручку. И всего, всего вам обоим самого доброго!

Искренне ваш – И.Шпиллер.

P.S: Простите неаккуратность моего писания, которую даже больничные условия не оправдывают».

В феврале у Шпиллера планировался концерт в Большом зале консерватории. Он должен был сыграть «Реквием» Моцарта с БСО имени Чайковского. Ему очень хотелось исполнить ещё раз это произведение в Москве. Но дать маэстро возможность выступить в консерватории я не решилась, так как концерты в Питере были уже угрожающими.

Но вот «Весну» Рахманинова, которая стояла в мартовском плане, маэстро, прилетев после клиники в Красноярск, сыграл. Кроме Рахманинова в программе значились: концерты для фортепиано с оркестром - «Симфонические вариации» Франка, «Бурлеска» Рихарда Штрауса и сюита из оперы «Кавалер роз». Солировали в концерте – народный артист России Владимир Ефимов (баритон - Красноярск) и Ирина Плотникова (рояль – Москва).

Наша жизнь стала делиться на периоды: две-три недели в клинике в Москве, две - три недели – в Красноярске. Иван Всеволодович так спланировал работу, что на его долю приходилось две программы в месяц, которые давались по два концерта: один - для университета, другой – для общегородской публики, иногда получалось даже пять концертов в месяц. О настоящем положении вещей в первое время мало кто знал, так как всеми силами я старалась скрыть диагноз.

Александр Ивановичу Лебеде о беде Шпиллера доложили сразу. И генерал – в отличие от других – окружил маэстро такой трогательной заботой и вниманием, на какую вряд ли были способны все предыдущие руководители края. Он постоянно звонил Ивану Всеволодовичу в больницу, стараясь словом и шуткой поддержать маэстро, взял на себя многие заботы, связанные с непосредственным лечением и нашим постоянным перемещением.

Однажды на концерте «дядя Саша» удивил и растрогал нас до слёз: в конце программы губернатор, как всегда, преподнёс маэстро корзину цветов, но помощник держал ещё один огромный букет. Александр Иванович взял розы и пошёл в зал, (я всегда на концертах сидела на одном и том же месте). Когда он передал мне розы и поцеловал руку – публика застыла в изумлении! А я не смогла сдержать слёз, хотя и не отношусь к плаксивому десятку. В Лебеде было много человечески теплого, хотя, конечно, была и своя защитная поза, маска, без которой публичному политику, видимо, обойтись нельзя. Только некоторые люди именно эту защитную маску у генерала и принимали за его суть, не желая увидеть, разглядеть в нём доброе, оригинальное и хорошее.

28 сентября 2001 года.

С.Петербург.

Сергей Крутик* – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Иван Всеволодович!

Открылся, наконец, новый филармонический сезон в Питере. С первым оркестром «Реквием» Верди исполнил Евгений Колобов (первоначально планировался Евгений Светланов). Второй оркестр открыл сезон дирижёром из Франции по фамилии Тортелье и с Лианой Исакадзе (концерт Сибелиуса), «Пиниями Рима» О.Респиги и «Эгмонтом» Бетховена. Характерно, что впервые открытие сезона осуществлялось не главными дирижёрами оркестров.

В эти же самые сроки прошёл конкурс, который принёс моему Мише звание лауреата. Назывался он так: конкурс скрипачей-композиторов, посвященный 100-летию со дня рождения Яши Хейфеца*. Учредители и организаторы – Союз композиторов и Еврейское общество. В жюри – И.Бочкова*, М.Гантварг*, скрипачи-педагоги из Голландии, Израйля, председатель – композитор Ю.Фалик*. Кроме Миши, лауреатами стали: ученица Бочковой, выпускница будущего года нашей десятилетки и молодой юноша из Израйля.<...>

Что касается Вашего вопроса, Иван Всеволодович, то пока ничего нового я сказать не могу. Молодежь, я имею в виду гобоистов, к перспективе «послужить» относится специфически – как дорогие публичные жёнищины, стремящиеся продать себя как можно дороже (простите за сравнение). Чуть только что-то более представляющее из себя, так разговор сводится только к суммам. Мне думается, это какое-то нынешнее поветрие. Я посылаю Вам телефоны двух профессоров-гобоистов, с которыми, может быть, следует Вам переговорить. Это Соболев Валерий Иванович* и Неретин Николай Семёнович*. Последний – декан духового отделения. Оба профессора работали в прошлом в заслуженном оркестре, Соболев – английский рожок, Неретин – второй гобой (!)

Что касается дирижёров, то ситуация с ними не менее запутанная, ибо вокруг известных фигур, таких, скажем, как Гергиев*, Дмитриев*, Темирканов* (он бывает в городе крайне редко), В. Чернушенко* (есть ещё А.Чернушенко), Н.Алексеев* вьются сонмы молодых и не очень дирижёров, принадлежность которых к клану или «школе» имеет перспективное значение. Хождение из клана в клан исключают всякое использование в будущем. Помните, как в салоне княгини Германтской – «наши» и «не наши». Поэтому всякие фамилии, которые могут быть названы, по сути - едины, ибо личности среди них отсутствуют, как правило, представляя собой слабые кальки с оригиналов. Те двое, которых я Вам называл, вроде бы как-то умудряются быть «над схваткой».

Желаем Вам, Иван Всеволодович, сил, здоровья, и всегда остаемся Вашими друзьями и информаторами (если необходимо).

Сережа и вся моя многочисленная семья».

(*С.Крутик – оркестровый музыкант, работавший в Красноярске - примечание автора).

Из больничных записок маэстро Шпиллера:

«У Чарли Чаплина*, помнится, было описание того чувства свободы, которое им овладевало, когда за бортом трансатлантического парохода начинал исчезать берег. (Оно покидало его при появлении первого же репортёра).

Из окна больницы расстилается панорама огромного города; но он где-то там, а я «здесь». И эти два понятия настолько кажутся инородными, чужими, что возврат «туда» представляется проблематичным, хотя и... желанным. Да полно, желанным ли? Это не так просто...

Куда бы мне хотелось вернуться? В нормальную жизнь? Нет и нет! (Только, что есть нормальная?) Хотелось бы за пульт? Да, но это царство Красоты, гармонии. Стало быть - это в категориях метафизики. А ещё, куда бы хотелось? На дачу! Это тоже Красота, нечто вроде «Берендеева царства»*, та же метафизика.

Но здесь – с «повышением» тем более! – чувствуешь, что есть и прямой путь, путь невозврата в физическое - «туда», ввысь... Путь не в то знакомое, а в другое - неведомое... и, кажется, родственное и музыке, и Берендееву царству.

Здесь некий корабль, который может привезти тебя в заморские края, а может развернуться и доставить тебя обратно. Этаким выходит «круиз».

Приходящий доктор озабочен, похоже, тем, чтобы тебя вернуть назад, а батюшка помогает не страшится неведомого пути и неведомого мира. Да такого ли уж абсолютно неведомого? Конечно же, нет и нет! Да и как он может быть абсолютно неведомым, если ты старался служить принадлежащей этому неведомому миру Красоте? А если же твоё служение (иногда хоть!) бывало успешным, то ты с этим, казалось бы, неведомым, соприкасался. Просто-напросто СОПРИКАСАЛСЯ! Так то... Такие мысли посещают, особенно в тиши ночной они дают себя знать. Да притом, замечу, в интересный средний час: здесь поздно (2 часа ночи), в Сибири рано (6 часов). Поделиться не с кем, вот и пишешь. Кому? Всем, всем моим дорогим собеседникам!..

Приближался 25-летний юбилей оркестра. Так совпало, что праздничные торжества пришлось на день рождения губернатора Александра Лебеда – ему исполнялось 52 года. Украсить юбилейный концерт был приглашён чудный, одарённый молодой пианист Денис Мацуев, которому симпатизировал и маэстро Шпиллер, и сам губернатор.

Стенограмма репетиции.

Апрель 2002 года, Рихард Штраус «Бурлеска»:

- Опоздали, куда вы смотрите ?.. (замечание виолончелям).
- На вас.
- В нотки тоже смотреть надо. А на меня вы уже насмотрелись. Я вам надоел давным-давно!
- Не старайтесь зазря. Чем жирнее вы даёте эти струнные аккорды, тем хуже слышно тонкую вязь у рояля. Мы здесь просто аккомпанируем, без диалога в этой букве.
- Я прошу прощения, чуть назад вернёмся. Спойте, спойте!.. Пьяно, но спойте! (замечание первым скрипкам).
- Денис, я прошу прощения. Мы сейчас всё приведём в порядок.
- Чуть-чуть нахальнее, острее, задорнее первые скрипки.
- После буквы Александр у нас есть эпизод пиццикато пьяно. Пожалуйста, мгновенно переделайте на форте! Чтобы было ощутимо. В букве Борис – играете верно, но не слышно. Мы имеем дело с солистом, у которого, когда надо, очень большой звук. Здесь этого не хватает у нас. Функция не пробивается. Я бы попросил вернуться на букву Александр.
- Я вам напоминаю свою просьбу. Когда началось tutti, третий такт передать четвертому. Мы их как-то дробим.
- А вы не можете с солистом интимно поговорить, на ушко ему шепнуть, ещё нежнее, но го-раз-до тише!! (замечание 1 скрипкам). А то получается, что у солиста вкрадчивый и нежный такт, потом мы ему нахамили, а у него опять вкрадчиво и нежно. Гобой с кларнетиком и альты - четыре предыдущих такта – небесным звуком и тихонько!
- Можно ещё раз букву Ц? Спойте эту тему, тихо, но спойте!
- Валторночки, можете тише? Можете.
- В букве Екатерина. Сыграйте, пожалуйста, солист, 1 и 2 скрипки, больше никого.
- Понятно. Понимаете, тема у нас, хоть ты тресни! Солист нам аккомпанирует. Желательно, чтобы вы его слышали, эту вязь, она четкая очень. Но красивым и насыщенным звуком. Больше – вторые.
- Не делайте диминуэндо там, где оно написано, исчезните, нацело исчезните!! Мы должны вписаться в затакт рояля, который звучит в унисон с нами, но мы играем так громко, что заставляем человека делать не то, что ему хочется, явно.
- Но это же - уголовщина, мои дорогие!!! Вы мешаете расслышать рояль этим пренебрежением к пианиссимо в четырех четвертях. Лучше ничего не сыграть, струнники, чем сыграть так громко!!!
- (Денису) А можно нам вернуться на букву h? Первая, вторая, третья валторны, прорежьте громче так, чтобы вы поговорили с линией рояля ощутимее. Может быть, больше штрихом, чем громкостью, но и громкостью тоже.
- За четыре такта до буквы Николай поглядите на нюанс, а теперь посмотрите в букву Николай. И будьте любезны, тут выполнить! Здесь вариантов нет.

- Мне эти ваши интуитивные догадки ни к чему. Тянет на крещендо, а вы сдержитесь. Нет его здесь в помине. Запишите!
  - Друзья, валторны и трубы! Слышно только ваш аккорд. Третья четверть второго такта Петра, безумно неуклюжая и выскакивает, она не в контексте.
  - Спеть!! Не воткнуть вилку в бок, а спеть!!!
  - От темы, после двойной Ирины и дальше. Представьте, что вы меня хороните и играете эту музыку. Ну, не только же он был сукин сын, но и что-то же хорошее в нём было. Вот так и сыграйте!
  - Я не достоин такого соль-диеза! Припрячьте его немного. Я не такой грубый всё-таки в жизни был, иногда и ласковый... Прямо с темы.
  - Хорошо! Спасибо. Ну, шут с тобой, ладно, мы тебе сыграем! Но ведь не звучит же ничего. Дайте голос – человеческий, теплый, добрый!
  - Извините, сыграйте на секунду без солиста... Понятно! Карандаш! Четыре такта под лигой.
  - Задохнёмся, Иван Всеволодович! (реплика концертмейстера оркестра).
  - Задыхайтесь, но только от любви ко мне! И ля-бемоль прилигуйте.
- Поехали!
- Звук!!
  - Звук!!!
  - Отмените духовые пиано. Должно быть слышно!
  - Форте!
  - Форте!!
  - Раз я прибег к траурным сравнениям, я вам скажу. Наш гость дорогой, спасибо ему, что откликнулся украсить наш юбилей, он только что из Сеула. Там у него должен был пройти концерт с Эрмлером*. Но Эрмлер его уже не сыграл, только прорепетировал и скончался. Давайте почтим его, хоть он у нас никогда и не был.
- (Минута молчания в оркестре)
- Антракт.

На юбилейном концерте (в самом конце программы) исполнялся номер на бис - полька И.Штрауса «Гром и молния». Маэстро не отказал себе в удовольствии поозорничать, но со смыслом. Он дал оркестру вступление и ушёл со сцены, а вернулся вместе с Денисом Мацуевым, которого на последних аккордах пьесы подвел к дирижерскому пульту, и молодой человек эффектным движением снял звучание оркестра. После концерта была торжественная часть: награждения, поздравления, и всё, что полагается на юбилеях. В этом отделении шалил подвыпивший (всё-таки день рождения) генерал-губернатор. Он (зная, что Денис пародирует некоторых политиков) попросил музыканта показать на сцене и его – генерала. Денис согласился, сам Александр Иванович реагировал на эту пародию, громче всех смеясь! В его смехе было что-то ребяческое, по-детски наивное.

Таким он и запомнился нам – весёлым, бесшабашным, рубахой-парнем и очень добрым человеком, потому что на оркестровом юбилее мы видели его в последний раз. Ровно через неделю, в Москве мы услышали по радио

новость, которая, ударила как молния: «Лебедь погиб при падении вертолѐта!»

Для маэстро Шпиллера эта смерть была большим личным горем. С великим трудом (так как передвигаться ему было очень тяжело), Иван Всеволодович поднялся на второй этаж бывшего Екатерининского училища, чтобы попрощаться с Александром Ивановичем и выразить слова признательности и соболезнования вдове - Инне Александровне. Был с нами и Денис Мацуев, который тоже никак не мог поверить в реальность происшедшего. Но, тем не менее, реальность была, и очень страшной!

К публичному политику и губернатору Лебедю люди относились по-разному. Но я рассказываю только о наших, субъективных отношениях к генералу, которые были согреты человеческой сердечностью и большим вниманием. Царство ему небесное!

Из больничных записок маэстро Шпиллера:

«По дороге из метро сюда, то и дело невольно обращаешь внимание на объявления: «Мгновенная диагностика и исцеление!» Диагностика... Слово-то какое знают! Я помню базарчик на хакасском озере Шира: сидит там бабка с какими-то настойками, травами. Надписи – от того, от - сего. А на одной кучке – « АТА ВСЯВО!» Вот так...Мне кажется, нет, я уверен: в великой восьмёрке – только в России-матушке с таким встретиться можно. Умом не понять...

Мои теперешние руководители-химики избрали путь, облюбовали подходящие для меня (с их точки зрения) ухабы. Предупредили о высокой степени вероятности снятия скальпа. Но выражения ужаса не дождались. А я удивился тому, что здесь, оказывается, при таком предупреждении теряют сознание не дамы, а гусары. Дал Любовь Фёдоровне свободу выбирать «колер» парика. (Дурацкое слово: по-французски – couleur –кулер!) Так что не исключено (в случае появления на Каче*), явится что-то Бартолообразное*, или лучше, этаким сибирский Бах. Представьте какое-нибудь *allegro tempestoso*: что-то пушистое слетает с головы на концертмейстерскую виолончель, зубным протезом вышибает глаз кларнетисту и в приступе кашля всё сооружение, опрокинув свой пульт, грохается на пол. Прелестная перспектива! И, э - дурь, да и только...

А может быть в случае благополучного исхода (хоть относительного) отсюда...отправиться на дачу, доделать сплошной забор, чтобы не видно было, да засесть за мемуары, чтобы людей не смешить?! А кто мне такой благополучный исход обеспечит?

Подурачился - и хватит. Скоро придѐт самоотверженнойшая, моя бесконечно дорогая Любовь Фёдоровна, а там, глядишь, и белые халаты примутся за своё дело. Помогите им и мне, Господи!»

(*Кача – река в Красноярске, филармония находится на слиянии Енисея и Качи - примечание автора).

Творческий сезон 2002-2003 годов Красноярский оркестр открыл в сентябре концертом памяти Александра Ивановича Лебеде. В программе значились два произведения:

П. Чайковский – симфония № 6.

С. Рахманинов – концерт для фортепиано с оркестром №3,

Солист – Денис Мацуев

Дирижер – Иван Шпиллер

В начале первой части симфонии, когда идёт медленное, сумрачное вступление с восходящим мотивом фагота, Шпиллер фагот заменил бас кларнетом. (Идею эту маэстро хотел осуществить давно, в его музыкальных записных тетрадях она появилась еще в 1995 году). Психологическая напряженность звучания от такой замены не исчезла, но эпизод приобрел большую яркость. Хорал «Со святыми упокой, Христе Боже...» прозвучал пронзительно, и я бы сказала – церковно, молитвенно (а не скороговоркой, как иногда бывает при исполнении этой симфонии).

Во второй части – пятидольном вальсе – не было тоски и стенаний, как в трактовках других дирижеров. В этом изящном и элегантном движении – вальсе воспоминании, вальсе ностальгии - звучало, словно сквозь дымку, юношески чистое, светлое, какое-то неповторимое настроение.

Но главной частью симфонии в прочтении маэстро, конечно, был скерцо-марш. Не редко это *allegro* звучит, как помпезное кипение жизни. У маэстро Шпиллера скерцо начиналось, как безобидная беготня-игра в солдатики в какой-то дворцовой зале. Но вот из-за колонны (с ударами литавр) появляется смерть - мы ощутили её физически. Она – не солдатик – красавец офицер в белых лосинах, с золотыми эполетами. Между героем и этим блестящим красавцем начинается завораживающий танец, который всё сильнее захватывает, кружит в своих цепких объятиях героя, не даёт ему вырваться. Звучность оркестра нарастает и нарастает. Жуткая пляска смерти заканчивается её полной победой и гомерическим хохотом, её торжеством! Герой погибает – в этом эпизоде кульминация симфонии! В партитуре произведения Петр Ильич ставит обозначение звучности: четыре форте! Эти градации форте и пиано были у маэстро Шпиллера всегда сделаны с предельно точным знанием материала, вкусом и большим мастерством.

Финал произведения Иван Всеволодович интерпретировал, как ропот толпы, пересуды, скорбное шествие без героя, без излишней «эмоциональной насыщенности», со сдержанными рыданиями. И могила – без креста! Движение мотива, сопровождаемое мерными ударами контрабаса, зарывается всё больше в глубь, пока вовсе не исчезает.

«Патетическая» - единственное произведение у Петра Ильича Чайковского, которое заканчивается движением не в Горний мир (наверх), а вниз! Какие бы драмы не описывал композитор, будь то Ромео и Джульетта,

Манфред, Герман в «Пиковой даме» - финальные аккорды музыки светлые и устремляются ввысь! Только в Шестой симфонии этого полёта нет. И маэстро совершенно по-своему подходил к исполнению последнего творения композитора, каждый раз добавляя в продуманную версию что-то новое. Надо сказать, что играл он Шестую не так часто, но это всегда было незабываемое событие!

«Я знал одного дирижёра,- писал Борис Хайкин в «Беседах о дирижёрском ремесле», - который в Шестой симфонии Чайковского третью и четвертую части менял местами, опасаясь, что финал с его заключительными предсмертными стонами плохо отразится на успехе. И кончал этот дирижёр симфонию в соль мажоре, на фортиссимо, и с широкой жизнерадостной улыбкой поворачивался к публике... У каждого мыслящего художника есть своё кредо». Трактовки произведений у Шпиллера никогда не были рассчитаны на сиюминутный успех, в ущерб внутреннему содержанию симфонии, её авторской идее.

Исполнение «Патетической» в Питере в 2001 году отличалось от красноярского, так как у питерских музыкантов сложилась определённая традиция прочтения этого шедевра Чайковского, и маэстро не стал её кардинально ломать, хотя и определил свой звуковой баланс. Там было хорошо по-своему, в Красноярске – как хотел мастер.

До конца 2002 года Шпиллером было исполнено несколько запоминающихся программ: Симфония №2 – И.Брамса и концерт №5 для рояля с оркестром Бетховена (солист – Николай Луганский). Не стану перечислять все программы и произведения, скажу лишь, что ещё были сыграны впервые в Красноярске симфония Яна Сибелиуса №5 и шесть Юморесок этого же композитора для скрипки с оркестром.

Киев, 10 января 2003 года.

Марина Черкашина – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Ян!

Твоё письмо, начатое первого декабря уже минувшего года, долго путешествовало и пришло только вчера. Я была очень рада его получить, так как ты интересно и подробно пишешь о своей интенсивной творческой жизни и о делах в Красноярске. Конечно, замечательно и то, что ты чувствуешь удовлетворение от контактов с оркестром и с красноярской публикой.

Большое впечатление произвёл твой рассказ о канонизации в Болгарии архиепископа Серафима. Посвященные ему страницы и фотографию в твоей книге помню. Быть может, и он незримо помогает тебе справиться с тяжёлой болезнью и сохранять творческую активность. А ещё нам, безусловно, помогает музыка. Я это всегда

ощущаю, когда окунаюсь в неё и на лекциях в общении со студентами, и помимо лекций дома, и на нашем вагнеровском обществе, где познакомилась с людьми разных профессий. Моя видеотека, благодаря новым знакомствам, постоянно пополняется интересными записями.

Огромное впечатление оставляет исполнение с Баварским симфоническим оркестром Шестой симфонии Чайковского под управлением Риккардо Мути* (репетиция и концерт, запись 1995 года). Такой интерпретации ещё ни у кого и никогда не слышала. Но в основном я пополняю свои оперные записи. Сейчас меня наиболее увлекают современные постановки опер Генделя.

Совершенно невероятно звучат мужские сопрано и альты. Это поразительно, что таких певцов научились воспитывать не в единичных экземплярах, а немалым числом. В записи «Ринальдо» (оперный фестиваль в Мюнхене) – четыре таких певца, в «Юлии Цезаре» - два, причём, исполнитель партии Цезаря просто уникален. В этих аутентичных исполнениях воссоздается подлинный генделевский оркестр с лютнями и чембало. Больше всего поражает, насколько современно по тону, всей манере интонирования звучит музыка Генделя! Так что, не остывающая любовь к Вагнеру теперь дополняется и восполняется (но не вытесняется) воздействием Генделя, общение с музыкой которого невероятно подымает жизненный тонус.

А ещё из интересных видеозаписей есть у меня сценическая интерпретация «Осуждения Фауста» - Зальцбургский фестиваль 1999 года. И постановка, и исполнение самого высокого уровня. Режиссура и сценография переводят действие даже не в современность, а почти в некое виртуальное будущее. Необычны световые эффекты, использование современных технических приёмов, компьютерной графики и пр.

К юбилею Берлиоза у нас намечен фестиваль и конференция. А в Париже должен состояться в июне круглый стол в связи с перенесением праха в Пантеон (так я слышала). Думаю к нашей конференции проанализировать сценическую версию «Осуждения Фауста», в которой много сложной символики.

С музыкой Метнера, равно как и Сибелиуса, я знакома очень мало и едва-едва. Хотя в Харькове была (в своё время) пианистка, влюбленная в музыку Метнера, я слышала её сольный концерт, полностью составленный из его произведений. Интересная фигура - брат Метнера. Круг моих музыкальных интересов приходится невольно ограничивать, больше концентрируясь на том, что прямо связано с курсами, которые я читаю, с работами студентов и аспирантов. <...>

Надеюсь, что это письмо застанет вас в Москве. Красноярского адреса не знаю, потому не пишу, ожидая, когда появишься в Москве. Прости, что пишу мало и не на все вопросы отвечаю. После смерти Виталия мне почему-то стало очень трудно писать письмо. И вообще трудно перестроить свою жизнь. Очень много обязанностей и

обязательств, как перед уже ушедшими, так и перед живыми. И внешнее – активное - течение жизни не соответствует внутреннему состоянию. Попыталась написать на эту тему стих, но стихи плохо пишутся. <...>

P.S: Сегодня мне приснилось, что ты показываешь мне Восьмую симфонию Малера и делаешь в партитуре купюры. Я отчётливо видела, как карандашом ты вычёркивал строчки, причём, с большим темпераментом и какими-то комментариями. А Скрябина я так же не переношу, как и ты, особенно за «Поэму экстаза»...

Целую. – Просто Марина».

В сезоне 2002-2003 годов маэстро Шпиллер сыграл 20 концертов, закончил его в мае увертюрой «Розамунда» и симфонией №6 - Шуберта, в программе был также исполнен концерт для виолончели с оркестром №2 Дмитрия Шостаковича – солировал народный артист России Игорь Гаврыш.

Особенных планов на лето мы не строили, так как передвигаться становилось всё труднее и труднее. Но в нашем распоряжении всегда были лес, цветы и птицы на даче. Маэстро наслаждался каждым солнечным днём, новым утром, внимательно прислушиваясь к руладам пташек под открытым окном, вдыхая запахи цветущих кустов сирени и жасмина, цветущих клумб. Он много читал: то, погружаясь снова в события «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого, то, изучая старинные подшивки музыкального обозрения XIX и начала XX веков, на его столике лежали также воспоминания Льва Николаевича Оборина. Мы оба очень любили рассказы Антона Павловича Чехова. Иногда я читала их для маэстро вслух, и тогда до слёз хохотали, не переставая восхищаться меткими, мастерскими характеристиками писателя.

В доме ежедневно звучало много музыки. Иван Всеволодович обожал слушать Шопена в исполнении Владимира Горовица или Артура Рубинштейна, нередко ставил старые записи Надежды Андреевны Обуховой, вероятно, её романсы очень напоминали ему маму, мы слушали различные программы по музыкальному радио «Орфей».

Мне вспоминается один из дней августа: Сева с отцом играют в шахматы, из открытых окон дачи доносится шелест листвы и глухой шум леса. Весь тенистый участок залит солнечными сквозными бликами, которые при малейшем движении крон перемещаются. На фоне яркой синевы неба акварельными мазками повисли кисти созревающей рябины и разлапистые, уже чуть пожелтевшие, листья клена. По радио передают записи 60-х годов Павла Герасимовича Лисициана. И этот божественный, густой, мягкий баритон не нарушает ощущение безмятежного покоя: на несколько минут забываешь о болезни, о трудностях, просто хочется, как Фауст*, воскликнуть: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!..»

Летом маэстро тщательно изучал партитуры Берлиоза: «Реквием», симфонию «Ромео и Джульетта» и ораториальный триптих «Детство Христа», который не только мечтал сыграть, но и начал репетировать с

оркестром. Четырьмя эпизодами Драматической симфонии Берлиоза было намечено открыть следующий концертный сезон в Красноярске.

Москва, июнь 2003 года.

Маэстро Шпиллер – господину Ллойд в Лондон.

«Дорогой господин Ллойд!

Получил Ваше письмо и посылку, очень, очень Вам признателен! Нет слов, чтобы выразить, как жаль, что Елена Андреевна не дожидка до этого издания... И какой же она удивительный молодец!.. Убеждён, что поэтическое творчество о.Андрея никто не знал, тем более в таком объёме. А здесь в России и подавно. Это издание бесценно: и с точки зрения поэзии и как страница русской культуры XX века. К тому же, изданные сборники показывают, что ещё совсем недавно здесь понятия не имели – какого воспитания и образованности встречались люди среди русского священства, пусть редко, но встречались! Низкий поклон Елене Андреевне и бесконечная ей благодарность!

Уверен, что и без Ваших усилий издания бы не было. Спасибо Вам! Примите мои самые, самые добрые Вам пожелания.

Искренне Ваш – И.Шпиллер»

Сентябрь 2003 года.

Стенограмма репетиции.

Г.Берлиоз «Ромео и Джульетта»:

- №18 – на первой ноте сфорцато, не вздумайте делать диминуэндо. Спеть ноту!
- Что-то валторны воют между долями, как в Кацапетовке!
- Перемена смычка убивает фразу! Выговорите её (замечание 1 скрипкам).
- Тылдычите аккомпанемент громче мелодии (виолончелям). Зачем вы привлекаете к себе внимание?!
- №20 – Вы мёртвые, фраза у вас мёртвая (виолончелям)!
- №21 – Я вчера вам докладывал – меняйте нюанс (1 скрипкам). Характер музыки другой...
- Кларнет – играйте тише.
- Кухня хороша тогда, когда не поймешь, сколько перца и прочих продуктов положено! Смычок вниз при начале фразы – это крещендо!! Это – жми!!! Нельзя же так примитивно мыслить! Ловчее перемены смычка (замечание виолончелям). Не поёте, а вся технология вылезит!
- №24 – Первые скрипки, у вас два акцента на 5 и 6, зачем вы делаете ещё и на четыре? Вы играете одинаково!

- Стой! Каша, бесстыдная каша!!! Виолончели, посмотреть на руку – и вся проблема.
- Длинные черточки!
- Си – ля - обнажённо (замечание 1 скрипкам)... Все уходят на диминуэндо, запишите!
- Контрабасы, отмените запятую. Нужно на вас опереться, поэтому выберите что-то другое.
- Валторны влезли на первый план, потому что виолончели не сделали крещендо.
- Альты – вы главный голос. Мера вашего диминуэндо не верна. Вы исчезаете, а вы должны остаться главным голосом до конца.
- Дайте жизни, потому что «вьялость кишек!!!» (замечание виолончелям)

В истории музыки существует много различных баек. В одной из них рассказывают, как на одном из уроков в классе знаменитейшего пианиста Гольденвейзера ученик начал играть похоронный марш из си-бемоль-минорной сонаты Шопена в энергичном и бодром темпе. Александр Борисович остановил ученика и сказал: « Я хочу тебе напомнить, что во времена Шопена хоронили не на автобусах, а на катафалках, с запряженной лошадью».

Маэстро Шпиллер в своих требованиях к оркестру добивался от музыкантов, чтобы их исполнение соответствовало стилевому звучанию музыки того или иного композитора, и в этом проявлялось его огромное артистическое мастерство и культура. Не у всякого современного дирижера (далеко не у всякого) исполнение не грешит стилевыми отклонениями, переносами. Все технические приёмы у Шпиллера должны были способствовать раскрытию тайн авторской партитуры.

ХХУП симфонический сезон Красноярский академический оркестр открыл 25 сентября 2003 года. В программе значилось:

Г.Берлиоз – четыре эпизода из Драматической симфонии «Ромео и Джульетта»

(первое исполнение в Красноярске)

Ф.Лист – концерт для фортепиано с оркестром №2 (a – dur).

«Пляска смерти» - парафраз на тему «Dies irae» для фортепиано с оркестром.

Солист – Денис Мацуев

Дирижер – Иван Шпиллер

«Пляска смерти» была написана Листом под впечатлением известной фрески «Триумф смерти» на кладбище в городе Пизе. Всё богатство оркестровой и фортепианной техники композитор направил на то, чтобы музыкальными средствами выразить содержание фрески, центральным

образом которой являлась смерть, старуха в виде летучей мыши, с занесённой над жертвой косой.

Когда я увидела в плане сезона это произведение Листа, очень просила маэстро не играть его на открытие сезона, хотя раньше никогда не позволяла себе вмешиваться в его исполнительские дела. Между нами произошёл такой диалог:

- Двадцать пять лет ты не играл «Пляску смерти», зачем ты поставил её сейчас?!

- Так хотел Денис.

- У Дениса большой репертуар, он может сыграть и что-то другое.

- Не могу же я теперь отказаться. Чего ты боишься?!

- Да, не хочу я, чтобы она летала!!!

Но Шпиллер меня, конечно, не послушал. Исполнение этой пьесы Листа было столь грандиозным, что, вероятно, такого больше не услышу никогда. И Денис, и оркестр сыграли её мощно, на одном дыхании. У публики волосы становились дыбом от полётов «старухи» по залу, и было невероятно страшно!!!

С большим изяществом и элегантностью сыграли Берлиоза. Открытие сезона стало замечательным праздником для любителей музыки.

В октябре маэстро Шпиллер давал программу из произведений И.Брамса: симфонию №3 и концерт для фортепиано с оркестром №1. Солировала Наталья Трулль. Иван Всеволодович любил все симфонии Брамса, прекрасно их знал, его интерпретации симфоний отличались от западных исполнений, в них было больше русской души, любования красотой окружающего мира.

После этих четырёх концертов мы улетели в Москву, как планировали. В Красноярск вернулись 3 ноября для следующей программы с Николаем Луганским. В ней значились два концерта для фортепиано с оркестром: Ф.Шопена №2 (f – moll, op. 21) и Брамса №2 (B – dur, op. 83).

Погода в Красноярске была ещё хорошая, и теплые дни осени мы старались использовать для автомобильных прогулок в окрестности города. Колесили по серпантинам дорог, уезжая на многие десятки километров, подышать, полюбоваться красками увядающей природы. Маэстро глядел и не мог наглядеться на Енисей, реку, по которой многие годы мечтал прокатиться, да так и не случилось – всё не было на это времени. Иногда он выходил из машины, чтобы послушать звуки шумящего леса, воды или поля, впитывая окружающий пейзаж, он мечтал преодолеть болезнь, сыграть новые программы, дожить до своего 70-летия. Иногда я читала ему в машине стихи – разные, какие приходили на память... «Дождливая осень, брат, мудрейшее из домашних животных: всё-то ей ведомо, даже то, о чём мы молимся!...»*

Для меня эти автомобильные многокилометровые прогулки были немалым напряжением, чем дальше мы удалялись от города, тем больше был страх. Нередко возвращалась домой с мокрой спиной и жуткой головной болью, потому что состояние маэстро Шпиллера ухудшалось, и в любой

момент могла произойти трагедия. Но сам он старался не показывать своего понимания, что дни его жизни сочтены. У него была не только огромная воля к жизни, но и невероятное мужество принимать удары судьбы.

6 ноября 2003 года.

Стенограмма репетиции.

Шопен, концерт №2:

- Не делайте диминуэндо на сфорцандо. Не красиво! Неласково, много звука!
- На партитуре концерта стоит посвящение Потоцкой. Это очень громкая фамилия была в Польше того времени. Влюблён был Шопен, вот и сыграйте эту влюблённость!!
- Первые скрипки, слушайте альты и вторых, а то получается раскосец. В начале штриха в теме – пианиссимо! Визжит – жуткое дело!
- Первые скрипки, уберите акценты на вторых долях, с влюблённостью не вяжется!
- Не делайте слишком большое крещендо. Возьмите карандаш, напишите: диминуэндо к разу, а то не так опираемся...
- Два ре-бемоля на второй четверти очень уж маршеобразны. Пой-те!!
- Не душите тему, у нас пианиссимо. Перед четвертой четвертью я ощущаю необходимость цезуры. Дайте ему (пианисту) вздохнуть!!
- Струнные, пожалуйста, два форте. Два форте – запятая между раз и два, расставьте это, и произнесите со смыслом!
- Начали опять в двух тактах маршировать, да ещё сапогами подкованными, зачем? Пой-те!!!
- Альты, сфорцато на третьей четверти - Ми, До – пианиссимо, исчезните!
- Поставьте, здоровенную запятую, здесь вздохнуть надо!
- Семь последних тактов... Мне нужна смысловая цезура. Не насакивайте на шестнадцатые, не маршируйте!
- Это мелодия! Две 16-тых, а проскакивает, как что-то не мелодическое, так не пойдёт!
- Первые скрипки, вы рвёте фразу – пой-те!!!
- Можно даже на один смычок ля-бемоль, чтобы не было дырки...
- Вторую часть пропустили. Финал.
- Карандаш! Кроме первых скрипок вычеркните форте, оно получится само, иначе не слышно первых.
- Убедительно прошу, вычеркните форте!!!
- Буква h затакт – кларнет с фаготом, флейта с фаготом – это практически ваше соло, а не столько рояль.
- Буква Леопольд – вычеркните все форте...
- Автопилотчики!!! Буква Михаил. Смотрите на руку! Здесь смотрите в оба!!
- Завтра день праздничный?... Ради примирения и согласия, которое празднуется, не грех отпустить вас на час раньше!..
- (голос из оркестра) Товарищи родители! посмотрите список своих детей. (Гомерический хохот всего оркестра...)

«Шопен! Нежный гений гармонии!» - писал Ференц Лист. Концерт этот Николай Луганский сыграл с мечтательной молодостью и так проникновенно, хороши были все части: и страстная первая, и упоительный ноктюрн, и виртуозное, отточенное allegro. Артур Рубинштейн, приехав в 90-летнем возрасте в Польшу, играл этот концерт Шопена как воспоминание о прошедшей юности, влюблённости. У Луганского (естественно) было совсем другое состояние, и концерт прозвучал иначе, в нем было меньше меланхолии, больше радости.

После выступления ужинали у нас дома, и Коля говорил маэстро, что играл это произведение гениального поляка с разными хорошими оркестрами, но «никогда ему не дышалось на сцене в Шопене так свободно и легко, как в Красноярске».

Киев, 10 октября 2003 года.

Марина Черкашина – маэстро Шпиллеру.

«Дорогой Ян! Долго не получала от тебя письма и не могла связаться по телефону. Это, конечно, беспокоило, но благодаря моим снам (во сне с тобой всё было в порядке) я знала, что письмо должно быть. Но все же, когда письмо получила, обрадовалась. Ты молодец, что выдержал открытие сезона, причём удачно! Это ещё одно свидетельство, что дух сильнее телесных недугов. Конечно, такие далёкие перелёты – нелёгкое испытание даже для людей здоровых. Тем более тяжело тем, у кого болезни связаны с дыханием. <...> Берлиозовский год и у нас определён исполнением его музыки в больших количествах. «Ромео и Джульетта» прозвучала полностью на майском фестивале, этот концерт записало Украинское телевидение, наш молодой и пока очень скромный канал «Культура». Потом меня пригласили комментировать трансляцию. Но получилось обычное недоразумение. Они растянули трансляцию на три дня, и разделили на три части саму симфонию, а также мой рассказ. Но разделили по-разному. Так что я рассказывала во второй передаче о сцене бала и отзвуках бала перед ночной сценой любви, а они начали сразу с ночной части. А неделю назад «Ромео и Джульетту» играли полностью в Харькове с английским дирижёром. Моя дочь Ира была на концерте и написала рецензию. Судя по её отзыву, оркестр не очень справился, а хор и солисты были приличные. Музыка удивительно красивая, и сейчас тема любви звучит у меня в голове. <...>

Если лето я провела хорошо, то осень началась трудно, она сопровождалась целым рядом неприятностей. Неделю я проболела гриппом, за которым последовал бронхит. Теперь хожу на работу, но сильно утомляюсь. К тому же, моя квартира превратилась в гостиницу для приезжего люда из разных городов и стран...

В октябре-ноябре сразу три наших музыкальных вуза отмечают свои юбилеи. Львовская музыкальная академия (она вышла самая старшая, так как ещё в середине XIX века была основана поляками как Польская консерватория), потом Одесская и Киевская академии (обоим по 90 лет). Так что собираюсь посетить все три юбилейных торжества. С Одессой у меня установились хорошие дружеские отношения, это вселяет надежду, что после окончания ремонта здания театра поставят, как обещают, «Вия» Губаренко. На 2004-й год в Киеве намечаются два авторских концерта из произведений Виталия, один в мае, другой в сентябре. В Харькове тоже намечен концерт на конец мая. Пока же на заключительном концерте «Киев-музык-феста» в эту субботу не совсем удачно сыграли его вторую камерную симфонию, то есть в исполнительском плане не всё получилось. Но внешне концерт прошёл при большом стечении народа и шумных овациях.

Вот, кажется, все ближайшие и более отдалённые события и планы. Твоего письма, в котором ты писал о планах нового сезона и о своём предполагаемом расписании, я не получила. Видимо оно где-то затерялось. Если ты по возвращению из Красноярска предполагаешь быть на даче, сообщи... А может быть, для тебя не очень хорошо менять климат и город слишком часто? Правда, ты писал, что пребывание на даче необходимо, чтобы немного набраться сил для следующего рывка. Напиши, как Сева и Маша? Как хватает сил и здоровья у Любы? Я о вас постоянно думаю, хотела бы писать чаще, но, как уже признавалась, почему-то стало трудно писать письма. Видимо, причина в явных перегрузках, душевных и физических, от которых надо бы освободиться. Но пока не выходит. Тебе же невероятно благодарна, что на меня не сердиться и находишь силы писать...

*Обнимаю вас обоих, всегда помню – Ваша М.Р.Ч.
Простите, что не собственноручно, но я совсем отвыкла писать рукой.
Целую – Марина.»*

*Красноярск,
Ночь на 11 ноября 2003 года.*

Маэстро Шпиллер – Марине Черкашиной в Киев.

*«Шановна, пани профессорша!
Сегодня Маше 24-год... Сева в Египте на отдыхе, мои жалкие остатки здесь, Люба при мне неотступно, моей кухне исполнилось 70 лет...
Прилетели мы сюда 3 ноября, работаю и хвораю (не пойму чем – грипп?) Переносится, особенно работая, трудно. А вылетали!.. Не приведи Бог вспоминать. Люба решила, что гулянье пешком по Домодедовскому аэропорту обеспечивает мне плохой полёт, и меня надо*

везти в коляске, естественно, инвалидной. Конечно, оно легче физически (но не морально!), т.к. путь для человека нездорового немалый. Меня так и привезли из самолёта Красноярского в октябре. Есть, оказывается, такая услуга – вызов с борта самолёта коляски через медпункт аэропорта... Думали о том же при отлёте, но получилось не так. <...>

Вышел на работу. Мой кабинет на четвёртом этаже, сцена на пятом. Лифта пассажирского нет. Есть грузовой, очень древней конструкции, требующий взаимодействия трёх человек obsługi. Меня стали возить! Тоже легче, спору нет... С остатками меня всё ясно? Думаю, да.

11 ноября, вечер: Только что ушла мой доктор. Она мной почему-то довольна. И - СЛАВА БОГУ! «Остатков», выходит, несколько больше, чем я думал. Как раз вчера я попытался сформулировать, чтобы мне хотелось ещё не сделать, а доделать в жизни. Оказалось – две вещи:
1. поправить кое-что во втором томе (проповеди) папиного двухтомника и сдать этот материал на переиздание.
2. приготовить и исполнить «Детство Христа» Берлиоза. Оркестровую корректуру я уже начал исподволь, потихоньку. Текст русский получил весь, с переводчиком рассчитался сам.

Таковы были мои пожелания на день вчерашний. Не исключаю, что это может оказаться реальным. Дай Бог!

14 ноября, в ночь на 15: Продирижировал сегодня концерт с Николаем Луганским – один из физически мне наиболее трудных. И магнита, вроде, не было объявлено. А было очень, очень тяжело дышать. Завтра – повторение. Поглядим...

18 ноября, в ночь на 19: И поглядели: по музыке состоялось и, Слава Богу, совсем не худо. А вчера мне было так тяжело, что думал – не выдержу. Однако пронесло!

1 декабря, раннее утро: Две недели уж как не выхожу на улицу, а то и не очень встаю с кровати. Говорят, о каких-то жутких солнечных бурях, магнитах и т.д. Мы думаем и о некоей заразе образца «грипп». Тяжко было беспредельно! Я даже подумал, что добраться до дома в Москве не придётся... Вчера, совершенно неожиданно полегчало (слегка), чуть отпустило. Добраться до дому уже не кажется нереальным. Хотели бы это сделать в конце декабря, месяца на полтора, если Бог даст. 19 и 20 здесь запланированы мои концерты и, пока что, я себя не отменял.

В ночь на 6 декабря: До сих пор не только не кажу нос на улицу, но и с трудом (и с палочкой) передвигаюсь по дому с великой неохотой. Однако, ЖИВ и даже полагаю, что мне несколько лучше!..

P.S: Дописать это письмо Ивану Всеволодовичу было не суждено. Вечером 18 декабря, под Николин день, когда отзвонили колокола Благовещенского храма после окончания Всенощной службы, маэстро ушёл от нас в то «неведомое царство», где, надеюсь, упокоилась его душа в селениях праведных!

20 декабря 2003 года город Красноярск прощался со своим почётным гражданином. В течение четырех часов люди шли в Большой зал филармонии, куда были принесены маэстро тысячи букетов цветов, и тихо звучал «Реквием» Берлиоза, но на сей раз в записи национального оркестра Франции под руководством Леонарда Бернстайна.

21 декабря мы прилетели в Москву. В Николо-Кузнецком храме, где 32 года служил настоятелем батюшка Всеволод Шпиллер, было отпевание маэстро. К сожалению, далеко не всем знакомым смогла сообщить о кончине Ивана Всеволодовича - физически не успела. Наверное, обиделись на меня люди.

На службу приехало около трех десятков известных священников Москвы, много музыкантов, чтобы помолиться о незаурядном человеке, новопреставленном Иоанне. Протоиерей отец Валентин Асмус* после отпевания сказал замечательные слова о том, что «Иван Всеволодович соединял два самодостаточных мира: мир церковный и мир артистический, и два века: век девятнадцатый и век двадцатый!» А отец Александр Куликов потом добавил к сказанному о.Валентином, что «Иван Всеволодович был глубоко верующий, духовный человек, поэтому отпевали его как архиерея».

Зимний день короток. На погребение в Кузьминки приехали уже в сумерках. Молитвенное пение церковного хора, десятки зажженных свечей, движения людей-теней на фоне падающих снежинок сделали «реальность фантомной»...

*«Сегодня, насколько я помню,
исполнилась ровно жизнь,
как я тебя полюбил.
С той поры всё вокруг обрело
Твой облик и твой объём.
Вот уже целая вечность,
Как новое не стареет.
Лишь ты сгораешь во времени,
Возрождаясь в набухших
Зёрнах моей поэзии.
И даже когда ты молчишь,
Я смакую твой голос,
Истинный, как вода.
И хотя тебя потеряли
Мои пальцы,
я рад, как скудельник,
нащупывающий очертанья*

птицы в бесформенной глине»*.

Это последние стихи, которые я шепчу, думая о маэстро, в сумерки или в бессонной ночной тиши... И молюсь о нем, как умею!

Обнимаю Вас – Люба.

PPS: Когда-то барон Адам Трот дал очень интересную характеристику княжне Мисси Васильчиковой – родственнице маэстро по линии мамы:

«Ехал обратно с Мисси, и она снова меня поразила... Есть в ней что-то от благородной жар-птицы из легенд, что-то такое, что так и не удастся до конца осязать... Что-то свободное, позволяющее ей парить высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом...»

Процитированные слова в полной мере можно отнести и к самому Ивану Шпиллеру. Удивительное сходство двух этих ярких натур, видимо, - родовое.

Автор бесконечно благодарна Марии Святославовне Кнушевицкой, Марине Романовне Черкашиной и Галине Васильевне Веркиной за сохранение переписки с маэстро Шпиллером, и за предоставленную мне возможность корреспондентов Ивана Всеволодовича письма опубликовать.

В качестве эпиграфов к отдельным главам повествования использованы традиционные лирические японские трехстишия – хайку, из сборника «Летние травы», Москва, издательство «Толк», 1997 год. В книге процитированы стихотворения гватемальского поэта Роберта Обрегона Моралеса «Ровно жизнь» и «Осень под окнами» из сборника «Кодексы», Москва, издательство «Прогресс», 1968 год.

В тексте встречаются также отдельные цитаты из поэтических произведений Александра Сергеевича Пушкина – (смотреть дальнейшее примечание).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда эта книга была уже написана, и сложилась она так, как сложилась, почему-то возникло желание, скорее подсознательное ощущение необходимости добавить к сказанному несколько штрихов. И вместо послесловия к основному тексту я решила включить в свою книгу небольшое эссе человека, знавшего маэстро Шпиллера многие десятилетия, - журналиста Ростислава Чёрного.

Я пишу эти строки в старом саду, подле ветхого сруба. Потемневшие от времени стены, укутанные в пелену воспоминаний и вечной тени обступивших дом столетних елей, источают запах плесени и забвения, да и

сад сам почти весь вырублен – так, несколько яблонь и слив. Но место это освещенное и освященное куполами Ново-Иерусалимского монастыря, что вот – совсем рядом, рукой подать, видать с нашего песчаного откоса, по-прежнему благословенно. Дом, некогда построенный моими бабушкой, отцом, мамой помнит иные времена, иные ароматы – редких в ту пору заморских духов, ладана, дорогих сигарет. Помнит он и иных людей, и, конечно же, первых своих обитателей: отца Всеволода Шпиллера, его жену Людмилу Сергеевну, их сына Иоанна.

Нет, не были мы никогда друзьями, тем паче приятелями (до приятельства ли тут, когда тебе всего лишь три, а ему уже все шестнадцать – это я о времени его первого прихода в мою жизнь), но были близкими по особой группе крови. Я говорю об общей памяти. Об общей памяти о наших близких, которые и живы-то на земле, пока жива она, эта память. Мы помнили и чтили тех, кого уже не было, и тех, кто оставался в этом мире. Мы молча, никогда не признаваясь в том друг другу, верно хранили её (память) на протяжении всей нашей общей жизни. А отмерено ей было немногим более полувека.

Я пишу эти строки, и перед мысленным взором, как крошечные, разноцветные острова проплывают фрагменты пути. Они соединяются в причудливые мозаичные панно воспоминаний, где нет хронологического композиционного стержня или единого сюжета, но есть главный герой и есть лейтмотив.

Первая встреча? Нет, не помню – так, копна жгуче-чёрных, вьющихся волос, легкий прищур больших синих глаз в обрамлении по-женски длинных, слегка загнутых вверх ресниц, глаз, в которых едва заметно затаилась усмешка (а быть может, насмешка?). Изысканные, удивительные, в ту пору для нас какие-то «нездешние» манеры, вполне, впрочем, пригодные для того, чтобы сыграть в кино белого офицера. Да стоит ли, право, удивляться-то, ведь и был он сыном не только священника, но и в своё время белого офицера, приехавшим к нам вместе с отцом и матерью из мало кому ведомой в то время, конца сороковых – начала пятидесятых, Болгарии. Но это так, первые мимолётности. Потом пришли иные: всё та же шевелюра, но только с первым едва заметным серебром, те же огромные глаза, но к опушке по-прежнему густых ресниц прибавились лёгкие стрелки первых морщин, рука в тельняшке, небрежно брошенная на руль старенькой «Победы», с крошечным алмазным крестиком у ручки антенны.

Рука. Эту руку не раз видел и потом, в ином ракурсе, на сцене Большого зала Московской консерватории, элегантно застывшей с дирижёрской палочкой (ведь тот, о ком мы ведем наш рассказ, был дирижёром, последним учеником выдающегося мастера – Александра Васильевича Гаука). Не стану врать (теперь, когда его уже нет, это было бы особенно постыдно): на его концертах бывал я нечасто, но те, на которых бывал, всегда поражали особенной элегантностью маэстро. И не только сценической. В чём-то он был неподражаем (не в обиду будь сказано выдающимся мастерам минувшего и нынешнего столетия). Природный

артистизм, изысканность манер, движений, мимики синтезировались за пультом с особой силой, поражали воображение, вызывали невольное желание подражать ему в этой самой изысканности. Он был, и в так называемой обыденной жизни, в своей знаменитой тельняшке за рулём, или на нашей дачной волейбольной площадке, или на сцене, в непременно превосходно сшитом фраке, живым воплощением того самого понятия «комильфо», о котором писал Лев Николаевич Толстой в своей трилогии. «Не от мира сего» - вот чем он был, но только в обратном смысловом значении: не отрешенным от всего земного, витающим где-то там, в поднебесье чудачком, а инопланетянином, прилетевшим к нам из другой галактики, но радующимся всем радостям Земли, однако же, и постоянно недоумевающим по поводу её неустроенности.

«Иоанн, кажется, освоился», - не раз говаривала моему отцу его мать Людмила Сергеевна. Это означало, что он вполне преуспел в постижении законов земного притяжения со всеми сопутствующими тому приметам: точном определении позиций табели о рангах, знанием конъюнктуры, умением ладить с начальством и добиваться от него выгодных не ему, а делу вещей. Да, без всего этого разве мог бы он возглавлять оркестры – вначале Харьковской филармонии, потом – Красноярский академический симфонический, создателем коего сам он и был. Говорю об этом открыто прежде всего потому, что нет в том ничего, что оскорбляло бы его и память о нём. Нет, он был вполне земным, знающим здешние правила игры. Он боролся за своё мастерство, за свою цель, за жизнь. Он был настоящим бойцом, и особым тому подтверждением стала его финишная прямая в отсветах, увы, обычной, но всегда уникальной, единственной человеческой трагедии. Однако, об этом позже.

Теперь же ещё о руке, точнее о руках. Я помню эти белые холёные руки, жёстко скрещенные на груди, и мраморно-бледное лицо, обращённое к сцене. Он словно превратился в изваяние, не только весь ушёл в мир звука, но вновь улетел уже в другую галактику, не в ту, из которой вышел сам, но в ту, куда его звал тот, кто околдовал его. На сцене был Герберт фон Караян. А на дворе – 1968 год.

Его хождения по мукам начались после тяжёлого расставания с Харьковом. Теперь приходилось выступать с чужими оркестрами, порой мыкаться по провинции с не лучшего свойства артистами. Он болезненно относился к этой профессиональной неустроенности, она терзала его, заставляла всё чаще задумываться о смысле бытия, точнее - о его бессмысленности. Порой он доходил до отчаяния и, хотя был подлинно православным христианином, даже как-то обронил не мне – моему брату – фразу о том, что, дескать, как Свидригайлов у Достоевского, не прочь бы «уехать в Америку». (Что имел в виду герой Федора Михайловича перед своим самоубийством, все, должно быть, хорошо помнят).

А дело было так. На участке нашем в дачном поселке с экзотическим названием «НИЛ» (аббревиатура словосочетания – «наука, искусство, литература») стояло два дома: тот, первый, старый, в котором обитала наша

семья, и другой, который мы называли «флигелем», а отец Всеволод – «саклей». Так вот в этой самой «сакле» почти двадцать лет и прожила семья Всеволода Дмитриевича. Летом мы жили практически под одной крышей, впрочем, вполне обособленно друг от друга. Однако при явно имевшей место дистанции, как с нашей стороны, так и со стороны наших – нет, не решусь сказать «жильцов», соседей – друзей мы жили с тем самым ощущением, которое англичане называют «sense of community» - чувство общности. Именно оно побуждало нас встречаться за ужином, или пятичасовым чаем, или просто сидеть в шезлонгах в том самом, теперь уже умирающем, а тогда цветущем саду и наслаждаться хорошей музыкой, лившейся из окон флигеля, где усердно работала радиола «Эстония» - большая, впрочем, редкость в те времена.

Так вот об исповеди, Свидригайлове и Иоанне. На дворе уже 69-й. Светлая июльская ночь. Оба дома спят. Не сплю лишь я на втором этаже в нашей с братом Костей комнате, не спят Костя и Иоанн. Они там, за зарослями орешника, и мне из окна едва видны их тени в отсветах свечей в двух подсвечниках на деревянном столе. Ночь. Два часа – тени колышутся, разговора не слышно. Три – то же самое. Где-то около четырех в комнате появился Костя. Лицо усталое, заплаканное. «Если бы ты только знал, - говорит он, - что Ян (мы звали его именно так) испытал, что пережил. Он только что сказал мне, что жизнь пуста и бессмысленна, и что пора честь знать. Ты понимаешь, что это значит? Бедный, бедный Ян...» Костя смотрит в окно. Там, за орешником мерцают свечи, колышется теперь лишь одна тень.

Но жизнь продолжала свой бег. Уже на следующий день, где-то около двенадцати, в окне столовой замаячила знакомая тельняшка. Копна чернённого серебра зачесана назад, лицо чисто выбрито, все та же усмешка, характерный вздох одной ноздрей и краешком губ (кто помнит его, те поймут). «Ребята, пора за фал». Смех. Это он нам с Костей. И вот мы уже мчимся кавалькадой машин во главе со знакомой «Победой» на Истринское водохранилище. Рука в тельняшке небрежно брошена на руль. А потом водные лыжи, шампанское на берегу, легкий смех, легкий флирт... А вечером стук мяча на «волейболке», словно призывные удары любовного гонга, возвещающего о новых встречах и разлуках. В центре всего этого пиршества плоти – он.

Но не стоит, право, думать, что все, что было накануне – миллион терзаний и признаний – не более чем поза, своего рода бравада, услада собственного самолюбия. Он был искренен и во время ночной исповеди моему брату, и утром следующего дня. Он как бы постоянно существовал в двух мирах – Горнем и дольном. Воистину последний романтический герой. Я без иронии, вполне серьезно. Но и об этом несколько позже, в финале.

Он был для меня человеком-загадкой, полным тайн, что открылись, к примеру, той памятной майской ночью 84-го, после похорон моего отца, после поминок, когда все уже разошлись, и мы остались втроём – Костя, Иоанн и я. Мама спала в соседней комнате, а мы смотрели на окна Большого

зала консерватории – это прямо через двор, на другом его конце – и говорили, говорили, говорили... Он вспоминал, как хоронили его маму, Людмилу Сергеевну. Я помню последние слова рассказа. «И тогда отец сказал: «Все. Ну, Богородица, принимай...» Мы вспоминали всех ушедших близких. А я, почему-то уверенный, что он, как отец Всеволод, знает ответы на все вопросы, спрашивал: «Что значит: «Оставьте мёртвым хоронить своих мёртвых» - каждому своё?.. У каждого свой крест?..» Опять испытующе-пронизывающий насквозь взгляд, характерное движение ноздрей. «Не только это». А что ещё – так и не сказал. Время от времени он подходил к телефону, звонил: «Бабушка Агриппина (это он прихожанке своего отца, домохранительнице), что ж вы не спите? скоро буду». Разошлись засветло.

Он прожил как бы несколько жизней. Одна из них, назовём её красноярской, была едва ли не самой главной для него. Он создал уникальный оркестр, служил ему беззаветно и преданно, в буквальном смысле до последнего вздоха, бережно воспитывал этого своего, быть может, самого любимого ребёнка, щедро делился с ним своим опытом, мастерством, талантом, каждый день словно отдавал ему частичку самого себя. Об этой дистанции пути подробный рассказ в книге Любви Загайновой. Она была ему не только любящей женой, но самым близким другом. Я бы назвал её, пожалуй, верным оруженосцем, ибо не было у него в его трудах и борениях последних лет никого ближе её.

Приходит на память ещё один эпизод наших встреч. Вскоре после ухода из жизни родной тёти Иоанна, великой певицы Натальи Дмитриевны Шпиллер, с которой последние двадцать лет, отпущенные ей Богом, меня связывала самая нежная дружба. К тому времени мы не виделись с Иоанном целое десятилетие. Он появился вновь в нашем «НИЛе»: грузный, постаревший, белый, как лунь, опирался на трость, дышал тяжело, но глаза всё те же – бездонные, синие, полные не только сжатой в тугую пружину внутренней энергии, но словно излучающие постоянный сигнал: я знаю многое и помню многое, но суждено ли вам узнать хоть маленькую толику всего этого, неизвестного. И опять-таки – в том не поза, а суть, глубинное свойство натуры, всей его корневой системы, всего внутреннего мира, построенного на подтекстах. Прочесть что-либо в этих глазах, в его душе было просто невозможно, коли он сам того не хотел. Был человеком скорее закрытым, интровертным, с опрокинутым внутрь себя самого взором. Собственно, именно эти черты определяли суть личностей и его отца Всеволода Дмитриевича, и его тети Натальи Дмитриевны. Характер - нордический, так, кажется, было у Юлиана Семенова в «Семнадцати мгновениях весны». Все они были и впрямь нордического склада. Было в характере этих троих, включая, конечно же, и его, Иоанна, несмотря на подлинную веру, преданность идеалам христианства, православия, нечто такое, что делало их похожими на вагнеровских героев (неслучайно, наверное, Сергей Эйзенштейн незадолго до начала Великой Отечественной дал в своей версии «Валькирии» роль Зиглинды именно Наталье Шпиллер). Они, словно закованные в латы рыцари, вступали в бой не только со своими

врагами, но и с самой судьбой. Они несли в себе некое роковое, трагическое начало, которое, обрекая на гибель, делало их бессмертными. Я не о плоти, не о карьерах, наградах, званиях, я о некоем глубинном начале, о духе. Духом все трое были сильны. То, что были сильны двое – отец Всеволод и его сестра, знал всегда. О том, что сильным оказался он, Иоанн (и насколько сильным), узнал лишь после его ухода.

Узнал, благодаря книге, что лежит сейчас перед вами. Там, в письмах к отцу, друзьям предстает перед нами не привычный образ красавца-плейбоя с изысканными манерами, не поверхностный слой его «я», но сама глубинная суть его личности, его мира, его души. Он был смертельно болен и знал об этом, и на протяжении трех лет яростно сражаясь с недугом, продолжал творить, постоянно доказывая и окружающим, и самому себе сколь велик дух (когда велика его сила) в сравнении с брэнной плотью.

Практически до конца своих дней, продолжая напряженно работать, он сам определил меру человеческого достоинства, подтвердил, что да, плоть, увы, брэнна, зато дух вечен, а человек будет жить среди людей и после своего ухода в мир иной в своих трудах, своих деяниях. Да, быть может, он, сам того не сознавая, и впрямь был если не последним, то одним из последних романтических героев. На протяжении всей жизни, пребывая в двух мирах – земном и поднебесном, как истинно романтический герой, сродни тем, что были созданы Гофманом, Новалисом, Тиком, он вступил в схватку с самим собой и, потерпев поражение на земле, в мире дольном, обрёл бессмертие там, в мире Горнем. Здесь и гены сказались, гены клана фон Шпиллер.

...Как-то мы прогуливались с Натальей Дмитриевной Шпиллер по дорожкам нашего поселка. Она много говорила о своём детстве, о Киеве, об отце и маме, а в конце обронила: «На земле много уголков, которые я люблю, с которыми связаны и детство, и юность, но эта новоиерусалимская земля – особенная. Я вот иду и вижу на этих тропинках и маму, и Света (это о муже, выдающемся виолончелисте Святославе Николаевиче Кнушевицком). И брата вижу, и сестру. Все они теперь здесь...»

Здесь теперь и он, Иоанн Всеволодович Шпиллер. Его душа обрела покой именно тут, среди покрытой первым золотом наступающей осени бликующей в лучах заходящего солнца листвы, грустных вздохов древнего елового леса. Он теперь здесь, с нами, навсегда. Я это твёрдо знаю.

Ростислав Чёрный.

СИМФОНИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ, ПРОДИРИЖИРОВАННЫЕ МАЭСТРО И.ШПИЛЛЕРОМ:

- А.Адан - Сцены из балета «Жизель».
- С.Барбер - Адажио для струнного оркестра.
Симфония №1.
Концерт для фортепиано с оркестром.
- Б.Барток - Музыка для струнных, ударных и челесты.
Концерт №3 для фортепиано с оркестром.
Скрипичные концерты.
Концерт для оркестра.
Танцевальная сюита.
- И.Бах - Бранденбургские концерты №№ 1- 6.
«Магнификат».
- Г.Берлиоз - Фантастическая симфония.
Симфонические эпизоды из Драматической симфонии
«Ромео и Джульетта».
«Гарольд в Италии». Драматическая симфония для альта с
оркестром.
Отрывки из «Осуждения Фауста».
Вокальный цикл «Летние ночи».
Ораториальный триптих «Детство Христа» (только
репетировал).
- Л. Ван Бетховен - Симфонии №№ 1-9.
Увертюры «Леонора»№2, №3, «Фиделио», «Эгмонт»,
«Кориолан».
Концерты для фортепиано с оркестром №№ 1-5.
Концерт для скрипки с оркестром ре-мажор, соч.61.
Концерт для фортепиано, скрипки и виолончели с
оркестром.
Фантазия для фортепиано, хора и оркестра.
«Missa solemnis».
- Ж.Бизе - Музыка к драме А.Доде «Арлезианка».
Симфония g - dur.
«Детские игры».
Арии и отрывки из оперы «Кармен».
- Э.Блох - «Шеломо» - рапсодия для виолончели.

М.Брух -	Концерт для скрипки с оркестром. Шотландская фантазия.
И.Брамс -	Симфонии №№ 1-4. Вариации на тему Гайдна. «Немецкий реквием». Венгерские танцы. Концерты для фортепиано с оркестром №№ 1, 2. Концерт для скрипки с оркестром. Концерт для скрипки и виолончели. Трагическая увертюра.
Б.Бриттен -	Концерт для скрипки. Концерт для фортепиано с оркестром. Симфония-реквием. Сюита «Глориана Моритура».
А.Брукнер -	Симфонии №№ 2, 4.
Р.Вагнер - «Лоэнгрин» богов». Изольда».	Увертюры к операм: «Риенци», «Тангейзер». Вступление, антракт к III действию и отрывки из оперы «Лоэнгрин» Сцены и арии из опер «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов». Вступление и смерть Изольды из оперы «Тристан и Изольда». «Зигфрид-идиллия». Увертюра и отрывки из оперы «Майстерзингеры». Вступление к опере «Парсифаль».
К.Вебер - стрелок»,	Концерты для фортепиано с оркестром №№ 1,2. Концертштюк для фортепиано с оркестром. Концерт для фагота с оркестром. Концертино для кларнета с оркестром. «Приглашение к танцу» (обработка Вейнгартнера) Увертюры к операм «Эврианта», «Оберон», «Вольный стрелок», «Петер Шмоль».
Дж.Верди -	«Реквием». Увертюры, антракты и арии из опер: «Набукко», «Аида», «Трубадур», «Травиата», «Риголетто», «Сицилийская вечерня», «Сила судьбы».

А. Вивальди -	Концерты «Времена года».
И. Гайдн -	Концерт для фортепиано с оркестром d-dur. Лондонские симфонии. Оратории «Сотворение мира», «Времена года». Концерты для виолончели с оркестром ре-мажор, до-мажор.
Г. Гендель -	Кончерти-гросси для оркестра.
О. Герстер –	Праздничная увертюра. «Дрезденская сюита».
Дж. Гершвин -	Отрывки из оперы «Порги и Бесс» Рапсодия в блюзовых тонах, вторая рапсодия. Сюита «Американец в Париже». Концерт для фортепиано с оркестром.
Э. Григ -	Музыка к драме Г. Ибсена «Пер-Гюнт». Концерт для фортепиано с оркестром a-moll.
Ш. Гуно -	«Вальпургиева ночь» и арии из оперы «Фауст».
А. Дворжак -	Концерт для виолончели с оркестром. Славянские танцы. Симфонии №№ 1, 5, 8, 9.
К. Дебюсси -	Три ноктюрна. «Послеполуденный отдых Фавна». «Море» – три симфонических эскиза. Героическая колыбельная. «Весенние хороводы». «Весна». «Иберия».
Л. Делиб -	Сюита из балета «Коппелия».
П. Дюка -	Скерцо «Ученик чародея».
Ф. Зуппе -	Увертюра к оперетте «Поэт и крестьянин».
И. Иевтич	Оратория «Завет Косова».
Л. Керубини -	«Реквием».

- З.Кодаи - Рапсодия.
- Ф.Лист - Фауст - симфония.
Диптих по прочтению «Фауста» Ленау: «Мефисто вальс», «Ночное шествие».
Симфонические поэмы: «Прелюды», «Венгрия», «Тассо».
Концерты для фортепиано с оркестром №№ 1,2.
«Пляска смерти» - парафраз на тему «Dies irae».
Венгерские рапсодии: №№ 2,4,6,12.
- В.Лютославский - Маленькая сюита для оркестра.
Концерт для оркестра.
- Г.Малер - Симфонии №№ 1,4, 5, 9, 10.
«Песни странствующего подмастерья», «Волшебный рог мальчика», «Песни об умерших детях».
- Б.Мартину - «Памятник Лидице».
Концерт для квартета с оркестром.
- Ф.Мартен - Концерт для семи духовых.
- Ф.Мендельсон - «Итальянская» №4 и «Шотландская» №3 - симфонии.
Музыка к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».
Концерты для фортепиано с оркестром №№ 1,2.
Концерт для скрипки с оркестром ми-минор, соч. 64.
- В.А.Моцарт - Концерты для скрипки с оркестром.
Симфонии №№34, 35, 36, 38, 39, 40, 41.
Все концерты для фортепиано с оркестром.
Концерт для флейты и арфы с оркестром.
Концерт для четырех духовых инструментов.
Концерт для фагота с оркестром.
Увертюра и два танца из оперы «Идоменей».
«Реквием».
- А.Онеггер - Симфонии №№ 1,2,5.
- Д.Обер - Опера «Фра-Дьяволо».
- О.Николаи - Музыка из оперы «Виндзорские проказницы».
- К.Пендерецкий - «Хиросима».

- М.Равель - Балет «Моя матушка гусыня».
Испанская рапсодия.
Вторая сюита «Дафнис и Хлоя».
Вокальный цикл «Шахразада».
Концерты для фортепиано с оркестром.
Благородные и сентиментальные вальсы.
«Гробница Куперена».
«Болеро».
- О.Респики - «Пинии Рима», «Фонтаны Рима» - симфонические поэмы.
«Лавка чудес» - сюита из балета.
- Дж. Россини - Увертюра к опере «Сорока-воровка».
Арии и отрывки из опер «Севильский цирюльник»,
«Итальянка в Алжире», «Золушка».
- К.Сен-Санс - Концерт для фортепиано с оркестром №2.
Концерты для виолончели с оркестром №№1,2.
Интродукция и рондо-каприччиозо для скрипки с оркестром.
Романс для скрипки с оркестром.
- Я.Сибелиус - Симфонии – все.
«Туонельский лебедь».
Концерт для скрипки с оркестром.
Два вальса.
Шесть юморесок для скрипки с оркестром.
- Ц.Франк - Симфония ре минор.
Симфонические вариации для фортепиано с оркестром.
- П.Хиндемит - Симфония художник «Матис».
- К.Шимановский - Симфония №4.
Концерт для фортепиано с оркестром.
Концерт для скрипки с оркестром.
- Шёнберг - «Просветлённая ночь».
- Ф.Шопен - Концерты для фортепиано с оркестром №№1,2.
- Э.Шоссон - Симфония.
Поэма для скрипки.

- И.Штраус - Увертюра к оперете «Летучая мышь», вальсы, польки, галопы.
- Р.Штраус - Симфонические поэмы: «Дон Жуан», «Тиль Уленшпигель», «Дон Кихот», «Жизнь героя», «Смерть и просветление». Парафраз для фортепиано с оркестром «Бурлеска». Сюиты из оперы «Кавалер роз». Концерт для гобоя. Вокальный цикл «Четыре последние песни». «Метаморфозы».
- Ф.Шуберт - Симфонии №№ 2,3,4,5,6,7 (С),8. Мессы: №№ 2,4,6. Увертюра и танцы из «Розамунды». Итальянские увертюры.
- Р.Шуман - Симфонии №№ 1,2,4. Увертюра и музыка к спектаклю «Манфред». Концерты для фортепиано, виолончели, скрипки. «Концертштюк».
- Э.Элгар - Концерт для скрипки с оркестром. Концерт для виолончели с оркестром. Симфония №1.

СИМФОНИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ И СОВЕТСКИХ АВТОРОВ, ПРОДИРИЖИРОВАННЫЕ МАЭСТРО И.ШПИЛЛЕРОМ.

- А.Бородин - Симфонии №№ 1 -3. Симфоническая картина «В Средней Азии». Отрывки, арии и сцены из оперы «Князь Игорь».
- В.Бойко - Оратория «Василий Тёркин».
- В.Гаврилин - Сюита из балета «Дом у дороги». Балет «Анюта».
- А.Глазунов - Симфония №6. Концерт для скрипки с оркестром. Поэма - «Стенька Разин» си-минор, ор.13. Концерт для фортепиано с оркестром. Сюита из балета «Раймонда».

Концертные вальсы.

- М.Глинка - Увертюра, сцены и арии из оперы «Иван Сусанин».
Вальс-фантазия.
«Арагонская хота».
«Ночь в Мадриде».
Увертюра, арии и танцы из оперы «Руслан и Людмила».
Камаринская.
Симфония на две русские темы.
- Р. Глиэр - Концерт для голоса с оркестром.
Симфоническая поэма «Сирены».
- В.Губаренко - Моно опера «Нежность».
- В.Калинников - Симфония №1.
- А.Лядов - Все произведения для симфонического оркестра (14)
- Н.Мясковский - Симфония №21,25,27.
Концерт для виолончели с оркестром.
- Н.Метнер - Концерты для фортепиано с оркестром №№1,2.
- М.Мусоргский - Отрывки из оперы «Борис Годунов».
«Ночь на лысой горе».
«Картинки с выставки» в оркестровке М.Равеля.
Вступление, антракт и арии из оперы «Хованщина».
Танцы и арии из оперы «Сорочинская ярмарка».
- В.Овчинников - Симфония №1.
- А.Петров - «Маяковский начинается».
«Рада и Лойко».
Концертино.
- С.Прокофьев - Симфонии №№ 1,5,7.
Оратория «Иван Грозный».
Кантата «Александр Невский».
Балет «Ромео и Джульетта».
Все концерты для фортепиано, скрипки, виолончели с оркестром.
«Петя и волк» - симфоническая сказка.
- С.Рахманинов - Симфонии – все.

«Симфонические танцы».
Фантазия «Утес».
Симфоническая поэма «Остров мертвых».
Цыганская рапсодия.
Кантата «Весна».
Три русские песни для хора и оркестра.
Концерты для фортепиано с оркестром №№ 1-4.
Рапсодия на тему Паганини для фортепиано с оркестром.
Отрывки из оперы «Алеко».
Поэма «Колокола».
Пять этюдов-картин .
«Вокализ» - авторская редакция для оркестра.

Римский–Корсаков - «Шехерезада».

«Испанское каприччио».
Опера « Моцарт и Сальери».
Сюита из оперы «Снегурочка».
«Три чуда» из оперы «Сказка о Царе Салтане».
«Светлый праздник».
«Сказка».
«Сеча при Керженце» из оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии».
Увертюра к опере «Майская ночь».
Отрывки и арии из оперы «Царская невеста».

Ребиков - Сюита «Елка».

Г.Свиридов - «Патетическая оратория».

А.Скрябин - Концерт для фортепиано с оркестром.
«Мечты».

И.Стравинский - Балеты: «Петрушка», «Аполлон Мусагет», «Жар-птица»,
,

«Поцелуй Феи», «Игра в карты», «Пульчинелла».
Симфония в трех частях.
Концерт in D для струнных.
Каприччио для фортепиано.
Концерт для скрипки с оркестром.
Фантастическое скерцо.
Симфония №1.

С.Танеев - Оратория «Иоанн Домаскин».
Симфония до-минор.

А.Флярковский - «Бессмертие» - кантата.

А.Хачатурян - Фрагменты из балетов «Спартак», «Гаяне».
Музыка к драме Ю.Лермонтова «Маскарад».
Концерт для виолончели с оркестром.

П.Чайковский - Симфонии – все - №№ 1-6 и «Манфред».
Сюиты для оркестра №№ 1-3, из балетов «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик».
Концерт для скрипки с оркестром ре-мажор, соч. 35.
Концерты для фортепиано с оркестром №№ 1-3.
Фантазия для фортепиано с оркестром.
Опера «Евгений Онегин».
«Вариации на тему Рококо» - для виолончели с оркестром, (редакция Фитценгагена.).
«Времена года» в оркестровой редакции А.Гаука.
Кантата «Москва».
Увертюра «1812 год».
Симфонические поэмы: «Франческа да Римини», «Буря», «Ромео и Джульетта», «Гроза».
Арии и сцены из опер «Пиковая дама», «Иоланта».
«Итальянское каприччио».
«Серенада для струнного оркестра».

Д.Шостакович - Симфонии №№ 1, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15.
Все концерты для фортепиано, скрипки и виолончели с оркестром
«Праздничная увертюра».
Оратория «Казнь Степана Разина».

Р.Щедрин - «Озорные частушки».
Сюита из оперы «Не только любовь».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адлерберг Е. – графиня, тётя Л.С.Шпиллер –
Аз М. – пианистка –
Аксельрод Г. – пианист -
Аксёнов В. – режиссер –
Алексеев Н. – дирижёр –
Алексий-1 – Патриарх Московский и всея Руси -
Алексий-П – Патриарх Московский и всея Руси -
Андреева Е. – певица – стр. №№

Аносов Н. – дирижёр, профессор – стр. №№
Асмус о.Валентин – священник – стр. №№
Атанаскович С. – композитор –
Атанаскович З. – балерина –
Ашкенази В. – пианист –

Барбер С. – композитор –
Барток Б. – композитор -
Баринова Г. – скрипачка –
Бах И. – композитор –
Башкиров Д. – пианист –
Бегильдеев Л. – князь, шафер на свадьбе Шпиллеров -
Бейлина Н. – скрипачка –
Безродный И. – скрипач –
Бенвенуто Л. – эмигрантка, падчерица театрального режиссера Санина –
Бенуа А. – художник -
Блок А. – поэт –
Берлиоз Г. – композитор -
Берман Л. – пианист –
Бетховен Л. – композитор –
Бизе Ж. – композитор -
Брамс И. – композитор –
Бриттен Б. – композитор -
Брон З. – скрипач –
Брух М. - композитор -
Боски М. – кузина -
Бочарова Т. – журналист –
Бочаров К. – фаготист –
Бочкова И. – скрипачка –
Бруни И. – художник –
Бруни Н. – жена художника -
Брянский К. – директор КАСО –
Булычёв А. – музыкант -
Буянер М. – скрипач –

Вагнер Р. – композитор -
Васильев В. – пианист -
Васильчиков Г. – князь, родственник маэстро –
Векслер М. – директор БЗК –
Веркин Б. – академик –
Веркина Г. – пианистка, жена академика -
Винская Л. – журналист -
Власенко Л. – пианист –
Волконский С. – князь -
Воробьёв о.Владимир – священник –

Ворошилов К. – член правительства -
Воскресенский М. – пианист –

Гайдн И. – композитор -
Гаврыш И. – виолончелист –
Гантварг М. – педагог –
Гаук А. – дирижёр, учитель маэстро –
Гаук Л. – жена дирижёра –
Гаук П. – сын дирижёра -
Гендель Г. – композитор –
Гергиев В. – дирижёр –
Герстер О. – композитор –
Гершвин Д. – композитор –
Гоголь Н. – писатель –
Гольденвейзер А. – пианист, профессор –
Голованов Н. – дирижёр –
Голованова О. – сестра дирижёра –
Горбачов М. – президент –
Граубинь И. – пианистка –
Григ Э. – композитор -
Грикуров Э. – дирижёр –
Гросс-Мариш Л. – певица -
Губаренко В. – композитор -
Губерман Б. – скрипач –
Гусман И. – дирижёр -

Давиденко Т. – чиновник –
Давидович Б. – пианистка -
Дворжак А. – композитор -
Демиденко Н. – пианист –
Демирханов А. – архитектор –
Димитриади О. – дирижёр –
Довгяло Ю. – скрипачка –
Доде А. – писатель –
Долговых А. – скрипачка -
Доренский С. – пианист –
Дорлиак Н. – певица -
Достоевский Ф. – писатель –
Дударова В. – дирижёр –
Дунаевский И. – композитор –
Дюка П. – композитор –

Егоров А. – пианист –
Есипов В. - дирижёр –
Ермошкин В. – директор КАСО –

Ерохин М. – пианист –
Ефимов А. – профессор –
Ефимов В. – певец –
Ефремов В. – скрипач –
Ефремова Л. – виолончелистка –

Жордания В. – дирижёр -
Жук В. – скрипач -

Зандерлинг К. – дирижёр -
Захарченко Н. – художник –
Землянский Б. – пианист -
Зернов М. – архиепископ Киприан –
Знаменская Е. – скрипачка –
Зосима – старец –
Зубарева Г. – виолончелистка -
Зубов В. – чиновник, губернатор –

Ибсен Г. – писатель –
Иванов Б. – журналист –
Иевтич И. – композитор –
Исакадзе Л. – скрипачка –
Исаков Н. – генерал –
Исакова-Шпиллер Л. – мама маэстро –
Исаков С. – дедушка маэстро –
Истнюк А. – прихожанка –
Иофель Е. – педагог –

Кабалевский Д. – композитор –
Казенин В. – композитор –
Канделаки Д. – сын маэстро –
Карпов Г. – член правительства -
Киладзе Л. – дирижёр –
Кисин Е. – пианист –
Кирилл – Патриарх Болгарский -
Керер Р. – пианист –
Климов В. – музыкант –
Клебанов Д. – композитор -
Клеймиц И. – сослуживец –
Клементьев Г. – дирижер –
Кнушевицкий С. – виолончелист –
Кнушевицкая М. – актриса -
Козолупов С. – виолончелист –
Кондрашин К. – дирижёр –
Конюс Б. – композитор -

Кречетов о.Николай – священник –
Крутик С. – музыкант –
Крыса О. – скрипач –
Куликов о. Александр – священник –
Курбатов В. – писатель –

Лапин С. – чиновник –
Лебедь А. – генерал –
Лист Ф. – композитор –
Ливен о. Андрей – священник –
Ливен А. – сын священника –
Лисициан П. – певец –
Ллойд Е. – княжна Ливен –
Луганский Н. – пианист –
Лютославский В. – композитор –
Лядов А. – композитор –

Майстренко В. – журналист –
Максакова М. – певица –
Малёванная Н. – почтальон –
Малашенко Т. – скрипачка –
Малашенко С. – скрипач –
Малер Г.- композитор –
Малинин Е. – пианист –
Мартез Ж. – эмигрант –
Мачавариани А. – дирижёр, композитор –
Мацуев Д. – пианист –
Мелека – нянька –
Менгельберг – дирижёр –
Мендельсон Ф. – композитор –
Метнер Н. – композитор –
Мелик-Пашаев А. – дирижёр –
Минас-Беков И. – музыкант –
Михалков Н. – кинорежиссер –
Молова М. – пианистка –
Моцарт В. А. – композитор –
Мравинский Е. – дирижёр –
Мусин И. – дирижёр –
Мусоргский М. – композитор –
Мюллер Ф. – профессор –

Нейгауз С. – пианист –
Нестеров А. – критик –
Нежданова Н. – певица –
Неретин Н. – музыкант –

Нива Ж. – писатель -
Николаева Т. – пианистка -

Оборин Л. – пианист –
Обухова Н. – певица –
Овчинников В. – композитор –
Овчинников В. – ректор консерватории –
Ойстрах Д. – скрипач –
Ойстрах И. – скрипач –
Ондрусова А. – певица -
Онеггер А. – композитор –
Орлова А. – художник –
Островский Н. – писатель –

Пендерецкий К. – композитор –
Печорин – герой М.Лермонтова –
Пикайзен В. – скрипач –
Пимашков П. – мер города –
Плотникова И. – пианистка –
Позняков В. – мэр города –
Полевой Б. – писатель –
Политковский И. – скрипач –
Пороцкий В. – композитор –
Проваторов Г. – дирижёр –
Прокофьев С. – композитор –
Простакова – героиня Фонвизина –
Проститов О. – композитор –
Пушкин А. – поэт –

Рабинович Я. – педагог –
Равель М. – композитор –
Рапопорт М. – режиссер –
Рапопорт А. – актер –
Рахманинов С. – композитор –
Реймонд В. – дирижёр –
Респиги О. – композитор –
Римский-Корсаков Н. – композитор –
Рихтер С. – пианист –
Рождественская Н.- певица –
Рождественский Г. – дирижёр –
Романов К. – Великий князь –
Россини Дж. – композитор –
Ростовы – герои Л.Толстого –
Ростропович М. – виолончелист -
Рубинштейн А. – пианист –

Рукша Г. – чиновник –

Савватий – старец –

Свидригайлов – герой романа Ф.Достоевского -

Светланов Е.- дирижёр –

Свешников А. – хормейстер, –

Свиридов Г. – композитор –

Свойский В. – дирижёр –

Себастьян – дирижер –

Седов о. Владимир – священник –

Селивохин В. – пианист –

Сен-Санс К. – композитор –

Серезоль И. – родственница -

Серов Д. - пианист –

Сидоров Е. – министр –

Симион – ветхозаветный старец –

Симкин В. – музыкант –

Сирин Е. – богослов -

Скрябин А. – композитор –

Слободяник А. – пианист –

Соболев Н. – владыка Серафим –

Соболев В. – музыкант -

Соеренсен О. – пианист –

Спиваков В.- скрипач –

Старицкий М. – шафер на свадьбе (игумен Пантелеимон) –

Стародубровский В. – пианист –

Стоковский Л. – дирижёр –

Стравинский И. – композитор –

Танеев С. – композитор –

Темирканов Ю. – дирижёр –

Токарев В. – чтец –

Толстой Л. – писатель –

Толли Т. – переводчик –

Трайкович – композитор –

Третьяков В. – скрипач –

Троянов о. Игорь – священник –

Труль Н. – пианистка –

Тэриан М. – преподаватель, дирижёр –

Тюлин Д. – дирижёр –

Тютчев Ф. – поэт –

Фалик Ф. – композитор –

Факторович Н.- дирижер –

Фараонов И. – тесть маэстро –

Фахми Ф. – критик –
Федирко П. – чиновник –
Федосеев В. – дирижёр –
Фет А. – поэт –
Фишер А. – пианистка –
Флейшер И. – альтист –
Флярковский А. – композитор –
Франк Ц. – композитор –
Франсуа С. – пианист –
Фурман М. – реставратор –
Фурса Л. – музыкант –
Фурцева Е. – министр –

Хайкин Б. – дирижер –
Хачатурян А. – композитор –
Хачатурян Э. – дирижёр –
Хейфец Я. – скрипач –
Хиндемит П. – композитор –
Хомицер М. – виолончелист –

Цвейг – писатель –

Чавдарский В. – дирижёр –
Чайковский П. – композитор –
Чернушенко В. – дирижёр –
Черемисов – архиепископ Антоний –
Черникова Т. – музыкант –
Черкасов Г. – дирижёр –
Черкашина М. – профессор Киевской консерватории
Черны-Стефаньская Г. – пианистка –
Чехов А. – писатель –

Шабанов Ю. – музыкант –
Шатов о. Аркадий – священник –
Шатова С. – матушка о. Аркадия –
Шереметьев – граф –
Шиллер Ф. – поэт –
Шихмурзаева З. – скрипачка –
Шопен Ф. – композитор –
Шостакович Д. – композитор –
Шпиллер Вадим – родственник –
Шпиллер Вера Дмитриевна – сестра о. Всеволода –
Шпиллер Всеволод Дмитриевич – священник –
Шпиллер Всеволод Иванович – сын маэстро –
Шпиллер Дмитрий Алексеевич – архитектор –

Шпиллер Иван Всеволодович – дирижер –
Шпиллер Мария Ивановна – дочь маэстро –
Шпиллер Мария Николаевна – мать о. Всеволода -
Шпиллер Наталья Дмитриевна – певица –
Штаркман Н. – пианист –
Штраус И. – композитор –
Штраус Р. – композитор –
Шуберт Ф. – композитор –
Шуман Р. – композитор -

Щедрин Р. – композитор –

Элиазберг К. – дирижёр –
Энглерт О. – дочь священника –
Эрмлер М. – дирижёр –

Якобсон К. – хормейстер –
Янкелевич С. – педагог –
Яшвили М. – музыкант –